

С.И.НИКОЛАЕВ

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ в РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

(XVII—XVIII вв.)

F R A S Z K I I A N A K O C H A N O W S K I E G O.

F R A S Z K I tym Ściożłem daje: Proś
puesci na nie
Wszyspliwym ierzkiem / zā strafe nie
sztanie.

W KRAKOWIE,

W Drukarni Andrzeja Piętka: K. I. M. Typogr.
Roku Państwego, 1629.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

С. И. НИКОЛАЕВ

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Вторая половина XVII—
первая треть XVIII века

Ответственный редактор
А. М. ПАНЧЕНКО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Рецензенты: Л. А. СОФРОНОВА, д. м. БУЛАНИН

Н 4603020101-589
042(02)-89 470-89

ISBN 5-02-027885-8

© Издательство «Наука», 1989 г.

ВВЕДЕНИЕ

Стихотворный перевод возник в России в первой четверти XVII в. почти одновременно с появлением в начале столетия книжной силлабической поэзии. Число поэтических переводов, появившихся в XVII и в первые десятилетия XVIII в., и по количеству памятников и по их объему в несколько раз превосходит все предшествующие прозаические переводы стихотворных произведений в XI—XVI вв.¹ В это время стали переводить с разных языков, тогда как до XVII в. переводы с новых европейских языков скорее исключение, каким является, например, «Разговор магистра Поликарпа со Смертью», переведенный прозой с польского языка в первой половине XVI в. В XVII—первой трети XVIII в. появляются переводы с польского и латинского, затем с греческого, немецкого, английского и итальянского языков.

Велико и жанровое разнообразие переводной поэзии. Это драма (начиная уже с «Артаксеркса действа»), роман в стихах («История о Париже и Бене»), полемические сочинения, подписи к Библии Пискатора и эмблематический сборник «Желания благоговейные» Германа Гуго, сборник басен «Совет воинский» Бартоша Папроцкого и др. Объем только названных произведений насчитывает несколько тысяч стихотворных строк. Сюда следует добавить многочисленные переводы стихотворных отрывков в переводах прозаических сочинений, переводы панегириков, стихотворений «на случай», эпиграмм, а также переложения и переработки.²

Вся эта обширная литературная продукция никогда не изучалась в совокупности, хотя имеются исследования и публикации отдельных памятников. Это привело к тому, что историю русского стихотворного перевода обычно открывают имена А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского.³ Между тем до середины XVIII в.

¹ См. обзор работ, посвященных этим памятникам: *Панченко А. М. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 259—265.*

² См.: *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 96, 114, 165, 168, 171, 173, 174 и др.*

³ Ср.: *Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 22—23.*

переводная поэзия прошла сложный путь развития, и многие вопросы, занимавшие русских поэтов-переводчиков эпохи классицизма, были уже поставлены и отчасти решены в XVII в.

Ведущее место в переводной поэзии XVII в. занимают переводы с польского языка. Без исследования этих переводов не может быть полностью раскрыто и общеизвестное положение о влиянии польской поэзии на русскую в этот период. Последнее безоговорочно признавалось уже в XVIII в. В. К. Тредиаковский в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», описав стихосложение, употреблявшееся в Киево-Могилянской академии, заметил: «Сей точно есть исправный состав среднего российского стихотворения, вычищенный уже во всем и утвержденный, а воспринятый к нам с образца польских стихов».⁴ Однако объем и хронологические границы этого влияния представляются довольно смутно, хотя сам факт и действенность его бесспорны.

Стиховедческий аспект проблемы уже анализировался в работах В. Н. Перетца, Б. В. Томашевского, В. Е. Холшевникова, А. М. Панченко, М. Л. Гаспарова и др. В изучении же таких историко-литературных проблем, как тематика и генеалогия, по сути сделано очень мало. Несомненно, однако, следующее: до середины XVII в. польская поэзия проникает в Россию только через украинское посредничество, во всяком случае никаких фактов, свидетельствовавших бы о знакомстве с польской поэзией в первой половине XVII в., обнаружить не удалось. Тем самым определяется нижняя хронологическая граница данного исследования — середина XVII в. Это совпадает с ранее традиционно принятой датой появления книжной поэзии в России. Традиция эта несомненно идет от Тредиаковского, до начала XX в. лучшего историка древнерусской поэзии. В цитированной уже статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» после характеристики вирш в Острожской Библии 1581 г. он писал: «Сей состав стиха... перешел от белорусцев и поляков в Малую Россию, а из Малых к нам; да и пребывал у нас с 1663 до 1735 ровно 72 года, и есть точно оный, который я называю средним», совершенно определенно отметив ниже: «С времен Симеона Полоцкого, иеромонаха, жившего в Москве, польского состава стихи начали быть в составлении постоянны и одноличны на нашем языке».⁵

Выкладки Тредиаковского почти точно совпадают с выбранным для нашего исследования периодом — с 1650 по 1730 г. Однако «средний», или «польский», период русской поэзии необходимо соотнести с периодизацией истории польско-русских литературных связей.

Изучение интенсивного и регулярного литературного обмена между древними польской и русской литературами в XVII—на-

⁴ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 435, ср.: 434, 436, 438; ср.: Ломоносов М. В. Поли. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 12—13.

⁵ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 431—432, 436.

чале XVIII в. имеет длительную историю. Результаты разысканий и исследований XIX в. были сведены в известных библиографических трудах И. А. Шляпкина, А. И. Соболевского и А. Брюкнера.⁶ Просмотр этих работ показывает, что проблема стихотворного художественного перевода до начала XX в. не занимала ученых, хотя в их трудах сообщены ценные сведения о некоторых стихотворных переводах. Более того, А. Брюкнер, построивший свой перечень переводов по жанрово-тематическому принципу, переведенную поэзию не выделил, а раздел, посвященный повестям, заключил следующими словами: «Отдельно мы не перечисляем стихотворений, разнообразных кантов, которые в основном не пересекали малорусских границ и только в исключительных случаях попадали из польских текстов в русские».⁷ О переводах же книжной поэзии он писал, что ее поэтической формы не понимали, а таких поэтов как Шимонович или Морштыны не умели еще ценить. Переводы стихотворных сочинений ограничены только дидактической литературой («Совет воинский» Б. Папроцкого, «Четвертак» Я. Жабчица), да и они выполнены прозой.⁸

Эта резкая и несправедливая оценка переводной поэзии долгое время гипнотически действовала на исследователей, не решавшихся ни проверить, ни дополнить ошибочные выводы Брюкнера, который не знал рукописного материала в достаточном объеме.

В начале XX в. только голландская исследовательница А. Круазе ван дер Коп и В. Н. Перетц, обратившись к рукописному материалу, начали серьезное исследование переводной поэзии. Однако А. Круазе ван дер Коп в связи со смертью не удалось реализовать большую программу исследования.⁹ Полностью ею был изучен и издан только перевод интереснейшего памятника польской поэзии XV в. «Разговор магистра Поликарпа со Смертью».¹⁰

В. Н. Перетц в своих работах ограничивался преимущественно польско-украинскими связями в области поэзии, здесь следует назвать прежде всего обнаруженный им и частично изданный украинский перевод «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского.¹¹ В области польско-русских связей он писал

⁶ См.: Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 79—96; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903; Brückner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta: Szkic literacki. Lwów, 1906.

⁷ Brückner A. O literaturze rosyjskiej. S. 79.

⁸ Ibid. S. 49, 54—54.

⁹ Croiset van der Kop A. Die russischen Übersetzungen polnischer Literaturwerke: Ein Beitrag zur Geschichte der geistigen Bildung Russlands im 16. und 17. Jh. // Arch. für slavische Philologie. Berlin, 1909. Bd 30. H. 2. S. 57—89.

¹⁰ Croiset van der Kop A. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen, 1: De morte prologus. Berlin, 1907.

¹¹ См.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. Л., 1928. С. 168—234.

более всего о польских кантах и псалмах в русских рукописных песенниках.¹²

Новый период изучения начался только в конце 1950-х гг., после IV Международного съезда славистов, на котором с докладом о польско-русских связях выступил П. Н. Берков.¹³ На съезде развернулась дискуссия о русском барокко, в ходе которой особое внимание было обращено на роль польского барокко, поэтому в большинстве последующих работ о польско-русских связях эти проблемы рассматриваются в их взаимосвязи.¹⁴

Незатронутой оставалась, однако, сравнительная периодизация истории польско-русских литературных связей. Исследования А. И. Соболевского и А. Брюкнера завершились началом Петровской эпохи. Подобный подход и сейчас имеет своих сторонников.¹⁵ Предложенная позднее периодизация, в которой интересующий нас период оказался заключен в широкие хронологические рамки с 1569 по 1770-е гг.,¹⁶ не оказалась плодотворной.¹⁷ В ней прежде всего не отражен сложный процесс развития русской литературы XVI—XVIII вв., объединены слишком разные литературные эпохи.

Наиболее плодотворным оказалось введение термина «переходный период»,¹⁸ который охватывает вторую половину XVII и три

¹² См.: *Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы: Из истории русской песни*. СПб., 1900. Т. 1. С. 124—194.

¹³ См.: *Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в.* М., 1958. — Отметим, что применительно к нашей теме П. Н. Берков писал: «Характерно, что произведения новой (для той эпохи) польской художественной литературы (за исключением псалмов Яна Кохановского) не привлекали внимания русских переводчиков» (там же. С. 11).

¹⁴ Итоги дискуссии изложены в статье: *Dębski J. Spór o barok w literaturoznawstwie rosyjskim // Pr. historycznoliterackie. Kraków, 1975. Z. 33. S. 147—153.* Cf.: *Łużny R. Problem prądu a zagadnienia komparatystyki // Zagadnienia prądów i kierunków w literaturze rosyjskiej. Katowice, 1980. S. 9—19.*

¹⁵ См.: *Новицкий Г. А. Русско-польские культурные связи во второй половине XVII в.* // Докл. сов. историков на сессии Ассоц. славистических исследований междунар. ком. ист. наук (Краков, 27—30 августа 1973 г.). М., 1973. С. 77—91; *Łabyczew J. Próba typologii polskiej książki naukowej tłumaczonej w Rosji w XVII w.* // *Studia o książce. Wrocław, 1977. T. 7. S. 51—61.*

¹⁶ См.: *Jakóbiec M. Stosunki literackie polsko-rosyjskie: (Próba periodyzacji dziejów)* // *Slavia Orientalis. 1968. № 2. S. 136—139.*

¹⁷ Эта точка зрения также имеет своих сторонников; см.: *Липатов А. В. 1) Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 39—98; 2) Формирование польского романа и европейские литературы. М., 1977. С. 238—248.*

¹⁸ См.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 17—19; Берков П. Н. 1) Задачи изучения переходного периода русской литературы (от древней к новой) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 12—19; 2) О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 19—32; Охрименко П. П. Где же конец или начало? (К вопросу о периодизации русской литературы) // Рус. лит. 1974. № 1. С. 94—99.*

первых десятилетия XVIII в. Переходный период, однако, не выделяется как отдельная эпоха в истории литературы. Это положение между древней и новой русской литературой позволяет изучать переходный период в рамках или древней или новой русской литературы.¹⁹ Хотя часть исследователей, исходя из этого, включает изучение польско-русских связей в историю новой русской литературы, большинство рассматривает их как продолжение древнего периода.²⁰ Для нашей темы это принципиального методологического значения не имеет.

Определив хронологические границы исследования, считаем необходимым сказать несколько слов и о границах географических, этнически-культурных. Речь пойдет только о польско-русских литературных контактах, т. е. мы исключаем из своего рассмотрения польско-белорусские и польско-украинские связи. Эта оговорка представляется необходимой по той причине, что зачастую эти связи рассматриваются совершенно недифференцированно и тем самым утрачивается и стирается их историческая специфика. Совершенно очевидно, что польско-русские и польско-украинские литературные связи — это понятия разного качества и объема, что было обусловлено конкретными историческими причинами.²¹ Справедливо мнение Р. Лужного, что тему «„польская литература в России“ следует понимать в узком смысле, не политически-государственном, а этнически-культурном».²²

Вместе с тем в предлагаемом исследовании было нельзя, конечно, обойтись без привлечения материалов из истории белорус-

¹⁹ См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 408—445; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. М., 1977.

²⁰ Обзорных работ по этой теме вышло довольно много, назовем лишь некоторые: Moussieva Г. Н. Literaturno-общественные и научные связи России и Польши конца XVII—середины XVIII в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Междунар. съезд славистов. М., 1973. С. 438—451; Łużny R. Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII // O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław, 1969. S. 36—64; Lewin P. 1) Recepja literatury polskiej tłumaczonej w Rosji w wieku XVII i pierwszej połowie wieku XVIII // Slavia Orientalis. 1966. № 1. S. 101—111; 2) Literatura staropolska a literatury wschodniosłowiańskie: Stan badań i postulaty badawcze // Literatura staropolska w kontekście europejskim. Wrocław, 1977. S. 139—168; Fiszman S. Nowe aspekty badań nad rolą polskiej kultury w rozwoju kultury rosyjskiej // For Wiktor Weintraub: Essays in polish literature, language and history, present. of his 65th birthday. The Hague; Paris, 1975. P. 113—133.

²¹ См.: Łużny R. Dawne piśmiennictwo ukraińskie a polskie tradycje literackie // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich. Wrocław, 1974. S. 7—36; Janów J. Wpływ polskie na literaturę Rusi do XVIII w.: (Przegląd badań dotychczasowych) // Księga referatów II międzynarod. zjazdu slawistów (filologów słowiańskich). Sekcja II: Historia literatury. Warszawa, 1934. S. 69—73; Радишевський Р. П. Українсько-польські літературні зв'язки XVI—XVIII ст.: (деякі підсумки і перспективи дослідження) // Українська література XVI—XVIII ст. та інші слов'янські літератури. Київ, 1984. С. 186—205 (в статье дан обзор литературы предмета).

²² Łużny R. Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII. S. 43, przyp. 15.

ско-украинско-русских культурных связей. Воспитанники Киево-Могилянской коллегии (Симеон Погоцкий, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и многие другие) были зачастую деятельными пропагандистами поэтической культуры польского барокко в Московском государстве.

В многочисленных обзорных работах по истории польско-русских контактов раздел «поэзия» выглядит довольно бедно, хотя нельзя сказать, что эта тема не интересовала исследователей. Показательна история изучения «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого. После издания А. Х. Горфункаля²³ поэма была переиздана в антологии русской поэзии XVII—XVIII вв.,²⁴ и теперь библиография работ об этом переводе насчитывает уже целый ряд статей советских и зарубежных литературоведов и лингвистов. Такой интерес к памятнику обусловлен не только его несомненными достоинствами, но и тем, что он издан. Но многие памятники не изданы, поэтому первоочередной задачей изучения переводов польской поэзии в XVII—XVIII вв. является просмотр рукописного материала и создание источниковедческой базы, введение в научный оборот как новых, так и забытых памятников.

Проиллюстрируем это положение только двумя примерами. Перевод книги Б. Папроцкого «Совет воинский» неожиданно зачисляется в раздел руководств по военному искусству,²⁵ хотя это стихотворный сборник басен. Недоразумение произошло из-за того, что этот перевод никогда не изучался. Второй пример не менее красноречив.

В описании рукописного собрания Ф. А. Толстого, вышедшем в 1825 г., упомянута пьеса «Дафнис гонением любовного Аполлона в древо лявровое превращенная».²⁶ В 1862 г. П. П. Пекарский указал ее оригинал — поэму польского поэта С. Твардовского «Дафна, превратившаяся в лавр».²⁷ Наконец, в 1874 г. Н. С. Тихонравов издал эту пьесу по двум спискам.²⁸ Таким образом, этот перевод-переделка был надежно введен в научный оборот. Как о переводе с польского об этой пьесе писали П. О. Морозов и В. Н. Перетц. Однако после их работ «Дафнис» совершенно выпала из научного оборота. Достаточно сказать, что она не упоминается ни в одной из обзорных работ о польско-русских связях. Не пишут

²³ См.: *Горфункель А. Х. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого: (Из истории польско-русских литературных связей)* // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 39—64.

²⁴ См.: *Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.* Л., 1970. С. 216—249.

²⁵ См.: *Уланов В. Я. Западное влияние в Московском государстве // Три века: Россия от смуты до нашего времени / Ист. сб. под ред. В. Е. Калаша.* СПб., 1912. Т. 2. С. 46; *Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника).* М., 1966. С. 263.

²⁶ См.: *Калайдович К., Стroeв П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей...* Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 544—545.

²⁷ См.: *Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом.* СПб., 1862. Т. 1. С. 459—464.

²⁸ См.: *Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг.* СПб., 1874. Т. 2. С. 440—484.

о ней и историки русского театра.²⁹ В исключительно редких случаях она упоминается либо в связи с историей театральной терминологии,³⁰ либо с историей русского стихосложения,³¹ причем без указания на переводный характер пьесы.

Таким образом, необходимо не только введение нового материала, но и привлечение известного, но прочно забытого. Это определяет логику данного исследования и его в первую очередь источниковедческий характер, поэтому в книге часть аналитическая преобладает над синтетической, хотя рассмотрены и вопросы теории перевода, жанровой системы русской поэзии, проблемы «поэт и перевод» и др.

Предмет настоящего исследования — переводы книжной поэзии. Мелическую поэзию (так называемую «книжную песенную поэзию») мы исключаем из своего рассмотрения. Во-первых, она изучена достаточно полно в уже названных работах В. Н. Перетца и А. В. Позднеева;³² во-вторых, процесс русификации отдельных русских песен шел чрезвычайно долго и был многоступенчатым. Не случайно в рукописных песенниках транслитерированные польские песни встречаются до конца XVIII в. Перевод их — сравнительно редкое явление, а постепенная русификация — довольно естественный результат частого их переписывания.

Кроме собственно стихотворных переводов для анализа были привлечены прозаические переводы польской поэзии, парадфразы и переделки, а также некоторые пограничные формы стиха и прозы. Привлечение столь разнообразного на первый взгляд материала показалось целесообразным, поскольку оно позволяет выявить общие принципы отношения к иноязычному поэтическому тексту, выявить направления рецепции польской поэзии в переходный период русской литературы. Ограничивааясь только стихотворными переводами, мы воссоздадим идеализированную, упрощенную кар-

²⁹ «Дафнис» не упомянута в репертуаре придворного, школьного и публичного театров с конца XVII до середины XVIII в. (см.: История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 420—434) и значится среди оригинальных русских пьес в кн.: Материалы к истории театральной культуры России XVII—XX вв.: Аннотированный каталог. Вып. 2. Пьесы. Либретто. Нотные материалы. Л., 1984. Кн. 1. С. 154, 155.

³⁰ См.: Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв.: («комедия», «интермедиа», «диалог», «игрище» и др.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 297.

³¹ См.: Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Metryka słowiańska. Wrocław, 1971. S. 39—64.

³² См.: Позднеев А. В. 1) Польские книжные песни в русских рукописных песенниках XVIII в. // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. Л., 1963. С. 158—167; 2) Польский элемент в русских рукописных песенниках XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 335—338; 3) Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 56—70; 4) Polskie pieśni w rosyjskich śpiewnikach rękopiśmiennych XVII—XVIII w. // Pamiętnik literacki. 1962. Z. 2. S. 477—489. См. также другие работы А. В. Позднеева о русских песенниках XVII—XVIII вв. Имеется обстоятельный обзор работ Позднеева, см.: Smith G. S. A. V. Pozdneev and the Russian 'Literary Song' // J. of European Studies. London, 1975. Vol. 5. № 2. P. 177—189.

тину, не отражающую всех сложностей функционирования переводных произведений в иной культурной среде. На наш взгляд, именно «различия в сходном» (здесь на первый план выступают генетические метаморфозы переводов) позволяют отчетливее увидеть своеобразие литературного процесса в России на рубеже XVII—XVIII вв.

Основу книги составили статьи и разыскания, опубликованные в 1970—1980-х гг., в той или иной мере они дополнены и переработаны.

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ В РОССИЮ

Непосредственному анализу переводов должно предшествовать рассмотрение вопроса: что в России на рубеже XVII—XVIII вв. знали о польской поэзии?

Реконструкция «образа» польской поэзии в России необходима по той причине, что наши современные представления о ней существенно отличаются от представлений читателей и писателей переходного периода. Мы не можем (и не должны) абстрагироваться от результатов огромной работы, которую провели в течение последних ста лет и проводят ныне польские исследователи, буквально воскресившие польскую литературу эпохи барокко. Если теперь в эпосе художественный приоритет единодушно признается за «Хотинской войной» В. Потоцкого, в лирике — за поэзией Яна Анджея Морштына, в мемуаристике — за знаменитыми «Записками» Я. Х. Пасека, в эпистолографии — за венценосным литератором Яном III Собеским, то следует помнить, что произведения этих и других первоклассных авторов были изданы только в XIX—XX вв. Недаром в польской научной литературе XVII век нередко называют «веком рукописей».

Достаточно бегло ознакомиться с хронологической расписью книг интересующего нас периода в «Польской библиографии» К. Эстрайхера, чтобы убедиться в том, что у польских просветителей, знаявших часто лишь печатную продукцию, были некоторые основания презреть и перечеркнуть литературу предшествующей эпохи: поток панегирической стихотворной продукции залил книжный рынок и растворился, наконец, в начале XVIII в. в сумерках «саксонской ночи». Просветители, а за ними и исследователи часть приняли за целое, а период упадка — за всю эпоху.

По этим причинам даже просто сводка тех сведений о польской поэзии, которыми располагали в России в XVII—XVIII вв., будет характеризовать степень ориентации русских читателей как в предшествующей, так и в современной им литературной жизни Речи Посполитой. Источниками для такой реконструкции послужат курсы поэтики и риторики в русских духовных училищах, описи библиотек, а отчасти и анализ отношения русских поэтов XVII—XVIII вв. к польской поэзии.

Польская поэзия в духовных училищах XVII—XVIII вв.

Большая часть восточнославянских поэтов и литераторов конца XVII—первой трети XVIII в. получили образование в духовных училищах Украины и России, а иногда и за их пределами. Многие годы для восточных славян Киево-Могилянская коллегия (с 1701 г. академия) была единственным высшим учебным заведением; не потеряла она своего значения и в XVIII в. Духовные училища в России были по сути дела ее филиалами, прежде всего по той причине, что их основателями или преподавателями были выпускники киевской школы.¹

Формирование литературно-эстетического сознания в Киевской академии и в разбросанных по всей России ее «отделениях» проходило под несомненным влиянием западноевропейской теоретической мысли (Понтано, Скалигер и др.) в ее польской переработке и носило полонофильский характер. Польский язык наравне с латынью был необходимым орудием для усвоения пийтической и риторической науки.

Роль польской традиции в преподавании поэтики и риторики в Киево-Могилянской академии и в русских духовных училищах исследовалась в прошлом веке Н. И. Петровым² и другими учеными. В последние десятилетия материал был значительно дополнен и вновь пересмотрен в работах Р. Лужного и П. Левин.³ В результате их исследований роль польской теоретической мысли и роль польской поэзии в курсах поэтики стала совершенно несомненной. Примеры в них приводились обычно из античной и новолатинской поэзии (в том числе и польских авторов), на национальных же языках цитировалась только польская поэзия. На русском языке примеры появляются в первой четверти XVIII в., и это были зачастую переводы с польского.

Каких авторов читали и изучали в Киево-Могилянской академии? Прежде всего это были поэты, чьи произведения были опубликованы, что сразу исключает определенный слой польской поэзии XVI—XVII вв., например поэзию Я. А. Морштына.

¹ Это подробно документировано в кн.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1913.

² См.: Петров Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 г. // Тр. Киев. духовной акад. 1866. № 7, 11, 12; 1867. № 1, 3.

³ См.: Łuzny R. 1) Pisarze kregu Akademii Kijowsko-Mohylańskieej a literatura polska: Z dziejów związków literackich polsko-wschodniosłowiańskich. Kraków, 1966; 2) Nieznane karty z dziejów polskiego baroku // Spraw. z posiedzeń Komisji PAN w Krakowie, styczeń—czerwiec 1966. Kraków, 1966. S. 37—40; Lewin P. 1) Poetyka moskiewska z roku 1722 // Slavia Orientalis. 1967. № 4. S. 381—390; 2) Wykłady poetyki w szkołach rosyjskich od końca wieku XVII do roku 1774: Stan posiadania i postulaty badawcze // Ibid. 1968. № 2. S. 153—157; 3) Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII в. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972; 4) Dawne polonica literackie w archiwach Moskwy i Leningradu // Slavia Orientalis. 1972. № 1. S. 73—99; 5) Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII в. // Wiener Slavistisches J. Wien, 1977. Bd 23. S. 180—198.

Непрекаемым авторитетом для киевских учителей был, конечно, великий поэт польского Возрождения Ян Кохановский. О его популярности и авторитете свидетельствует не только то, что в лекционных курсах упомянуты почти все его сочинения от фразек до переложения псалмов, но и псевдоэпиграфы, встречающиеся даже у такого знатока как Феофан Прокопович. После Яна Кохановского следует назвать его племянника Петра Кохановского, переводчика «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. Но этот перевод приобрел авторитет классического образца эпической поэмы только после лекций Феофана Прокоповича (1705), до этого образцовой поэмой считалась «Гражданская война» С. Твардовского. В разделе лекций, посвященном эпиграмматике, более всего цитировался (а затем и переводился) «христианский Гораций» — выдающийся польский новолатинский поэт М. К. Сарбевский. Он высоко ценился и как теоретик: в украинских и русских поэтиках раздел об «остроумии» излагался по его теоретическим сочинениям, в то время не опубликованным.⁴ Все примеры в Киеве, конечно, приводились на языке оригинала.⁵

Киевские воспитанники, преподававшие в Москве и других городах России, не повторяли киевские лекции своих наставников, а сами читали польских авторов. Теперь на первое место выходит Сарбевский, причем если в киевских поэтиках упоминаются 22 его сочинения, то в русских — 54. Более известным становится «Освобожденный Иерусалим» в его польской версии, встречаются отрывки, не упоминавшиеся в Киеве.⁶ Интерес к историческим хроникам «сарматского Вергilia» Твардовского ослабевает, а популярность Яна Кохановского не уменьшается, более того, в поэтиках появляются переводы его стихотворений,⁷ а также переводы других поэтов. Об этих переводах следует сказать особо.

Стихотворные переводы в русских поэтиках XVIII в. в этой книге не рассматриваются: они достаточно полно изучены и изданы, а хронологически не попадают в рамки настоящего исследования, так как становятся непременным атрибутом только в начале 1730-х гг. (см. поэтику Феофилакта Кветницкого), хотя изредка появлялись и раньше (см. поэтику Лаврентия Горки). Кроме того, эти переводы носят особый характер — это «ученые», вернее «учебные» переводы, преследующие определенную цель: обучение поэтическому (но не переводческому!) искусству. Примечательно, что эти переводы не вышли за пределы поэтик. Исключ-

⁴ См.: Lewin P. 1) Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej słowiańskiej XVII—XVIII w. a traktat Sarbiewskiego // Literatura staropolska i jej związki europejskie. Wrocław, 1973. S. 309—324; 2) Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich. S. 107—125.

⁵ О польской поэзии в киевских лекциях см.: Łužny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej. S. 89—97.

⁶ См.: Lewin P. Rosyjskie przekłady «Gofreda» w wykładach poetyki z XVIII w. // Slavia Orientalis. 1969. № 4. S. 383—391.

⁷ См.: Lewin P. Rosyjskie tłumaczenia z Jana Kochanowskiego (I poł. XVIII w.) // Arch. literackie. T. 16. Misc. staropolskie. Wrocław, 1972. T. 4. S. 81—85.

чения крайне редки — таков перевод 1705 г. Феофана Прокоповича из «*Tristia*» (I, 8) Овидия,⁸ который встречается и в рукописных сборниках.

Исследования Р. Лужного и П. Левин показали, что воспитанники Киевской академии учились на лучших образцах польской поэзии эпохи Ренессанса и Барокко. Став преподавателями, они постоянно обновляли свой репертуар приводимых примеров, обращаясь непосредственно к польской печатной книге, что отразилось в читанных ими курсах. Чтобы ориентироваться в лучших образцах, надо было много читать, а этот процесс остался, конечно, за рамками поэтик: для учебных целей его отражение излишне. Полемический элемент, из которого можно было бы извлечь некоторые сведения, есть только в лекциях Феофана Прокоповича. Это обстоятельство делает необходимым реконструкцию круга чтения литературных деятелей XVII—первой трети XVIII в. Здесь целесообразно не ограничиваться книжными собраниями одних литераторов — это дает возможность определить не только репертуар польской поэзии, но и круг ее читателей, а также тех, кто ее не читал.

Польская поэзия в русских библиотеках и книжных собраниях XVII—первой трети XVIII в.

Перестройка литературной культуры в XVII в. затронула и такой важный ее компонент, как книга. Отношение к ней изменилось. Если для традиционалистов (прежде всего старообрядцев) книга была духовным руководителем, то для «новых учителей» полонофильской ориентации она стала духовным собеседником. Это изменение немедленно сказалось на количественном составе библиотек: из нескольких «полезных» книг они вырастают до сотен и тысяч. Это понятно — духовный руководитель один (традиционисты даже ориентировались на одну книгу), а собеседников сотни.⁹ Отсюда один шаг до библиофильства в современном смысле слова, и первыми библиофилами стали поэты.¹⁰

Незадолго до смерти президент Синода Стефан Яворский написал элегию «*Possessoris horum librorum luctuosum libris vale*» («Посессора сих книг плачевное книгам целование»). Поэт прощался со своими книгами, как через сто лет попрощается со своими «друзьями» Пушкин. Латинская элегия Стефана Яворского, по словам Филарета Гумилевского, сделала бы честь Вергилию. Она была высоко оценена и в XVIII в.: ее несколько раз переводили на русский язык и один раз, правда, по недоразумению,

⁸ См.: Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 494.

⁹ См.: Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 125—148.

¹⁰ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 140.

с русского на латинский: английский пастор Томас Консетт, сделавший обратный перевод в 1723 г., не знал о латинском оригинале элегии.¹¹ Позднее Евгений Булгарис перевел ее «в еллино-греческие стихи». Тот факт, что библиофильская элегия стала самым популярным произведением поэта, конечно, не случаен: поэт — это читатель. Сам Стефан недвусмысленно говорит о том, что книги для него в прямом смысле «питательная среда»:

Книги, мною многажды носимы, грядите,
Свет очию моему, от мене идите!
Идите благочестно, иных насыщайте,
Сот ваш уже прочим ныне искалайте!
Увы мне! око мое от вас устранило,
Ниже вам может быть к тому насыщено.
Паче меда и сот вы мне сладши бесте,
С вами жить сладко бяше, горе, яко несте.
Вы богатство, вы слава бесте мне велика,
Вы рай, любви радость и сладость колика,
Вы мене прославили, вы мене просветили,
Вы мне у лиц высоких милость приобрели.¹²

В какой мере эти слова относятся к польской поэзии, т. е. что читал сам Стефан Яворский и другие поэты?

Русская библиотека XVII—первой половины XVIII в. изучена довольно основательно.¹³ Что касается польской книги в русских библиотеках этой поры, то в очень немногих специальных работах отмечено главное и вполне очевидное: среди иностранных книг польская книга как в XVII, так и в начале XVIII в. занимала если не первое, то второе место после латинской и по роли, и чисто количественно.¹⁴

В имеющихся работах (за очень редкими исключениями) состав библиотек раскрыт частично, и поэзии в этом смысле не повезло: упоминаются обычно лишь античные авторы, и то как более легко угадываемые. В исследованиях по истории польско-русских культурных связей анализ библиотек носит фрагментарный характер: это либо отдельные замечания, либо разыскания об отдельных

¹¹ См.: *Берков П. Н.* Томас Консетт, капеллан английской фактории в России: (к истории русско-английских литературных связей в 1720-е гг.) // Проблемы междунар. литературных связей. Л., 1962. С. 7—10. — Примечательно, что при обратном переводе 2 стиха из 38 совпадали полностью.

¹² Современный перевод цит. по кн.: *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. Прил. С. V.

¹³ См.: *Луппов С. П.* 1) Книга в России в XVII в. Л., 1970; 2) Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973; 3) Книга в России в послепетровское время (1725—1740). Л., 1976. — Там же и библиография работ по теме.

¹⁴ См.: *Луппов С. П.* Польская литература в русских библиотеках и частных собраниях XVII—первой половины XVIII в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Сб. 34. С. 47—60; *Рогов А. И.* Польская книга на Руси // Конф. по истории средневековой письменности и книги. 25—27 октября 1977 г.: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 79—80.

авторах.¹⁵ Общей картины нет, поэтому попытка воссоздать ее небесполезна хотя бы как первый опыт.

Составленный нами список польских поэтических книг, бытовавших в России во второй половине XVII—первой трети XVIII в.,¹⁶ разнообразен по источникам: учтены сведения описей библиотек, данные о покупке книг, либо привезенных в Москву, либо вывезенных оттуда, включены сохранившиеся книги. Нас интересует в данном случае, собственно говоря, не самая книга, а ее бытование среди русских читателей.

Насколько этот список полон? Конечно, об исчерпывающей полноте не может быть и речи. Выявление сохранившихся экземпляров осложнено тем, что наши сведения о судьбах библиотек XVII—XVIII вв. в большинстве случаев довольно скучны. Например, Симеон Полоцкий так распорядился своим собранием: «Обед душевный» и «Вечерю душевную» он завещал в Заиконоспасский монастырь, книги польские и русские — в Полоцкий Богоявленский, а латинские — в киевский братский. Книги, однако, попали к Сильвестру Медведеву, которому Симеон завещал только свои «письма» (т. е. рукописные сочинения). В конце концов библиотека Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева оказалась в ЦГАДА, но не вся: принадлежавшие им книги имеются в ГБЛ, в библиотеке бывшего харьковского коллегиума, а возможно, и где-то еще. Не обнаружен, например, экземпляр «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского из этой библиотеки.

Другой пример — библиотека Стефана Яворского. Ее судьба представляется также довольно смутно. Большая часть книг хранится в Харькове, но какая-то часть попала в Рязань. Судьба же более мелких собраний вообще неизвестна.

В списке учтены и некоторые книги, несомненно бытовавшие в России, хотя иногда их происхождение неизвестно. В ОРК ГБЛ хранится конволют (№ 5749—5750), составленный из произведений Яна Кохановского и принадлежавший некоему Василию Родионову. Возможно, что его владельцем был и митрополит Сарский и Подонский Павел.¹⁷ Неизвестно и происхождение конволюта ОРК БАН (8997q/23614—22г), в котором под одним переплетом собраны оригинальные сочинения и переводы Яна, Анджея и Миколая Кохановских, а также приплетено несколько произведений совизжальской литературы. Заметки на польском и немецком языках датируются 1612—1691 гг., на внутренней стороне верхней крышки переплета запись почерком начала XVIII в.: «Стихословие на польском языке». Конволют, следовательно, в петровское время

¹⁵ См.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. С. 17, 24; Лабынцев Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в. // Сов. славяноведение. 1980. № 6. С. 74—78.

¹⁶ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 172—179.

¹⁷ См.: Лабынцев Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского. С. 77.

был в России. Едва ли не тем же почерком сделана запись на внутренней крышке переплета «Метаморфоз» Овидия в польском переводе В. Отвиновского: «Овидиуса Насона стихословие на польском языке» (ОРК БАН, 10074q/29118г). Однако таких книг включено в список лишь несколько.

Немногочисленные сведения о покупке книг затруднений не вызывают. Остановимся на описях библиотек, основном источнике.¹⁸

Реестры и описи библиотек XVII—первой половины XVIII в. очень неровны — они делались неряшливо, непрофессионально, без учета содержания конволютов, иностранные книги описывались иногда суммарно и т. д. Это хорошо известно. Приведем примеры из наших разысканий.

В описи книг Феофилакта Лопатинского встречается следующее название: «Лямент милостивой матки, в черной коже».¹⁹ Экземпляр сохранился — это конволют, включающий 13 книг, и первая называется «Lament utrapionej Matki Korony Polskiej już się kopając» (ОРК БАН, Лопатинский 11л—23л). Почти все остальные книги представляют своеобразную антологию совизжальской литературы — польского аналога русской демократической сатиры XVII в. Среди записей в книге кроме «Ex catedrali bibliotheca episcopi Tferensis» отметим следующую: «Сия книга Василья Володимирови[ча] Шилова».²⁰

В описи той же библиотеки под № 39 значится «Псалтирь польская в белом переплете, ветхая».²¹ На верхней внутренней крышке переплета сохранившегося конволюта стоит № 39 (ОРК БАН, Лопатинский 752л—759л). Первая книга действительно «Псалтирь» — «Psałterz Dawidów» Яна Кохановского (Краков, 1641), затем идут другие его сочинения, произведения К. Мясковского, Ш. Шимоновица и др. Владельческие записи самые разнообразные; кроме записей на польском языке и записи Феофилакта Лопатинского, отметим такие: «Псалтырь Кохановского», «Иван Иванович поп богоявленский [нрзб.]».

Из этих наудачу выбранных примеров ясно, что данные описей необходимо сверять с сохранившимися книгами, иначе описи так никогда и не «заговорят». В этом направлении сделано очень мало.²² Необходимо продолжить публикации реестров, но прежде всего надо выявить, особенно в провинциальных библиотеках,

¹⁸ Нами обследовано большинство описей библиотек изучаемого периода, сведения о которых по большей части взяты из работ С. П. Луппова (см. примеч. 13). К сожалению, у С. П. Луппова встречаются досадные неточности. В частности, по его наблюдениям в библиотеке Ф. Поликарпова польских книг не было (см.: Книга в России в первой четверти XVIII в. С. 233). Однако в указанной им записи читается: «Овидиев метаморфосис полский», «Молитвенник польский», «Книпиуш латинопольский» и др. (см.: ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 1217, л. 68, 68 об., 69).

¹⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 583, л. 46.

²⁰ Возможно, что это алхимик и аптекарь, живший в Москве в 1680 г., см.: Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1888. Т. 62. С. 443.

²¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 583, л. 14.

²² См. пример издания, подготовленного на высоком научном уровне: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985.

те книги, которые бытовали в России на рубеже XVII—XVIII вв. Основным критерием при атрибуции должны быть владельческие записи на книгах.²³

Анализ состава библиотек приводит еще к одному наблюдению. Из лекционных курсов мы знаем нечто о круге чтения преподавателей — по цитатам, упоминаниям и отсылкам. Сопоставление этих упоминаний с описями опять разочаровывает. Феофан Прокопович и Лаврентий Горка, например, цитировали, а второй из них и переводил «Освобожденный Иерусалим» прямо по польскому изданию, а не из вторых рук. Это установлено точно,²⁴ хотя большая часть цитат из польской поэзии переходила из одной поэтики в другую. Однако в описях библиотек обоих преподавателей этой книги нет.²⁵ Объясняется это, вероятно, не только неудовлетворительностью описей, но и тем, что библиотека триста лет назад, как и сегодня, была живым организмом, книги постоянно находились в движении. Из переписки русских поэтов XVII—XVIII вв. мы знаем, что они часто обменивались книгами,寄送али друг другу не только свои собственные сочинения, но и книги для чтения или для работы. В каталоге книг Стефана Яворского встречаются пометы: «Сия книга монастыря Николского Киевского, отдать ея тому монастырю», «Сия книга монастыря Печерского, отдать ея, где надлежит» и т. д. Свои книги он завещал в Нежинский Благовещенский монастырь, «кроме некоторых чужих, тут же в реестре означенных».²⁶ О филиации книг свидетельствуют и цитированные выше владельческие записи на книгах из библиотеки Феофилакта Лопатинского. Наконец, в библиотеках XVII—XVIII вв. не удалось обнаружить оригиналов некоторых произведений, переведенных тогда на русский язык, например, «Дафны» С. Твардовского, «Четвертака» Я. Жабчица, «Наставления разных философов о супружестве» Б. Папроцкого и др.

Все это затрудняет восстановление полного репертуара польской поэзии в России и, что не менее важно, круга ее читателей. И все же составленный список польских поэтических книжек в русских библиотеках имеет свой смысл. Разумеется, делать на его основании далеко идущие выводы было бы неразумно, но поскольку речь идет не о единицах, а о десятках книг, то этого достаточно для предложения следующих соображений.

В XVII и в самом начале XVIII в. поэзия в русских библиотеках была представлена только на латинском и на польском языках

²³ См.: Николаев С. И. 1) Польская книга в России в XVII в. // 3-я Всеобщая науч. конф. «Книга в России до середины XIX в.»: Тез. докл. Л., 1985. С. 23—24; 2) Польская книга в России в XVII—начале XVIII в.: К методике разысканий // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 103—108.

²⁴ См.: Łužny R. «Gofred» Tassa—Kochanowskiego na Rusi w wieku XVII—XVIII // W kręgu «Gofreda» i «Orlanda». Wrocław, 1970. S. 124—126.

²⁵ См.: Верховский П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов н/Д, 1916. Т. 2. С. 3—71; ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 91—103.

²⁶ Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. С. IX, XIX.

(исключения были, но очень редкие, и они роли не играют). При этом на латинском языке только половина или несколько больше книг относится к античной поэзии, остальные — произведения новолатинских поэтов: М. Мурет, Я. Бальде, Д. Овен, Д. Барклай, Д. Буханан и др.

Польская печатная стихотворная продукция представлена в русских библиотеках во всем объеме жанров и видов: панегирики, исторические хроники, эпиграммы, поэмы, поэтические сборники (Я. Кохановский, К. Мясковский, В. Коховский и др.), совизжальская литература и т. п.

Заметны пристрастие русского читателя к одним авторам и умеренный интерес к другим. Самыми популярными поэтами были Я. Кохановский и С. Твардовский. Хотя бы в одном экземпляре представлены почти все их сочинения, а некоторые — десятками экземпляров. Конечно, могло получиться так, что одна и та же книга, известная только по описи, дважды названа в списке у разных владельцев: это результат филиации книг и для целей данного исследования особого значения не имеет, так как нас занимают не столько числовые показатели, сколько бытование книг в русской читательской среде.

Читатели польской поэзии — это в первую очередь ученые монахи, высшие иерархи церкви вплоть до президента Синода и его вице-президентов. В большинстве своем они выученики Киевской академии, отсюда и пристрастие как раз к тем авторам, которые высоко ставились в курсах поэтики. Еще одна четко выделяемая, хотя и количественно меньшая группа — аристократия западнического толка (Д. М. Голицын, А. А. Матвеев).

Некоторые результаты разысканий могут иметь значение не только для русистики, но и для полонистики. Как известно, переводная литература XVI—XVII вв. сохранила сведения, ценные и для истории польской литературы, и такой материал из области переводной поэзии будет приведен в последующих главах. В ходе же книжных разысканий удалось выявить неизвестное по библиографиям издание 1683 г. поэмы С. Твардовского «Прекрасная Паскалина» из библиотеки Сильвестра Медведева.²⁷

В заключение отметим, что в поэтическом репертуаре польских и русских библиотек того времени много совпадений.²⁸ Из этого следует, что русские читатели имели достаточное представление о современной польской литературе и круг их чтения вовсе не ограничивался (в литературе встречаются и такие утверждения) второразрядными произведениями массовой литературы и «вчерашним днем» польской поэзии.

²⁷ См.: Николаев С. И. Неизвестное издание поэмы С. Твардовского «Прекрасная Паскалина» // Сов. славяноведение. 1984. № 6. С. 77–78.

²⁸ Из новой польской литературы о библиотеках XVII в. см.: Kortaj W., Korotajowa K. Książka literacka w polskich bibliotekach prywatnych XVI i XVII w.: (Na podstawie wybranych przykładów) // Z dziejów życia literackiego w Polsce XVI i XVII w. Wrocław, 1980. S. 221–246; cf. S. 247–259.

Когда в России началось знакомство с польской поэзией? Несомненно, не позднее начала XVII в., когда среди наводнивших Москву поляков оказались интеллигенты, а среди них и поэты, например Я. Петрицы. Однако следов этого знакомства обнаружить пока не удалось. Первые документальные свидетельства относятся к 1650 г., когда из Польши в Посольский приказ Г. Пушкин привез поэму С. Твардовского «Владислав IV», а Г. Кунаков две самые популярные книжки совизжальской литературы о про-делках церковного служки Альбертуса.²⁹ Так одновременно произошло знакомство с высокой эпической поэзией и с литературой социальных низов. Подробные сведения за вторую половину XVII и первую треть XVIII в. собраны в упомянутом списке книг. Однако наш обзор и самый список завершаются не 1730 г., а началом 1740-х гг. Условной датой можно считать 1742 год — год выхода «Камерного каталога» библиотеки Академии наук. Объясняется это тем, что библиотеки деятелей Петровской эпохи (Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский и др.) изучались по описям, составленным в 1730—1740-е гг.

Расширение хронологических рамок в данном разделе подтвердило правильность выбранной нижней даты исследования — 1730 г. («точная» дата, конечно, условна). Польскую поэзию перестают читать, следовательно, не могло быть переводов. Так, в упомянутом «Камерном каталоге» (1742) раздел «Поэзия» включает 570 названий. Здесь уже представлены первоклассные европейские поэты XVI—XVII вв.: Т. Тассо, Л. Ариосто, У. Шекспир, Д. Марино и др., но нет ни одной поэтической книжки на польском языке. Польская новолатинская поэзия представлена только Сарбевским: в конце раздела под № 554 и 555 значатся два издания его «*Lyricorum libri tres*».³⁰

Угасание интереса к польской поэзии характерно и для поэтов нового поколения, поэтов новой русской литературы. В парижской библиотеке А. Кантемира польской поэзии не было.³¹ В. К. Тредиаковский, впрочем, в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлону» (1735) высказался о польской поэзии доброжелательно:

Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма учиво.³²

Но сравнительно с подробным обзором французской или немецкой поэзии в той же «Эпистоле» эта характеристика выглядит слишком краткой и невнятной. Одно беглое упоминание в предисловии к «Аргениде» о польском стихотворном переводе романа Барклайя позволяет считать, что Тредиаковский знал перевод В. Потоц-

²⁹ См.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI ст. М., 1898. С. 31, 32. — Подробнее о судьбе этих книг см. гл. 2.

³⁰ См.: *Bibliothecae imperialis Petropolitanae*. Р. 4, que continent libros philosophicos etc. 1742: Typ. acad. imp. sci. Vol. 1. P. 395.

³¹ См.: Александренко В. Н. К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшава, 1896. С. 15—46.

³² Тредиаковский В. К. Избр. соч. Л., 1963. С. 393.

кого,³³ а более пространный отзыв встречаем в «Способе к сложению российских стихов»: «Просевтическая есть поэма, которую или о чем-нибудь бога молим, или ему какие обеты творим, или чего у высочайших лиц просим. Может она сочиняема быть и гексаметрами и строфами. Пример ее у Сарбиевия в кн. 20 (так! — С. Н.), который весь весьма достоин есть чтения».³⁴

Возможно, что М. В. Ломоносову была известна «Гражданская война» Твардовского (Калиш, 1681),³⁵ а в 1762 г. он брал в академической библиотеке какое-то сочинение Кохановского, вероятно, Яна (в списке кратко: «Кохановский»).³⁶

Несмотря на всю краткость этих упоминаний, можно полагать, что польские интересы Тредиаковского и Ломоносова — маргинальное, реликтовое явление в их литературной биографии, память о школьных годах обучения в Славяно-греко-латинской академии, о чем говорит и самий подбор авторов. Как известно, литературные интересы реформаторов русского стиха были обращены к Германии, Франции, Италии.³⁷

Литераторы нарождающегося классицизма не только охладели к польской поэзии, но и открыто пытались от нее отмежеваться. В некоторых списках стихотворений Кантемира четвертый стих эпиграммы «Автор о себе» читается «Что взял по-польски, — заплатил по-русски», а в окончательном виде — «Что взял по-гальски, — заплатил по-русски».³⁸ Совсем сурво и, очевидно, из вторых рук (что уже показательно), высказался о польской поэзии автор компилиативной статьи «О стихотворстве» (1762): «Польский язык не был способен к стихам, и хотя оные и пишут, однако никто себя отменно не показал».³⁹

Заново польская поэзия была открыта в России только в начале XIX в. В середине и во второй половине XVIII в. ее читали и переводили исключительно в духовных училищах, но и там уже давали себя знать новые веяния в русской поэзии. Примечательно, однако, что архимандрит костромского Богоявленского

³³ «Не будет уже причины удивляться, чего ради она переведена на все европейские языки, а на польский язык еще и стихами» (Барклай Д. Аргенида. СПб., 1751. Ч. 1. С. XLVII).

³⁴ Тредиаковский В. К. Соч. и переводы. СПб., 1752. Ч. 1. С. 151. Ср.: Николаев С. И. Произведения М. К. Сарбевского в России // Сов. славяноведение. 1986. № 2. С. 103.

³⁵ См.: Куллябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 192.

³⁶ См.: Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 330, 425.

³⁷ См.: Пумянский Л. В. 1) Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сб. М.; Л., 1937. С. 157—186; 2) Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 3—44; Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 14—68.

³⁸ Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 471—472.

³⁹ Цит. по кн.: Материалы для истории русской литературы / Изд. П. А. Ефремов. СПб., 1867. С. 189. Ср.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. С. 22—25.

монастыря Феодосий (ум. 1780) читал «Метаморфозы» Овидия в польском переводе В. Отвиновского,⁴⁰ как за 100 лет до него Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев.

Поэт и перевод

Отношение силлабиков к польской поэзии можно выяснить либо по их высказываниям, либо по их переводам. Однако здесь сразу начинаются трудности. Так, известны хрестоматийные слова Симеона Полоцкого из второго предисловия к «Псалтири рифмописьменной»: «Видех и на приискренем нашему славенскому языку диалекте полском книги печатныя, Псалтир стихотворно преложенную содержащая, не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимая... Мнози во всех странах Малыя, Белыя, Черныя и Червонныя России, паче же во Велицей России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве, возлюблише сладкое и согласное пение полския Псалтири, стиховно преложенные, обыкоша тыя псалмы пети, речей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющеся духовне».⁴¹ Но именно эти слова стали хрестоматийными только по той причине, что никаких других аналогичных высказываний Симеона Полоцкого мы не знаем. Обычно не подчеркивается и характер этих слов, ведь это не просто отзыв, а необходимая в ряду других *causa scribendi*. То, что Симеон не назвал Яна Кохановского по имени, а Евфимий Чудовский догадался, о ком идет речь,⁴² говорит только о распространенности «Псалтыри Давида» в Москве и о начитанности русских литераторов. Мы вправе ожидать каких-либо отзывов, но поэты ничего не говорят о своих польских учителях и собратьях по перу. Что польские авторы были для русских учителями, нам хорошо известно из курсов поэтики, в которых о Яне Кохановском говорится всегда с почтением. Но за пределами школы, в оригинальном творчестве, о польской поэзии (не говоря уже о любой другой) нет ни слова.

Обратимся к переводам. С одной стороны, в переводной поэзии (анонимной по преимуществу) мы не встречаем произведений, подписанных именами профессиональных поэтов, с другой — в творчестве профессионалов нет стихотворений с указанием на переводной их характер. Здесь мы имеем в виду творчество «классических» барочных поэтов (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин и др.).

Обзор литературного наследия силлабиков показывает, что в их творчестве не было установки на перевод. Подтверждается это, в частности тем, что в «Рифмологионе» Симеона Полоцкого помещена анонимная «Песнь из полского диалекта преведенная

⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 796, оп. 61, № 3, л. 6.

⁴¹ Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Подгот. текста, статья и comment. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 213.

⁴² См.: Остен: Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 137.

на славенский о прелести мира».⁴³ Польский текст и русский перевод (по списку ГПБ, Q.XVIII.79) были опубликованы В. Н. Перетцем.⁴⁴ В результате он пришел к выводу, что это один из лучших переводов XVII в. и, добавим, превосходный образец перевода-компенсации (по терминологии С. Матхаузеровой), теоретически обоснованного Симеоном.⁴⁵ Однако это то самое исключение, которое подтверждает правило. «Есть прелесть в свете» встречается только в рукописных песенниках и относится к особому виду лирического творчества (песня). О том, что этот текст предназначался именно для пения, Симеон Полоцкий мог знать хотя бы из имевшегося в его библиотеке «Небездельного безделья» В. Коховского:

Bo inszać-że w klasztorze i w westalskim cieniu
Brzęczeć na klawikordzie i lichym grzebieniu,
Nucąc: «Jest zdrada w świecie».⁴⁶

Хорошо известна тесная связь с польской литературной традицией Феофана Прокоповича и Стефана Яворского,⁴⁷ но и в их лирическом творчестве нет переводов с польского.

Таким образом, профессиональные поэты XVII—первой трети XVIII в. хорошо знали польскую поэтическую традицию, в их библиотеках были лучшие образцы польской поэзии эпохи Возрождения и барокко, при необходимости они могли делать совершенные стихотворные переводы («Есть прелесть в свете»), но, как правило, не делали их. Однозначно и удовлетворительно объяснить этот феномен пока не представляется возможным, но все-таки можно высказать некоторые предположения. Нельзя, очевидно, сбрасывать со счета то обстоятельство, что маркированно «чужие» тексты могли умножить число обвинений в «латинской ереси». В частности, чудовский инок Евфимий прямо просил патриарха Адриана запретить «преводити полских книжищ бредни и в них крыемые терны, и расплодячи и разсевати тая на прелесть между чистыя слова божия пшеницы».⁴⁸ Но основной причиной это, конечно, считать нельзя (ср. «Великое Зерцало» с его католи-

⁴³ См.: ГИМ, Синодальное собр., № 287, л. 423 и сл.

⁴⁴ См.: *Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1, ч. 1. С. 132—141.*

⁴⁵ См.: *Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 274—278.*

⁴⁶ Poeci polskiego baroku. Warszawa, 1966. Т. 2. S. 222; Hernas C. W kulinowym lesie. Warszawa, 1965. Т. 1. S. 115. — Ср. перевод С. Петрова:

Пускай в монастыре под сению весталок
Они гнусавят так, что сам напев их жалок:
«Коварен мир».

(Польская поэзия XVII века.
Л., 1977. С. 129)

⁴⁷ См.: *Łužny R.* 1) Teofan Prokopowicz a literatura polska: Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przełomie XVII i XVIII w. // Slavia Orientalis. 1965. № 3. S. 331—345; 2) Stefan Jaworski — poeta nieznany // Ibid. 1967. № 4. S. 363—376.

⁴⁸ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Вып. 3. С. 501.

чески гипертрофированным богочестивым культом, переведенное под царским патронатом). Ответ, скорее всего, следует искать в эстетической позиции силлабиков.

Прежде всего, в школьной практике русского барокко перевод еще не осознавался как вид творчества.⁴⁹ Его функции были иными — это было упражнение в поэтическом искусстве. Феофан Прокопович писал в «Поэтике» (1705), что это упражнение «состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, — или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или — наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в стихи. Это упражнение полезно не только для выработки стиля, но также и для такого способа подражания, посредством которого можно выдать за свои переживания другого писателя. Ведь таким образом нелегко обнаружить подражателя, а если он и будет обнаружен, то вовсе не станут порицать и считать, что он живет похищенным».⁵⁰ Подобные положения встречаются во всех поэтиках. Так, Феофилакт Кветницкий (кстати, его слушателем был Ломоносов) рекомендует упражнение *per interpretationis traductionem*, и в качестве иллюстрации приводит девять переводов на русский язык двух эпиграмм М. К. Сарбевского.⁵¹

Это упражнение предлагается в разделе о подражании (*de imitatione*). Феофан Прокопович под подражанием понимает, в частности, «прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту».⁵² Ана-

⁴⁹ Совершенно не изучена семантика слов, обозначающих перевод и переводчика в художественной практике XVII в.: преложитель, преложник, преводник, преводчик, преводитель, толковник, претолковник, толкователь и т. д., п(е)ревод, преложение, преведение и пр. В европейских литературах разные слова могли означать разный характер перевода, в том числе и польские *tłumaczenie*, *przekład*, *spolszczenie* далеко не равнозначны, см.: *Ocieczek R. Siedemnastowieczni tłumacze dzieł literackich o swym warsztacie twórczym // Literatura staropolska i jej związki europejskie*. S. 277—291. Только в отношении слов «толмач» и «переводчик» в XVII в. мы знаем, что в дипломатической практике они различались (это отражалось и на жалованье): первый переводил устно, а второй письменно, хотя, находясь в «заграничной посылке», переводчик исполнял и обязанности толмача. Это необходимо повторить, так как эти слова могут смешиваться современными исследователями: так, Р. Б. Тарковский назвал Ф. Гозвинского толмачом (см.: Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа // Вестн. Ленингр. ун-та. 1966. № 14), между тем Гозвинский был как раз переводчиком. Вовсе не подозревая автора статьи в незнании значения этих слов, считаем, что стилистические изыски должны сочетаться с научной точностью. Подробнее о толмачах и переводчиках см. в кн.: *Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 54—55; Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971. С. 112—122.*

⁵⁰ Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 353—354.

⁵¹ См.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. S. 141, 164—165, 167—168.*

⁵² Феофан Прокопович. Соч. С. 581. — О подражании и имитации в эстетике XVII в., в том числе и польской, см.: *Otwadowska B. Imitacja: Zarys problematyki i ewolucja pojęcia // Problemy literatury staropolskiej. Wrocław, 1973. Ser. 2. S. 381—458.*

лиз категорий подражания в нашу задачу не входит. Для нас важно уяснение того, что как в отношении перевода, так и в отношении подражания силлабики твердо следовали школьной теории. Например, Филофей Красногорский в своей поэтике говорит о «словесном» (*ad verba*) подражании классикам тремя путями: путем перифрастических добавлений (*ab adjectione*), путем отъятия (*a detractione*) и путем подмены (*a commutatione*).⁵³ Сами эти приемы были выработаны, конечно, задолго до Филофея и широко применялись в XVII в. Это убедительно продемонстрировал А. И. Белецкий на материале «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого: источник каждого отдельного стихотворения установить трудно, так как из-за «добавлений», «отъятий» и «подмен» на эту роль претендуют сразу несколько западноевропейских исторических сочинений. Вот некоторые результаты наблюдений А. И. Белецкого: «Одним из обычных приемов его пользования источниками было сокращение чужого текста, устранение из него всего не общечеловеческого»; «передача (сюжета. — *C. H.*) одного какого-нибудь из них (источника. — *C. H.*), и свободное изложение, причем его занимает не столько фактическая сторона (имен нет, только названия мест), сколько трагичность происшествия»; «самостоятельность Симеона вообще заключается в выборе материала, его расположении, иногда в его переработке, но редко в освещении, редко в мыслях».⁵⁴

Особенной любовью Симеона и других поэтов его поры пользовались добавления и перифразы. Несколько позднее Иоанн Максимович назвал этот прием «расширением» или «умножением словес».⁵⁵ Прием был так популярен, что перешел и в выговскую литературную школу, где был назван «ращением слов»⁵⁶ (в терминах риторики это будет *dilatatio*). У самого Иоанна Максимовича он был возведен в принцип, что создало ему уже среди современников репутацию графомана (см. отзывы Дмитрия Ростовского и А. Кантемира).

Таким образом, в литературной теории перевод служил исключительно целям подражания; иноязычному тексту отводилась прежде всего инспирирующая роль, сам же текст, особенно в «расширительных» переводах, менялся до неузнаваемости. Это естественное проявление барочного вариабилизма.

Рассмотрим другую сторону вопроса: авторское отношение к поэтическому тексту, а также его стилистическому оформлению. Вернемся к «Псалтири рифмованной» Симеона Полоцкого. На протяжении долгого времени она была основным, если не един-

⁵³ Левин П. Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII в. С. 190.

⁵⁴ Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. Харьков, 1914. С. 43, 37, 35.

⁵⁵ См.: Иоанн Максимович. 1) Богородице дево. Чернигов, 1707. Л. 18; 2) Осм блаженств евангельских. Чернигов, 1709. Л. 1 об.

⁵⁶ См.: Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162.

ственным аргументом в суждениях о влиянии польской поэзии на русскую и часто называлась (к сожалению, даже до сего времени) просто переводом «Псалтыри Давида» Яна Кохановского. Примечательно, однако, что Евфимий Чудовский, первым назвавший «Псалтирь рифмоторную» переводом, никаких доказательств не привел, хотя есть основания полагать, что, обнаружив таковые, он бы их перечислил. Более того, добросовестное сличение текстов Псалтыри (Симеона Полоцкого, Яна Кохановского, славянского текста, польского, латинского и др.) показало, что зависимость Симеона от Яна Кохановского сильно преувеличена.⁵⁷

Наиболее очевидно влияние польского поэта в области версификации — полностью совпадает построение 68 псалмов. Однако влияния на уровне стилистическом и интерпретационном практически нет. Выявленные места, где это влияние сказалось безоговорочно, для текста подобного объема слишком незначительны, т. е. ренессансная концепция Кохановского не занимала Симеона. Об этом, между прочим, он заявил сам во втором предисловии к своему переложению: «Тоже известную, яко не подражах преводнику полскаго во укращении пийтическом, ни в толковании еже противу еврейскаго, но держахся словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго. Се же не яко то не подобающе есть, но снисходя обычаю рода и страны: да не рекут противно быти правде».⁵⁸

Интерпретируя это заявление, мы не забываем, что оно направлено и против возможных и, действительно, появившихся «гаждателей». Но это второй план высказывания. Попробуем поверить словам Симеона, и вот что тогда получается.

Во-первых, отступления от славянского текста Псалтыри все же незначительны, и Симеон их специально оговорил: «Ниже да удивишися, читателю благочестивый, яко некая словеса и целыя стихи обрящеши приданныя: сия бо суть во исполнение разума или стихов. А иде же некая речения отяшася, та за нужду, яко не вместишаася в стихи мерою: обаче в разуме никако скудости деют. <...> Напоследок, яже узриши не истолкованна, не удивися: ниже бо намерение мое зде бысть до чиста псалмы толковати, но точию стихотворно превести я, с толикум изъяснением, елико вместитися может».⁵⁹ Таким образом, отступления от канонического текста вызваны чисто техническими трудностями, Симеон действительно хотел только облечь псалмы в стихи, т. е. просто зарифмовать их. По его представлениям, в создаваемой словесной культуре и Псалтырь должна занять свое место, как это сделано в других лите-

⁵⁷ См.: Łuzny R. «Psałterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psałterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // *Slavia Orientalis*. 1986. № 1; Смирнов Н. Из литературной образованности XVII ст. // Журн. мин-ва нар. просвещения. 1894. № 12. С. 375—401; Глокке Н. «Рифмоторная псалтырь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского // Киев. унив. изв. 1896. № 9—11. С. 1—18.

⁵⁸ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 214.

⁵⁹ Там же.

турах (см. второе предисловие). Это обстоятельство объясняет тогда и то, что вместе с Псалтирю Симеон зарифмовал и месяце-слов, что впоследствии чрезвычайно удивило Тредиаковского: «В ней (в «Псалтири рифмтоворной». — С. Н.) сие удивительно, что и святцы или месяцеслов церковный, состоящий в именах только святых, почитаемых в церкви на каждый день, сочинен также есть стихами».⁶⁰

Для Симеона Полоцкого главное — магия стиха как такового, и это никак не связано с именем Кохановского. Впрочем, последнее обстоятельство нисколько не умаляет роли Яна Кохановского, но она сказалась в другом — польский поэт вдохновил Симеона, его инспирирующая роль в начале русского псалмизма несомненна и неоценима.⁶¹

Во-вторых, слова «снисходя обычаю рода и страны» можно понимать еще и в том смысле, что Симеон Полоцкий понимал разницу поэтических стилей в разных литературах, т. е. то, что каждому языку свойственны свой поэтический язык и свои поэтические традиции.⁶² Поэтому Симеон не подражал, да и не мог подражать Кохановскому «во украшении пинтическом».

То, что отличие поэтических стилей разных языков осознавалось старшими и младшими силлабиками, совершенно определенно видно из их двуязычного творчества. К сожалению, барочный полилингвизм русских поэтов изучен мало.⁶³ Исключение составляют работы, посвященные польско-русским биллингам.⁶⁴ В них убедительно показано, что польские произведения Лазаря Барановича, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, Стефана Яворского полностью вписываются в картину польского барокко.

Большой интерес для нас представляют варианты одного и того же произведения на разных языках. Они хорошо известны, например, три версии (русская, латинская и польская) «Епиникиона» Феофана Прокоповича. Сличение показывает, что это не перевод одного текста, а три самостоятельных произведения, которые различаются, хоть и незначительно, даже по объему. Автор,

⁶⁰ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 436.

⁶¹ Cp.: *Pelc J. Inspiratorska rola Jana Kochanowskiego jako twórcy literatury narodowej w krajach słowiańskich i ościennych w dobie baroku // Z polskich studiów slawistycznych: Literaturoznanstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna*. Warszawa, 1983. Ser. 6. S. 167—175.

⁶² Ориентация на отечественные стилистические традиции в переводе была отчетливо сформулирована в начале XVIII в., см.: Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи // Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 109—122.

⁶³ См.: Берков П. Н. Русские новолатинские и греческие поэты XVII—XX вв. (период первый — с 30-х гг. XVII в. по 30-е гг. XVIII в.) // Ann. de l'Inst. de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. Bruxelles, 1968. T. 18. Р. 13—54.

⁶⁴ См.: Лужный Р. 1) Издания на польском языке в литературе эпохи Петра I // Проблемы литературного развития в России в первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 304—312; 2) Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. S. 108—141.

резко отзывавшийся в «Поэтике» о стилистике польской поэзии, в польской версии своего панегирика воспроизвел все особенности окказиональной политической поэзии, в том числе мифологические атрибуты инвокации, которых нет в русской версии.

Показательно сличение цикла Симеона Погоцкого «День и ночь»⁶⁵ с более ранней польской версией «Cztery części dnia».⁶⁶ Приведем соответствующие отрывки.

Gdy się w pół nieba wzbięrzy Phebus złoty,
Posiłek bierze, spocznie od roboty
Strudzony człowiek, zwierzęta do wody
Lub w ciem kwapią się, szukając ochłody.

Оже среде небесе солнце бег свой деет,
Палит нивы, а скоты лучми зело греет,
Иже в сени при водах от трудов хладятся,
Жнеци пищею и сном по трудах крепятся, —
Так естество отчески строит еже быти,
Закон всем пишет вещем нуждный сохранити.

В русской версии сохранено только общее содержание, полностью изменена стилистика и усилен второй, моралистический план. Кроме того, части дня в польской версии — 4-стишия, а в русской 6-стишия, причем в добавочном двустишии развернута как раз аллегорическая интерпретация.

Еще дальше расходятся «Стихии четыре» в двух версиях, ср.:

Огнь воде ратник, с кремене сечется,
в различны нужды людем придается,
Сваряет пицы, вкус благий дарует
невкусным ядем, в хладе пособствует.⁶⁷

Wszystko by ginąć bez czasu musiało,
By nie ode mnie łaski doznawało;
Ja, ogień, siadszy aż przy samym niebie,
Ciepłem wygadzam wszelkie potrzebie.⁶⁸

Исходя из положения, что текст — лишь вариант некоего инвариантного текста, который является вневременным феноменом, и шире, из положения о божественном происхождении творчества,⁶⁹ силлабики в отношении к переводу шли вслед за европейскими теоретиками.⁷⁰ Вариант создавался не только в оригинальном творчестве, но и в переводе, этим можно объяснить те учебные примеры, в которых иноязычное стихотворение имеет несколько

⁶⁵ Симеон Погоцкий. Избр. соч. С. 80—81.

⁶⁶ ГИМ, собр. Синодальное, № 731, л. 151; цит. по кн.: *Łuziny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. S. 120.

⁶⁷ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 156.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 381, № 1800, л. 17—17 об.

⁶⁹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 167—208.

⁷⁰ См.: Borowy W. Dawni teoretycy tłumaczeń // O sztuce tłumaczenia. Wrocław, 1965.

переводов. Поэзия авторская и переводная практически отождествлялись, потому и не было точного перевода. По словам С. Матхаузеровой, поэт барокко «погружается в себя и из себя самого пытается объяснить мир, истолкованный до сих пор как бы извне. Знание о жизни становится его знанием, а событие — его событием».⁷¹

Как известно, понятия авторства и plagiatu не были развиты, пример тому — центоны в русской поэзии XVII—начала XVIII в. Этим отношением к тексту можно объяснить и то, что А. Белобоцкий не только всю поэму «Пентатеугум», но и каждую ее часть обозначил как «творение Андрея Белобоцкого», причем тут нет, конечно, наивного желания «обмануть» читателя. Просто эта поэма на русском языке принадлежит ему так же, как на латыни принадлежала М. Радеру и И. Ниссе, а на польском — Я. Либецкому.⁷² Аналогично поступил еще в первой четверти XVII в. кн. И. А. Хворостинин, чей полемический стихотворный трактат «Изложение на еретики» является переводом с украинского. Хотя в трактате есть и оригинальные фрагменты, по всему тексту размещены акrostихи с именем Хворостинина, причем так искусно, что встречаются в тех частях «Изложения», которые переведены чуть ли не дословно.⁷³ То же можно сказать и о переводе латинских стихов из Библии Николая Пискатора Мардарием Хониковым (Ханыковым), который пишет, что эта Библия «в Москве сочинена краткими виршами», хотя и отмечает позже, что «превод, <...> преведенный виршами».⁷⁴ Из этих примеров очевидно, что в 70—80-гг. XVII в. поэтическое произведение на другом языке считалось другим произведением другого автора. В поэтической культуре только намечается «переход от коммуникации автор / читатель к типу автор / другой автор».⁷⁵

Тем не менее представляется, что понятие поэтического перевода все же существовало для Симеона Полоцкого,⁷⁶ но понимать его следует широко — как трансплантацию поэтической системы. Во всяком случае именно так он сформулировал свою задачу в пре-

⁷¹ Mathauserová S. Baroko v ruske literatúre XVII století // Československé predn. pro VI mezinář. sjezd slavistů v Praze. Praha, 1968. S. 256.

⁷² См.: Горфункель А. Х. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого: (Из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 39—64. Ср.: Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. Барокко: литература / литературоведение. Тарту, 1976. С. 147—152.

⁷³ См. издания: Савва В. И., Платонов С. Ф., Дружинин В. Г. Вновь открытое поэтическое сочинение XVII в. против еретиков // Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 1—177; Українська поезія: Кінець XVI—початок XVII ст. / Упоряд. В. П. Колосова, В. І. Крекотень. Київ, 1978. С. 71—136.

⁷⁴ Соколов М. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой библии Пискатора // Археолог. изв. и заметки, изд. Моск. археолог. о-вом. М., 1895. № 9—10. С. 302.

⁷⁵ Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. С. 147.

⁷⁶ Симеон Полоцкий и Карион Истомин сделали несколько прозаических переводов, поэтому отсутствие явных поэтических переводов — отсутствие значимое.

дисловии к «Вертограду многоцветному»: «Аз многогрешный раб божий, его божественною благодатию сподобившийся странных идиомат пребогатоцветныя вертограды видети, посетити и тех иресладостными и душеполезными цветы услаждения душеживительно вкусити, тщание положих многое и труд немалый, да и в домашний ми язык славенский, яко во оплот или ограждение церкве Российския, оттуду пресаждение кореней и принесение семен боговдухновенноцветородных содею, не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая, занеже имущему дается».⁷⁷ Понятно, что при подобном подходе к творчеству и к переводу конкретное произведение конкретного автора еще не получают автономного значения. Заметим также, что от уподобления виноградаря поэту один шаг до уподобления поэта богу.⁷⁸ Именно так сформулировал цель поэзии Симеон Полоцкий в юношеских записях лекций по поэтике: «Itaque nostra poetica nil aliud est nisi poema aut eloquium Dei ipsius est».⁷⁹

Эта барочная концепция писательского труда, не совсем, конечно, оригинальная, помогает понять и некоторые аспекты отношения поэта к книге. Стефан Яворский в приведенной выше элегии подчеркивает, обращаясь к книгам: «Вы богатство», «вы слава мне велика», «вы мене прославили, вы меня просветили», «вы мне <...> милость приобрели» и т. д. Наиболее выразительна запись Симеона Полоцкого на одной из латинских книг его библиотеки: «Fida sum Supelleх Simeonis Piotrovsky Sitnianowicz», т. е. «Я есмь надежное вместилище знаний Симеона Полоцкого».⁸⁰ Книга не просто творческая лаборатория писателя, что в общем-то уже не было новым для России, — она часть его творческой личности.

Представленная нами довольно пестрая картина взаимоотношений «поэт и книга», «поэт и перевод», «поэт и стиль» нуждается, конечно, в дальнейших уточнениях и комментариях. Это несколько упрощенная и идеализированная картина, что объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, формализованная эстетика и художественная практика далеко не всегда совпадают, что необходимо учитывать при сопоставлении требований, постулированных в украинских и русских поэтиках, с литературным наследием русских поэтов XVII—первой трети XVIII в. Во-вторых, избранный нами период—период ускоренного развития литературы, эпохи новаций и реформ, поэтому различные тенденции (в том числе и отношение к переводу) не сменяли друг друга, а co-существовали. По этим причинам мы остановились на наиболее показательных примерах, упомянули самых значительных ли-

⁷⁷ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 206.

⁷⁸ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 176.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 381, № 1791, л. 9; цит. по кн.: Hippisley A. The poetic style of Simeon Polotsky. Birmingham, 1985. Р. 7.

⁸⁰ Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 166. Примеч. 27.

тераторов. И все же имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать следующий вывод: силлабики старшего поколения (Симеон Полоцкий и его ученики) не занимались поэтическим переводом. Перелом по отношению к переводной поэзии намечается в самом конце XVII в., и только Кантемир, Тредиаковский и Ломоносов — первые поэты новой русской литературы про-возгласили себя не просто поэтами, но и поэтами-переводчиками.

Из этого следует, что возникновение поэтического перевода в XVII в. не связано, как это ни странно на первый взгляд, с корпорацией профессиональных поэтов полонофильской по преимуществу ориентации. Какова была среда, в которой родился стихотворный перевод, нам предстоит рассмотреть в следующих главах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнения к списку польских поэтических книг в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в.⁸¹

1. *Boleslawiusz K. Przeraźliwe echo trąby ostatecznej*. Poznań, 1670 (Estr., XIII, 241—243).
 - а) Из библиотеки Лаврентия Горки (ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 191 об.).
 - б) Из библиотеки Синодальной типографии (ГБЛ, собр. Ундорского, № 1288, л. 80).
2. *Bratkowski D. Świat po części przejrzany*. Kraków, 1697 (Estr., XIII, 322).
 - а) Из библиотеки справщика Феолога (ум. 1722) (ГБЛ, собр. Ундорского, № 1288, л. 43).⁸²
 - б) Из библиотеки К. Петрова, «рыбацкого сына» (ГБЛ, ОРК, инв. № 14677).⁸³
 - в) Из библиотеки Иллариона Рогалевского («Братковский» — Описание документов и дел, хранящихся в архиве... Синода. Пг., 1915. Т. 18. Стб. 1042).
3. *Sarbievius M. C. Lyricorum libri tres*. Ulm, 1628 (Estr., XXVII, 126—127).
Из библиотеки А. А. Виниуса (ААН, ф. 158, оп. 1, № 212, л. 7 об.).
4. *Twardowski S. Wojna domowa*. Kalisz, 1681 (Estr., XXXI, 442—443).
Из библиотеки А. А. Виниуса (ААН, ф. 158, оп. 1, № 212, л. 2 об.).

⁸¹ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели. С. 172—179. — Указанные в этом списке среди неустановленных изданий две книги из библиотеки А. А. Матвеева (№ 57, 60) верно определены как книги В. Потоцкого и С. Кобежыцкого в кн.: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 117 (№ 505), 157 (№ 697).

⁸² В статье, названной в предыдущем примечании (С. 173, № 4), сохранившийся экземпляр этой книги (ЦГАДА, Библиотека Синодальной типографии, № 2794) был учтен без указания владельца.

⁸³ См.: Лабынцев Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского. С. 75. Примеч. 6.

ПОЭЗИЯ И ДИПЛОМАТИЯ

На заре XVII в., в 1600 г., в Москву прибыл польский посол, канцлер Лев Сапега. На аудиенции у царя Бориса Годунова он от имени всего польского народа выразил желание жить с русскими в «согласии и вечной и нераздельной любви, как люди одной веры христианской, одного языка и одного народа славянского».¹ Мысль «о вечном согласии», собственно, и варьировалась в 24 статьях заключенного тогда договора. Однако уже события Смутного времени показали, что это утопия. Многолетние войны, украинский вопрос, пограничные конфликты — все это сделало польско-руssкие отношения основной проблемой внешней политики России на протяжении всего XVII века, оттеснив на задний план даже турецкие и шведские дела. Начиная с середины XVII в. между Россией и Польшей ведутся непрерывные дипломатические переговоры, почти ежегодно страны обмениваются посольствами. Россия со второй половины 60-х гг., после Андрусовского перемирия (1667), стремилась учредить постоянную миссию в Польше — и наконец добилась этого в 1673 г. (хотя впервые В. Тяпкин для постоянного пребывания в Варшаву был отправлен в 1668 г., он не был принят в связи со смертью короля и возвратился в Москву). В 1673 г. в Москву прибыл польский резидент П. Свидерский, а в Варшаву снова отправлен В. Тяпкин, который пробыл там до 1677 г. После его отъезда не было представителя до 1688 г.; потом они были уже постоянно.² От войн и конфронтаций Россия шла к миру и союзу с Польшей.

Русские дипломаты внимательно следили за внешне- и внутриполитическим положением Речи Посполитой. В Посольском приказе переводились сеймовые конституции, привилегии, королевская переписка, манифесты и т. д. Однако кроме официальных документов русские дипломаты внимательно следили и за польской публицистикой, а также окказиональной политической поэзией,

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 360—363.

² См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 65.

прямо не касавшейся русских дел. Для изучения общественного мнения в Польше именно эта поэзия давала самый благодарный материал. Брошюры и летучие листы откликались на самые различные политические события — «элекции», коронации, браки высокопоставленных особ, «виктории» и т. д. Окказиональные политические стихотворения писали не только ремесленники. В этом жанре подвизались практически все крупные поэты польского барокко — «сарматский Вергилий» Самуэль Твардовский, государственный деятель и заговорщик Ян Анджей Морштын, арианин Збигнев Морштын, Вацлав Потоцкий, великий коронный маршал Станислав Гераклиуш Любомирский и многие другие. Трудно сказать, интересовала ли русских дипломатов при чтении проблема художественного качества, но именно всеядность переводчиков приводила к тому, что наряду со слабыми сочинениями в их кругозор попадали и произведения высокого уровня. При обнаружении же произведений, заключающих в себе «бесчестье государства московского», русские посланники требовали для авторов наказания вплоть до смертной казни. Вот характерный пример.

Основной целью посольства 1650 г. в Варшаву было поздравить Яна Казимира с избранием на престол и добиться наказания тех, кто неправильно писал титул «великого русского государя». Глава посольства боярин Григорий Гавrilovich Пушкин — сын Гаврилы Пушкина, изображенного в «Борисе Годунове», — потребовал для авторов четырех книг с «бесчестьями» смертной казни, а кроме того, несколько городов и 500 000 золотых червонных.³

Какова же судьба книг? Г. Г. Пушкин писал царю, что договорились «те книги, которые есть в Варшаве, собрать, а собрав из книг <...> листы, на которых печатало с безчестным предкам великим государем царем российским <...> и всему Московскому государству, выдрав, все пожечь <...> И те листы <...> ба рынке (т. е. на главной площади Старого Мястя в Варшаве. — С. Н.) пожжены, а иные и все книги <...> А посылали мы тех книг жечь из ответные полаты дворянина И. Т. Фустова, подьячего В. Михайлова и переводчика И. Максимова. А павы рада посылали судей И. Залесского с товарищи. А жег те книги на рынке кат, <...> в то время многие были польские и литовские люди»,⁴ которые, кстати, говорили, что «лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено!».⁵

Во всей этой истории примечательно то, что одной из книг была поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского, крупнейшего

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 560.

⁴ Цит. по кн.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 32—33, примеч. 2.

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 564.

польского поэта XVII в., создателя национальной эпопеи.⁶ Сохранилась обширная «перечневая» выписка тех мест, которые Г. Г. Пушкин считал оскорбительными для русского государства.⁷ Например: «Двулетним стоянем Смоленск взят и воевода Михайло Шеин меж иными сыскан и изыман; и какое разоренье Смоленску починили, что некоторые люди со страху в огонь метались и топились в воду, и церкви и дома свои зажигали; и как, взяв Шеина с иными полонениками, отослали до Варшавы, и Потоцкий остался в Смоленску воеводою, и многие неизченные безчестные укоризны писалы Московского государства людем, чего и писатьстыдно».⁸ Хотя были сожжены листы (в цитированной выписке указаны листы 6, 7, 9, 18, 20, 21, 22, 24, 25 и 26), читалась, несомненно, вся поэма целиком. Из заглавия — «Владислав IV, король польский и шведский» — не видно, что речь в поэме идет и о России, следовательно, либо наши дипломаты имели хорошую информацию о литературной жизни (т. е. знали, где и что искать), либо читалась подряд вся печатная продукция. Так, очевидно, и получилось с поэмой С. Твардовского, которая послужила русским дипломатам лишь для скучных выписок. Как и следовало ожидать, после сожжения поэмы весь тираж был моментально раскуплен поляками. Все хотели знать — что так оскорбило русских?⁹ В XVII в. об этом эпизоде писал и сам Твардовский в «Гражданской войне», В. Потоцкий в поэме «Хотинская война» и В. Коховский в своих «Анналах».⁹

Память об этой экзекуции была так сильна, что десять лет спустя, проезжая через Польшу в Россию, барон Августин Мейерберг довольно подробно описал суть дела, справедливо заключив, что «память об их (книг. — С. Н.) содержании никак не сгорела, напротив засияла ярче, озаренная таким пламенем. Потому что в людях возбуждено было любопытство узнать, что бы тут было такое, что столько хлопотали скрыть москвитяне, даже до того, что и попустивших это в огласку приговорили к сожжению».¹⁰

В том же 1650 г. из Варшавы вернулся, еще до отправления посольства Пушкина, царский гонец дьяк Григорий Кунаков. Он привез из Польши шесть книг, которые были «косвидетельство-

⁶ См.: Kubala L. Poselstwo Puszkina w roku 1650 // Kubala L. Szkice historyczne. Warszawa, 1923. Ser. 1—2. S. 123—152.

⁷ Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1861. Т. 3. С. 443—444. — Г. Г. Пушкин действовал здесь самостоятельно, так как книга вышла всего за две недели до прибытия посольства в Варшаву и еще не могла быть известна в Москве.

⁸ Там же, с. 444.

⁹ H. M. [Рец. на кн.] Czechowski H. Samuel's von Skrzypna Twardowski «Wojna domowa». Doktordissertation. Posen, 1894 // Киев. старина. 1895. Т. 49. Май. С. 96, примеч. 1.

¹⁰ Мейерберг A. Путешествие в Москвию барона Августина Мейерберга к царю и великому князю Алексею Михайловичу // ЧОИДР. 1873. Кн. 3, отд. 4. С. 6.

ваны» в Посольском приказе.¹¹ Среди них оказались и две поэтических книжки: «Wyprawa plebańska» и «Albertus z wojny», которые охарактеризованы следующим образом. «В пятой тетрати напечатано: „Как выправлял (или высыпал) ксендз Албертуса на войну. Вновь напечатана лета господня 1649-го“. А про Московское государство никаких речей в той тетрати не написано. В шестой тетрати напечатано: „Как Албертус с войны пошол назад. Вновь напечатана в Кракове лета господня 1649-го“. А про Московское государство в той тетрати ничего не написано».¹² Таким образом, уже в 1650 г. московские дипломаты познакомились как с высокой эпической поэзией, так и с совизжальской литературой — сатирической литературой социальных низов. Примечательно, что «Владислав IV» хранился долго и значится еще в описи 1784 г. библиотеки Московского архива Коллегии иностранных дел,¹³ в то время как о книжках о «военных похождениях» церковного служки Альбертуса, старопольского Швейка, никаких упоминаний в описях этой библиотеки в XVII—XVIII вв. нет, очевидно, по той причине, что никакого интереса для дипломатов они не представляли.

Изучение фондов Посольского приказа показывает, что информация о борьбе партий, а также о русской тематике в польской поэзии год от года становится все более представительной. Можно предполагать, что связано это с учреждением постоянной миссии в Варшаве в 1673 г. при московском резиденте, стольнике и полковнике Василии Михайловиче Тяпкине. К этому времени в посольское «свидетельство» попадает все больше польских книг.

«Око всей России» — Посольский приказ — придирчиво смотрит за всем. Так, например, в 1672 г. русские послы потребовали убрать следующую картину в зале королевского дворца в Варшаве: «На одной стороне король с сыном, а на другой — гетман польский гонит московские полки, царь и бояре взяты в плен, связаны».¹⁴ Что касается окказиональной поэзии, то отметим следующее. Во-первых, привлекают внимание не только панегири-

¹¹ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 416—417.

¹² Там же. С. 417. — Заключение переводчиков Посольского приказа верно, но не совсем точно. «Москва» один раз упоминается в книге «Wyprawa plebańska»: «Bywał w bitwach pod Gdańskiem, w Moskwi, na Podolu» (цит. по 1-му изд., 1590 г., перепечатанному в кн.: Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII w. / Orgac. K. Budzyk, H. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954. Т. 2. С. 160).

¹³ Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. Прил. С. СССХVII.

¹⁴ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 408. — Очевидно, это картина Томмазо Долабелло «Представление Василия Ивановича Шуйского с братьями на Варшавском сейме 1611 г.». См.: Darowski A. Szkoła historyczna. Petersburg, 1894. Ser. 1. S. 33; Адарюков В. Я. Добавления и исправления к подробному словарю русских гравированных портретов Д. А. Ровинского (СПб., 1889) // Старые годы. 1910. № 2. С. 53; Лилейко Е. Варшавский замок. Варшава, 1980. С. 157, 162—163. Ср.: Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji: 1674—1679. Wrocław, 1976. S. 149.

ческие стихотворения с такими упоминаниями о русском государстве, которые можно было использовать в дипломатической практике, но и стихотворения, отражающие либо борьбу группировок в Польше, либо критикующие современное состояние Польши, политику магнатов, которая вела к созданию магнатской республики, независимой ни от короля, ни от шляхты, а в конечном счете привела страну в XVIII в. к национальной катастрофе. Собирать подобные сведения также вменялось в обязанность русским дипломатам. Еще в 1649 г. в инструкции Г. Кунакову говорилось: «А едучи ему дорогою и будучи в Польше и в Литве, проведати, а о чем проведати, и о том ему дано писмо по статьям: 1. Польского Яна Казимира короля паны рада польские и литовские любят ли, и нет ли на короля от них, или от иных кого, рокопуш? . . . > 7. Паны рада польские и литовские в совете ли, и нет ли между ими какие розни?».¹⁵

Среди печатной продукции, поступавшей из Польши до резиденции Тяпкина, поэзия занимает довольно скромное место. Например, в 1670 г. в Посольский приказ поступили «Стихи, сочиненные на бракосочетание полского короля Михаила Корибута с Елеонорой Марией Иозефою, княжною венгерскою, ерцгерцогинею австрийскою» (*Temberski S. Serenitas Claramontana. Kraków, 1669*), тогда же переведенные с латыни на русский язык.¹⁶ Но более всего их поступило при Тяпкине, который долго жил в Польше, завел широкие знакомства и сам внимательно следил за литературными новинками. Так, уже через несколько дней по его привезде в Варшаву он получил сочинение на польском языке, рассуждавшее о возможном избрании царевича Федора Алексеевича на польский престол (Тяпкин приехал в Варшаву в январе 1674 г., после смерти короля Михаила Вишневецкого).¹⁷

Русский резидент следил и за поэзией, различными путями приобретал интересующие его произведения и отсыпал их в Посольский приказ. Известно, что 18 августа 1676 г. он отправил в Москву «Вирши на королевское величество»,¹⁸ а 15 сентября того же года «Писмо виршевное уставом полским».¹⁹ Названных текстов в архиве Посольского приказа найти не удалось, а по этим упоминаниям трудно установить, о каких именно «виршах» идет речь. Все же возможно восстановить весь процесс работы Тяпкина и русских переводчиков с польским поэтическим текстом, а затем и использования его результатов в русско-польских переговорах.

¹⁵ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 368, 369.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 79, 1970, № 6 (л. 1—30 — латинский оригинал, л. 31—36 — русский перевод).

¹⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 505.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 417. — Здесь помещена роспись писем с сентября 1676 по ноябрь 1677 г. В самом письме к Л. Иванову, начальнику Посольского приказа, сказано: «Тут же на особном листу похвала поступкам королевского величества от его верных подданных по-польски» (там же, л. 307).

¹⁹ Там же, л. 417.

В январе 1676 г. вышла из печати «Польская муз на въезд Яна III в Краков» — анонимный панегирик, посвященный коронации Яна III Собеского,²⁰ которая состоялась 2 февраля этого года. Автором «Музы» был великий коронный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский — видный государственный деятель и не менее крупный поэт второй половины XVII в. Под одной обложкой с «Музой» также анонимно был напечатан и панегирик Собескому Вацлава Потоцкого.²¹ Тяпкин прочел эту книгу и, видимо, остался ею недоволен, так как вскоре на просьбу великого литовского гетмана Михаила Паца прислать войска для помощи Польше ответил: «Не погневайтесь на меня, гетман, если скажу, что не стоите вы доброго слова царского, не только военной помощи, когда позволяете печатать такие злоказненные и укоризненные сочинения, как книга, изданная здесь в Кракове после уже коронации в типографии Петраковича».²² Пац «просил с великим прошением», чтобы резидент не посыпал в Москву этой книги и вообще о ней не сообщал. Тяпкин, однако, отправил ее, но в дороге книга и сопроводительное письмо были перехвачены. У дома, где разместились русские дипломаты, был поставлен караул, Тяпкину запрещено было выходить на улицу, о чем он жаловался в письме А. С. Матвееву: «От меня зело скрываются и под смертию заказывают, чтоб со мною никто не виделся».²³

И все же «Муза» попала в Москву! Дело в том, что Тяпкин купил два экземпляра²⁴ и второй послал не сразу, а некоторое время спустя через В. Тимофеева, что видно из записи на сохранившемся экземпляре: «Василий Тяпкин» и ниже «Послано из Варшавы 184 июля 8 чрез Василья Тимофеева».²⁵ В этом экземпляре против стихов, в которых упоминается Москва или русское государство, чернилами поставлены кресты, очевидно, самим Тяпкиным или

²⁰ Muza polska na wjazd Jana III do Krakowa. Kraków, 1676. — См. об этом издании: *Pirożyński J. Nieznany wariant «Muzy polskiej» S. H. Lubomirskiego // Biul. B-ki Jagiellońskiej. Kraków, 1964. T. 16/1. S. 5—12.*

²¹ Paniegiryk na jaśniejszemu królowi a Panu swojemu miłościwemu. Kraków, 1676. — Первая редакция 1675 г. перепечатана в кн.: *Trembecki J. T. Wirydarz poetycki / Wyd. A. Brückner. Lwów, 1910. T. 2. S. 158—170.*

²² Попов А. Русское посольство в Польшу в 1673—1677 гг. СПб., 1854. С. 175. — Текст «Музы» цитируется далее по экземпляру Библиотеки им. Оссолинских (Броцлав), шифр XVII—17038—IV.

²³ Там же. С. 192. Ср.: *Darowski A. Rezydent na dworze polskim w XVII w. // Darowski A. Szkice historyczne. Ser. 1. S. 173—175.*

²⁴ В письме от 3 апреля 1676 г. он писал, что заплатил «за две пашквильные книги, завомую „Музу“, по ефимку за книгу» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 369). «Пашквильный» означает здесь отношение Любомирского не к Собескому, а к России.

²⁵ ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8, л. 1. — Дело озаглавлено так: «1676 февраля 1. Стихи печатные полские на въезд полского короля Яна третияго в Краков для коронования. Конца нет». Несовпадение дат — книга выслана 8 июля, пришла в Москву 18 августа (ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481), а значится под 1 февраля, — объясняется, очевидно, тем, что дело задним числом «приурочили» к коронации Яна Собеского, которая состоялась 2 февраля. В. Тимофеев — подьячий Посольского приказа, см.: *Русский биографический словарь. СПб., 1912. «Суворова—Ткачев». С. 536; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 514.*

Тимофеевым, а возможно, и переводчиком Тяпкина Семеном Федоровичем Лаврецким. Отмечены, например, такие стихи: «*Z niewierzą Rusią tu trudzili zdrowie*», «*Że się nam Moskal w posiełku nie zbliża*»²⁶ и т. д.

В Посольском приказе был сделан выборочный перевод этих двух панегириков. Кроме отмеченных крестами стихов были переведены и такие стихи или строфы, которые к России отношения не имели.²⁷ Среди других в экземпляре Посольского приказа помечен крестиком первый стих 31 строфы («статьи», по принятой в Посольском приказе терминологии) «Музы» Любомирского:

*Że Moskwę takie obleciały tchórze,
Nie same się też lęgną tam sobole,
Nie za Dniepr, ale uciekły za morze,
Kogo srogi strach śmierci w oczy kole.
Wróćą się oni znowu na Podole,
W pieszczeniem ludzie Tryonie zrodzeni
Wytrwać niewczesnej nie mogli jesieni.*²⁸

Вся октава переведена неравносложными (от 9 до 13 слогов) стихами:

Что Москву тако бы облетели хори,
не сами там родятца соболи.
Не за Днепр, но ушел бы за море
ково велик страх смерти в очи колет.
Не вся Литва в таком позоре,
Возвратяца они паки на Подоле.
В нежном обиталищи люди урождени
вытерпеть несчастливой²⁹ не могли осени.³⁰

Переводчики более всего внимания уделяли, конечно, «укоризненным» стихам. Вот еще несколько строк из «Музы» в переводе:

Что к нам москвитин в помочи не спешит,
как обещал с нами сабли не слuchit,
ко общему отзыvася кресту.
Тот нам в казаках обычну шataет веру,
претворяся в различную харю.³¹

Но переводились и такие места, какие имели отдаленное к ним отношение. Проиллюстрируем это большими отрывками уже из панегирика В. Потоцкого. Поскольку книга издана анонимно, то в переводе, который следует за переводами из «Музы», сочине-

²⁶ Muza polska. К. С. К. («С неверною Русью зде здравие трудили, Стo-
краты там себя дороже учинили», «Что к нам москвитин в помочи не спешит,
Как обещал сабли с нами не слuchit» — ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 482 об.,
483 об.).

²⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481—485 об.

²⁸ Muza polska. К. С.

²⁹ Исправлено, в рукописи: несчастливой. В польском тексте: «niewczesnej»
(несвоевременной); переводчик прочитал это слово как «nieszczęsnej».

³⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481 об. — 482. — Это первая октава на
русском языке (*авававс*).

³¹ Там же, л. 483 об.

ние Потоцкого названо «В той же книге в особых строках положено». В этих фрагментах Потоцкий, говоря о заслугах Собесского, уже прославленного в Европе победителя при Хотине (битва состоялась 11 ноября 1673 г.), описывает упадок Польши при прежнем короле Яне Казимире:

Даже до твоего взятия булавы
Никакой Корона полская не имела славы, //
паче безчестье и срамоту вечною,
когда все вкратце наследник ростерял,
что Лех храброю рукою собирая.
Где Концы? Где столпы Болеславовы железны?
Где Днепр? Где Черное, где Варяжское море?
Где победа Грунвалсская? Где Собачье поле?
Стыдливы очи Пильавцами колят,
изметает голубь дважды отереблен
орлу на очи шведов с каплуны
и печальные Корсунь и Желтые воды,³² //
злословят фортуны.

Бог пусть на твоей венец утвердит главе
и скиптр, которой в твои дает длани.
Пусть благословит, чтобы такова слава
ныне тебя как прежде от булавы встречала,
а скончав житие, так ж благоволит —
на небе на престоле с святыми посадит,
и видел после себя и тешился, когда //
ов побивая турка, ов крепкого пиведа,
ин дурную Москву, возвратятся с отместием в дом,
права далнейшим написав народом.³³

Реакцию русского резидента на подобное освещение военной истории Польши от войн Б. Хмельницкого до 70-х гг. XVII в. предсказать нетрудно, и, как уже говорилось выше, сразу по выходе «Музы» Тяпкин высказал свое недовольство М. Пацу, а саму книгу с «отпискою» отоспал в Москву. Письмо и книга были перехвачены, и сам Ян Собеский выговаривал Тяпкину: «Мы имеем ясные доказательства, что ты писал скорные письма».³⁴ Польский король прекрасно понимал, что претензии русского резидента лишь предлог в дипломатической игре.

Прошло несколько лет, и панегирикам Любомирского и Потоцкого опять пришлось сыграть аналогичную роль. В ходе переговоров, которые закончились «вечным миром» 1686 г., польские послы в Москве подняли вопрос о возвращении Польше Киева. В. В. Голицын тут же перечислил целый ряд причин, по которым это состояться не может, в том числе были упомянуты и «прописки в титуле царского величества», а также книги, «которые на уко-

³² Исправлено, в рукописи: горы.

³³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 484—485 об. — Ср.: Najaśniejszemu kręlowi. K. L₂v — M, O₂. В первом фрагменте три стиха не имеют второго с ним рифмующегося. Эти «холостые» стихи появились, очевидно, из-за небрежности переписчика, так как переводчик заботился о рифмах, которые не всегда заимствованы из оригинала.

³⁴ Попов А. Русское посольство в Польше. С. 189.

ризну всему русскому народу печатаются». «В книге, изданной Потоцким, помещены такие речи, что не только говорить, но и вспомянуть страшно, например: „неверная Русь, дурная Москва, упрямый москвитянин“. И после этаких нестерпимых, лютых и явных досадительств, — заключил В. В. Голицын, — можете ли вы, поляки надеяться когда-нибудь получить Киев? Возможен ли между нами вечный мир?».³⁵

Из этого примера характер использования поэтических произведений в дипломатических целях совершенно очевиден, и он ничем не отличается от действий Г. Пушкина в 1650 г. Откуда, однако, узнал Голицын, что В. Потоцкий был автором, а вернее, одним из авторов этого «пашквиля»? Думается, что источник атрибуции можно указать почти безошибочно.

В сатирическом цикле стихотворений, переведенном в Посольском приказе в 1677 г. (о самом цикле см. ниже), о «Музее» говорится следующее:

Сей волк³⁶ лукавый с своими злодеями,
что иво хвалят листивыми «Музами».³⁷

Кiev с Смоленском вечно в руках ляжет
у царя за ту «Музу»³⁸ Потоцкого
и за прописки канцлера Паца, будто умного.

Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
ныне сладки суть стихи Сабесского.

таковых завотчиков, понеж благочестиваго
царя поносили, крови не желающаго,
как ныне нелепая «Муза» Потоцкого
поет на него.³⁹

Поскольку ни автор этого стихотворения, ни Голицын не упоминают о Любомирском, действительном авторе «Музы» (панегирик Потоцкого припечатан к ней), именно этот цикл стихотворений можно считать источником атрибуции «Музы» для русских дипломатов. То обстоятельство, что атрибуция все же не верна или верна лишь отчасти, никак не умаляет значения кропотливой работы русских переводчиков по изучению современной польской литературы. В других случаях их атрибуция была безошибочна.⁴⁰

Неизвестный польский поэт, автор цитированных только что стихотворений, предугадал, кстати говоря, и реакцию русских на «Музу».

³⁵ Цит. по кн.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.. 1858. Т. 1. С. 158—160.

³⁶ В рукописи на поле: король.

³⁷ В рукописи на поле: песни.

³⁸ В рукописи на поле: книга.

³⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 495 об., 496.

⁴⁰ См.: Николаев С. И. «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 255—256.

Тот Собеского славу писаньем прославлял,
хотя здох с отчаяния, нам много лиха наделал.
Будет нам опять, хотя царь не живет —
сын шею отсечет.
Опять, бедная Литва, ты потети будеш
и честных сынов к тому коронных приведеш,
изопьеш морсу, уготовленного
чрез Потоцкого.⁴¹

* * *

Из приведенных выше фрагментов ясно видно, что переводчики Посольского приказа ве замыкались в пределах узкой темы «rossica».

Доказательством этого служит и «Дума. Творение благодарения господу богу за победу, одержанную пот Хотинем ноября 11 дня лета господня 1673-го от поляков яд Усейн пашею. Сим напевом поют как и о князе Корецком».⁴² Здесь подробно освещен не только ход знаменитой битвы, но и перечислены полководцы и отличившиеся в бою. Вот момент битвы: турки опрокинуты и бегут к Каменцу —

Тамо их литовские хорунги встречали,
главы с чалмами от сабель летали;
гетман Радивил палащем одного —
взял бунчук его.⁴³

Во всей «Думе» (174 стиха) нет ни одного упоминания о России. Этот текст переведен по той причине, что стихотворная информация была тогда наиболее быстрой и полной. Например, Збигнев Морштын, выпущенная в свет в 1674 г. второе издание «Славной виктории над турками под Хотином», значительно расширил текст. Родные и знакомые присыпали ему «каталоги» раненых, убитых и отличившихся, сам он неоднократно встречался с участниками битвы для того, чтобы полнее воссоздать ход боя.⁴⁴ Как раз такая информация, собственно, и была нужна нашим дипломатам, да и не только им. Эта «Дума» проникла в XVII в. в русские рукописные песенники. Известна ее транслитерация в песеннике

⁴¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 495.

⁴² Там же, л. 446—450 об. — Польский оригинал: Pieśń o szczęśliwym zwycięstwie z Turków w dzień świętego Marcina pod Chocimem roku Państkiego 1673 otrzymanym. Nota jako o książęciu Koreckim. S. l., s. a. — Сличение делялось по экземпляру Библиотеки им. Оссолинских (Вроцлав), шифр XVII—5690—II. Непосредственным оригиналом для перевода послужило, однако, не это издание, а другое, в котором была представлена расширенная редакция «Думы». В известном нам польском тексте 41 строфа, а в переводе — 44, причем из известного текста оригинала опущено 4 строфы и добавлено 6 новых (35—40 строфы перевода). Издание перевода см. в настоящей книге, с. 140—143.

⁴³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 448.

⁴⁴ См.: Pielc J. Zbigniew Morsztyn na tle poezji polskiej XVII w. Warszawa, 1973. S. 258—283.

1680-х гг.⁴⁵ Приведем для сравнения цитированную выше строфиу по тексту песенника:

Там их литовские хоронгве витали,
главы в завоях од шабел лятали;
гетман Радзивил палащем единого,
взиол бунчук его.⁴⁶

* * *

Исключительно внутриполитической ситуации в Речи Посполитой посвящен и сатирический цикл, который был переведен в 1676—1677 гг.: «Перевод с полского писма с виршов, каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом и сенаторем, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 [1676] году октября в 8 [день]».⁴⁷ Этот большой цикл (около 900 строк) представляет интерес не только для истории русской поэзии, но и польской, так как есть основания полагать, что он сохранился только в переводе, сделанном в Посольском приказе.

Оригинала не удалось отыскать среди печатных произведений, посвященных Яну Собескому, главному герою этого цикла.⁴⁸ Оригинал, однако, вряд ли был напечатан, в этом случае в переводе бы значилось как обычно в таких случаях, «перевод с полского писма с печатной тетрати». Скорее всего Тяпкину в руки попала рукописная тетрадь, в которой были собраны стихотворения разных авторов (двух или трех).

Оккциональная поэзия того времени изучена довольно неплохо, но интересующие нас тексты в литературе не указаны. Не упоминает о них К. М. Гурский в исследовании «Король Ян III в польской поэзии XVII в.».⁴⁹ Не значатся они и в Картотеке польской поэзии XVI—XVIII вв., составляемой по рукописным материалам в Институте литературных исследований польской Академии наук (Варшава).⁵⁰ Не был известен этот цикл и самому авторитетному знатоку польской оккциональной поэзии Ю. Новаку-Длужевскому, который не пишет о нем ни в библиографии старопольской оккциональной поэзии, составленной преимущест-

⁴⁵ В песне 44 строфы, это как раз та расширенная редакция «Думы», которая была переведена в Посольском приказе. Текст по рукописи ГПБ (собр. Погодина, № 1974) опубликован, см.: Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 65—67.

⁴⁶ Там же, с. 66.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 486. — В данном разделе ссылки даются в тексте с указанием листов рукописи. Полностью стихотворный цикл опубликован в статье: Николаев С. И. Поэзия и дипломатия: Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-е гг. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42.

⁴⁸ См.: Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1930. Т. 28. S. 355—371.

⁴⁹ См.: Górski K. M. Pisma literackie. Warszawa, 1913. S. 1—187.

⁵⁰ Этими сведениями мы обязаны любезности составительниц каталога М. Захары и К. Мрочек.

венно по рукописным источникам,⁵¹ ни в шестом томе своего монументального труда «Окказиональная политическая поэзия в Польше», который посвящен второй половине XVII в.⁵² Таким образом, мы имеем дело с неизвестными произведениями польской политической сатиры. В самом этом факте нет ничего исключительного. В Польше при Яне Собеском ходило по рукам множество направленных против него сатирических стихотворений, которые, кстати, изымались и публично сжигались.⁵³ Неудивительно, что только в переводе некоторые из них и могли сохраниться. Вместе с тем находки и публикации польских сатирических стихотворений до сего дня не редкость в науке.⁵⁴

Для точной датировки и атрибуции цикла исчерпывающих данных нет, но все же возможна довольно убедительная «локализация» всего цикла в общеполитической обстановке в Польше. В тексте упоминается коронация Яна Собесского (л. 504 об.), которая состоялась 2 февраля 1676 г.; о царе Алексее Михайловиче говорится, что он уже умер (л. 495), поэтому датировка всего цикла 1676 годом сомнений не вызывает. *Terminus ante quem* дан в заглавии перевода: «Присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 году октября в 8 [день]», т. е. 8 октября 1676 г. *Terminus post quem* можно извлечь из стихотворения «Поздравление Яну Третиemu, королю полскому, возвращения его из французской земли в Варшаву 1676 году июля в 8 день» (л. 503 об.—506 об.). Хотя Ян Собеский и не покидал тогда пределов Польши и это лишь намек на его профранцузскую ориентацию, можно полагать, что стихотворение написано после 8 июля 1676 г. Следовательно, цикл был составлен не ранее 8 июля и не позднее 8 октября 1676 г. Анализ цикла не только подтверждает такую датировку, но позволяет и уточнить ее.

Исследуемые тексты относятся к редкой разновидности сатирической поэзии, которую можно условно назвать, пользуясь термином Г. А. Гуковского, «солдатскими стихами». Трудно указать, к какой из нескольких существовавших тогда в Польше политических группировок принадлежит автор (или авторы), ибо весь комплекс текстов — безжалостная и беспощадная сатира на короля и королеву, на духовенство от папы до ксендзов, на гетманов, на сторонников короля и на его завязтых противников и т. д.

⁵¹ См.: Nowak-Dłużewski J. Bibliografia staropolskiej okolicznościowej poezji politycznej XVI—XVIII w. Warszawa, 1964. S. 65—78. — См. также раздел, посвященный Михаилу Вишневецкому (там же. С. 56—64). Отметим, что в библиографии учтены стихотворения, насчитывающие несколько строк.

⁵² См.: Nowak-Dłużewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Warszawa, 1980. T. 6. Dwaj królowi rodacy.

⁵³ См.: Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629—1674). Kraków, 1898. Т. 3. С. 11. — На русском языке имеется основательная работа, в которой можно найти общую характеристику сатирической поэзии в Польше, см.: Черноваев В. Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // ТОДРЛ. М., 1936. Т. 3. С. 255—333.

⁵⁴ См.: Słiziński J. Sobiescianum z roku 1674 // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Warszawa, 1977. Т. 22. С. 203—205.

Автор только однажды говорит о себе, что он «мирской» и служит в армии 4 года (л. 493 об.), т. е. от начала польско-турецкой войны 1672—1676 гг. Во всех остальных случаях он выступает от имени войска: «нам, жолнером» (л. 487 об.), «а мы, квартяные» (л. 511); речь его явно звучит в военном лагере: «тогда просим вас, ксендзы, до обозу» (л. 510), а обращаясь к краковскому епископу Анджею Тшебицкому, автор укоряет его: «Сам бы ты, бискупе, нужды отведал, в войске побывав, трупе, умел бы ты, как жолнера почитать, сена не давать» (л. 509 об.). Одно из стихотворений называется «Ответ некоего служивого х королю» (л. 507 об.—508), другое — «Ответ и мысль всего войска» (л. 508—509 об.). Во втором говорится, между прочим:

Пусть же слепит (Ян Собеский. — С. Н.) лестьцов-полковников,
ротмистров кормит, бутто бы мясников.
Нас накормил часто мертвью кониною,
смраднюю псиною.

• • • • •
Так вы, тыране, что хлеб наш ядите,
только б нас в обоз, сами не глядите,
сами в банкеты, в вина и в баstry,
 а нас на нож острый.
(л. 508, 509)

Значит, эти стихотворения возникли в среде «ратных людей» (л. 486 об., 497 об.), в солдатской массе, голодной и обнищавшей, которой государство задолжало уже несколько миллионов золотых платы («кварты», одной четвертой части доходов короля, отсюда и название войска — «а мы, квартяные»; хотя само название «квартяное войско» было отменено в 1658 г., оно еще долго держалось по традиции). Деньги и вообще казна упоминаются в цикле неоднократно. Это позволяет уточнить датировку цикла.

Значительное место в цикле отведено жене короля Марии Казимира, урожденной д'Аркье, которая прибыла в Польшу в 1646 г. десятилетней девочкой в свите Людвики Марии, жены Владислава IV. Три десятилетия спустя она стала польской королевой, проводившей свою (иногда независимо и втайне от короля) политику. К королеве в Польше относились крайне недоброжелательно и даже враждебно, небезосновательно считая ее главным проводником профранцузской линии в Польше.⁵⁵ Поэтому когда летом 1676 г. королева отправилась на лечение за границу, по всей стране поползли слухи, что она вызывает казну, а король только и ждет ее отъезда, чтобы окончательно погубить Польшу и бежать во Францию.⁵⁶ 21 июля 1676 г. королева в сопровождении короля

⁵⁵ Тяпкин, например, писал А. С. Матвееву, что при коронации о Марии Казимире, «стоя меж сенаторов и воевод, я наслушался много басен, их же неудобъ возможно писати» (Попов А. Русское посольство в Польше. С. 172).

⁵⁶ См.: Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского, сочиненное г. аббатом Кое. СПб., 1773. Ч. 2. С. 108—109; Arch. spraw zagranicznych francuskich do dziejów Jana III / Wyd. K. Waliszewski. Kraków, 1884. Т. 3. С. 275.

и посла Франции марсельского епископа Форбен Жансона выехала в Гданьск. В тот же день в Гданьск из Франции прибыл еще один посол — маркиз де Бетюн, женатый на сестре Марии Казимиры. Оценив ситуацию, он отговорил королеву от поездки, о чём доносил Людовику XIV 5 августа. В начале сентября королева в сопровождении двух французских послов отправилась в имение Собеских недалеко от Львова.

По нашему мнению, именно этот эпизод описан в первом стихотворении цикла:

Златы поляком лучи солнце испущает,
из Гданска едина к нам надежда приезжает.
• • • • •

Казну покраденную назад всю привезла.

(л. 487, 487 об.)

Если это допущение верно, то *terminus post quem* следует перенести на начало сентября 1676 г.

Можно уточнить и *terminus ante quem*. В цикле неоднократно упоминается Львов, одно из стихотворений называется «Песнь львовская, которую казаки сложили» (л. 490 об.). Судя по всему, лагерь, о котором идет речь в цикле («обоз»), — военный лагерь подо Львовом. Ян Собеский стал собирать там войска как раз в начале сентября, а сам прибыл туда 17 сентября, 25 сентября началась осада турками Журавно, где заперся Ян Собеский с армией. Осада окончилась 17 октября 1676 г. польско-турецким договором, по которому Польша перестала платить ежегодную дань, получила назад Подолию, которая отошла к Турции по бучачскому договору 1672 г.⁵⁷ Между тем в нашем тексте о военных действиях речи нет. Более того — король «сам за зайцы горняет, а нам велит к бою. Ныне в Яворове (имение Собеского. — С. Н.) на удах сидит, на сельди глядит» (л. 510 об.), т. е. короля еще в лагере нет.

Эти наблюдения можно суммировать следующим образом. Сатирический цикл мог быть составлен в период с 8 июля по 8 октября, а завершен в лагере подо Львовом в первой половине сентября 1676 г. и, вероятно, сторонником Вишневецких, как умершего короля Михаила, так и Дмитрия Вишневецкого, польского (а затем и великого) коронного гетмана, с которым автор большей части стихотворений знаком и которого хотел бы видеть польским королем вместо Собеского:

Знаюся с польным коронным гетманом,
лучши жить станет з Дмитром, нежели с Яном.
Перво князь Дмитрей пусть себя исправит,
как гордость скинет, бог духа свята вправит.

(л. 502 об.)

⁵⁷ См.: Woliński J. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983. S. 163—181.

Возможно, что весь цикл и есть упоминавшееся выше «Писмо виршевное уставом полским (т. е. рукописное. — С. Н.)», которое Тяпкин выслал 15 сентября 1676 г., а к 8 октября оно вполне могло попасть в Москву.

Датировка сочинений подобного рода должна быть очень осторожной, так как в них вообще, в том числе и в нашем, много противоречий, в частности хронологических. Это и «возвращение» Яна Собеского из Франции, хотя он там не был; «Песнь львовская» может быть отнесена к лету 1675 г., так как в 1676 г. королева там не была и т. д. В только что приведенном фрагменте также есть анахронизм — Д. Вишневецкий был польским гетманом до 2 февраля 1676 г., а после коронации Яна Собеского был назначен великим коронным гетманом, польским же стал Станислав Яблоновский, между тем датировка текста временем после 2 февраля 1676 г., т. е. после коронации, сомнений не вызывает.

Однако перед нами памфлет, а не историческое сочинение. Перевод сохранил нам то, что вообще редко попадает на бумагу — стихию устной культуры, то, что в фольклористике принято называть «слухи и толки». Отсюда не только хронологические сдвиги, но и явно преувеличенные слухи о распутстве короля, королевы и их приближенных, продажности, пьянстве и т. д. Вместе с тем в этом цикле видны все те противоречия, которые раздирали Польшу, простирая все акценты, подробно описано настроение в армии и т. д. И самое главное, стихотворный цикл дает ответ на вопрос: кто есть кто в Польше сегодня, сейчас? Для той дипломатической деятельности, которой занимался Тяпкин, именно такая сиюминутная информация и была необходима.

Памфlet на потребу дня иногда освещает те явления, которые и не могут попасть в официозный отчет, да и появляется он зачастую быстрее. Русские дипломаты читали и то и другое, читали придирчиво и со знанием дела, что видно по «реальному», а иногда и «филологическому» комментарию к переводу.

* * *

С собственно художественной точки зрения чрезвычайно интересны переводы из книги Веспазиана Коховского «Небездельное бездельье»,⁵⁸ сохранившиеся в двух списках.⁵⁹ Переведено — полностью или фрагментарно — 10 стихотворений, всего 209 строк. На этом небольшом материале можно показать характерные особенности техники посольских переводов (поэтика стихотворного перевода будет проанализирована в V главе). Прежде всего отме-

⁵⁸ Kochowski W. Niepróżnujące próżnowanie ojczystym gzymem na Liryka i Epigramata polskie rozdzielone i wydane. Kraków, 1674. Ссылки даются на издание: Kochowski W. Pisma wierszem i prozą / Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1859. В скобках римской цифрой указана книга, арабской — стихотворение.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 389 об. — 398; кн. 181, л. 54 об. — 63 об. В этом разделе все переводы сочинений В. Коховского цитируются по первому списку с указанием листов рукописи; во втором списке текст записан в строку, без деления на стихи.

тим, что перед нами не вирши литературного подмастерья, а книга крупнейшего художника позднего барокко, поэта-патриота, создателя «Польской псалмодии», прославившей Яна Собеского; книга королевского историографа, чьи «Анналы» встречаются и в русских библиотеках конца XVII—начала XVIII в. — у кн. Д. М. Голицына и А. А. Матвеева.⁶⁰ В 70-х гг. XVII в. в Москве было по меньшей мере два экземпляра «Небездельного безделья» — в библиотеке Симеона Полоцкого⁶¹ и в Посольском приказе.⁶² Эротическая и религиозная лирика с характерным для Коховского налетом польского мессианизма не привлекла внимания переводчика, во всяком случае переведены только окказиональные политические стихотворения, которые были написаны в 1648—1674 гг.,⁶³ т. е. в первый период творчества Коховского, результатом которого и явилось «Небездельное безделье». Отметим, что именно эти переводы уже не могли быть актуальны с точки зрения дипломатической, к тому же и переведена книга спустя три года после ее выхода.

Чем же привлекло В. Тяпкина «Небездельное безделье»? Это ясно из записи, предваряющей переводы, в которой даются не только краткая характеристика книги, заглавие, но и выходные данные, вплоть до дня печати: «В книге печатной полской, какову ис Полши вывез подъячей Прокофей Возницын в нынешнем во 185 году февраля 21, на бесчестие государства московского во многих местех напечатано. А имяется та книга в начале по написанию ея Лирика и епиграммати Веспасияна с Кохова Коховского. Се есть гусли или вирши похвалные или хулительные о разных вещах. Выдана и печатана та книга нынешняго Яна Третиего, короля полского, на имя сына его, королевича Якова, в Кракове в типографии и проторми Войтехом Горецкого, славной Академии краковской типографа, в лето 1674, октября в 6 день по новому» (л. 389 об.—390).⁶⁴ И действительно, стихотворения «на бесчестье государства московского» переведены, но это не единственная, хотя и большая группа. Это стихотворения I, 6; IV, 1, 6, 11, 20, 25; V, 15 и заключительное стихотворение всей книги. Иногда это вырванные из текста строки, где просто упоминается Москва, например, «в стихах на погребение Владислава короля» (I, 1):

Сице орел белый,
царь над птицами смелый,
Вчера своими крыли в народы пространся,
Ныне смертию короля зле перья лишился.

⁶⁰ См.: Луппов С. П. Польская литература в русских библиотеках и частных собраниях XVII—первой половины XVIII века // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Сб. 34. С. 56; Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 117.

⁶¹ ЦГАДА, Библиотека Синодальной типографии, № 4232.

⁶² Экземпляр Посольского приказа обнаружить не удалось.

⁶³ Turowski S. Wespazjan Kochowski na tle współczesnym jako poeta. Lwów, 1908. S. 8—11.

⁶⁴ Отметим, что слова «хулительные» в польском тексте нет, оно внесено переводчиком, так как по названию невозможно узнать, какого характера там стихотворения.

Шеи турски попирает,
Крым и шведов побивает.
Упрямую Москву так ногтями согнет,
в которых уловленное нимало не дохнет.

(л. 390)

Эти 8 строк переведены из стихотворения, в котором 60 строк. Переводчик сделал выборку из-за упоминания Москвы, причем упоминания «укоризненного». Другие стихотворения переведены почти полностью. Это «Победа над Шереметем» (IV, 1), описывающая победу поляков под Чудновым над русскими войсками, которые возглавлял В. Б. Шереметев, и стихотворение «На похвалу Чернецкому» (IV, 6). Это не просто панегирики, но и батальные картины. Таким образом, переводы можно считать первыми опытами на русском языке в жанре «эпиникона»:

Приемлет ведомость государь великий,
что воеводу⁶⁶ и его стольники //
славных вitezей Чернецкой бьет губя,
аки ястреб ярый безсилна голубя.
уж рука его в добываны Вилна
неприятелем к здache ныне силна,
а ляховичи когда выручает,
все поля московскою кровию сливает.
Не менши храбра помянут Бася,
когда Долгорукому зашол от Спаса,
воевода с войсками насилиу с погрому
ушол, растеряв людей, предал их полону.
Он же на Белой Руси воевать не дает,
а Хованскому и ума не стает —
и бога хулит и Николу лает,
что стрела его напрасно летает.

(л. 394—394 об.)

Этим стихам о победах С. Чарнецкого над русскими в 60-х гг. в определенном смысле противостоит другая батальная картина — «Песнь 15⁶⁶ о Серке, как в Крым ходил» (V, 15). Это, кстати, единственное стихотворение, переведенное полностью. Связано это с тем, что судьба кошевого атамана запорожских низовых казаков Ивана Серка постоянно интересовала русское правительство, а за описанный поход 1667 г. на Крым Серко получил от царя похвальный лист.⁶⁷ Этим и объясняется, по нашему мнению, полный перевод стихотворения, лишь косвенно связанного с русско-польскими делами.

Еще два стихотворения вообще не имеют отношения к России и посвящены внутриполитическим событиям Польши. Первое — «Посмеятельные слова жолнером полским» (I, 6), второе — гневная инвектива «Как полское войско отступило от короля Яна Ка-

⁶⁶ Исправлено, в рукописи: воевода.

⁶⁶ Исправлено, в рукописи: 25.

⁶⁷ См.: Русский биографический словарь. СПб., 1912. «Суворова — Ткачев». С. 242.

зимера, а поддались шведом под Краковом в лето 1655» (I, 20). В первом, правда, упоминается кн. Ю. И. Долгорукий, но не это упоминание привлекло переводчика. Сравнивая по объему эти стихотворения, переведенные почти полностью, со стихотворениями «укоризненными», в которых переведены лишь интересующие строки, мы приходим к выводу, что эти два текста переводились именно как сатирические, как обвинения шляхты в пьянстве, в продажности, в предательстве и т. д.

Великого бесчестья пота не лишимся
и вечного срама, покамест движимся;
никоторой никогда век наш не укроет,
и николи нам мутен Днепр не обмоет
греха, которой нас ныне осквернил,
что поляк государю своему изменил.

(л. 391 об.)

Чтобы яснее увидеть и осознать место этих сатирических стихотворений, которые занимают почти треть переводов из «Небездельного безделья», приведем следующее наблюдение. Дело в том, что переведены были *же* все места, которые можно считать «укоризненными», всего мы нашли еще 11 таких мест.⁶⁸ Трудно подозревать посольских переводчиков в небрежении своим долгом. Напротив, Коховский и в Польше вряд ли имел более внимательных и памятливых читателей. Вот ничем, казалось бы, не примечательные 4 строки из 38-строчного панегирика «каштеляну краковскому» Анджею Ольшовскому:

В то время, когда два взапуски борцы скоряе
один перед другим прибегали к мете ближае,
твоя им «Цензура» стать повелевает —
не чужеземец, но свой пусть власть достигает.

(л. 396)

И комментарий к ним: «„Цензура“: выдана была книга латинским письмом про выборных на королевство полское, между которыми на государское имя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, речи напечатаны непристойны, и о том полским камисарам на посолских съездах выговаривано, и полские комисары от той книги, что называется „Цензура“, отпирались, что // та книга печатана не в их государстве. И имени у той книги, кто выдал и где и которого году и числа напечатана, нет. А ныне в тех похвалных стихах, написанных ему, Андрею Олшовскому, объявилось, что та книга латинская, что называется „Цензура“, его, Андрея Олшовского» (л. 396—396 об.).

Этот пример, как и описанная выше атрибуция «Музы» Любомирского, ясно показывает, сколь «копотливая» работа по изуче-

⁶⁸ См.: I, 25; III, 4; IV, 1, 2, 6, 16, 30; V, 9. «Укоризны» остались непереведенными даже в тех стихотворениях, которые частично были переведены, следовательно, механический пропуск исключается.

нию польской публицистики велась в Посольском приказе, и упоминавшиеся выше пропущенные места были, конечно, не пропущены по недосмотру, а просто опущены, так как из переведенных стихотворений можно было получить представление о характере книги. Если мы учтем, что книга была переведена три года спустя после ее выхода и поэтому не содержала актуального материала, так как некоторые описанные события относятся к 40—50-м годам; если учтем наличие сатирических стихотворений, не имеющих никакого отношения к русской тематике, то складывается впечатление, что мы имеем дело со своего рода рефератом, рецензией поэтической книги, выполненной столь изощренным способом.

Посольские переводы были не первой, но исключительно важной страницей в истории русского стихотворного перевода, хотя бы с точки зрения его техники. К каждой группе текстов переводчик подходит по-разному. Так, небольшие фрагменты с «укоризно» переведены точно, почти слово в слово: «Uporną Moskwę tak razuryściśnie, W których cięty obłowani piśnie» (I, 1) — «Упрямую Москву так нохтями согнет, в которых уловленное нимало не дохнет» (л. 390); или немного объяснены, перетолкованы: «Moskwa <...> do nas ciągnie dla obłowi» (IV, 11) — «Москва <...> идет полонить поляки» (л. 395). «Победа над Шереметем», «Песнь о Серке» — уже более свободные переводы, переводчик объясняет или переставляет некоторые стихи, вводит свои рифмы, смелые переносы, которых нет в оригинале; заметна тенденция не к построчному переводу, а к строфической корреляции. А в сатирических стихотворениях, особенно в «Посмеятельных словах жолнером полским», переводчик не только виртуозно справляется с «вертоглавными концептами» Коховского, но и выступает здесь его соревнователем, вводя свои, исключительно смелые метафоры (см. гл. 5). Таким образом, характер текста определяет как технику, так и поэтику его перевода.

* * *

Посольский приказ на протяжении всего XVII века был литературным центром,⁶⁹ подвизались в нем и поэты, например Алексей Романчуков, который занимался литературным творчеством как частный человек,⁷⁰ к этому же кругу относится и самозванец Тимофей Акундинов. Но эта школа исчезла после никоновской реформы, и хотя традиция была жива, к приказной школе 30—40-х гг. нельзя возвращать переводы, сделанные в 70-х.

⁶⁹ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII вв.: Архив переводчиков Посольского приказа // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

⁷⁰ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 35—42.

Прежде всего, переводчики этого времени в основном иноземцы на русской службе, хотя среди них и русские, в том числе и поэты (Л. Т. Голосов). Так, в 70—80-х гг. в Посольском приказе польский язык знали Семен Лаврецкий, Григорий Кульчицкий, Иван Гуданский, Гаврила Дорофеев, Иван Васютинский (в 1677 г. они перевели «Великое Зерцало»), Стажей Гадзяловский (в 1685 г. перевел «Гиппику»), Степан Чижинский (в 1691 г. перевел «Выдание о добронравии Яна Жабчица»), Петр Долгово и Иван Тяжкогорский. Латинский язык знали также Леонтий Гросс, Юрий Гивнер (Hübner) и Николай Спафарий. Напомним, что в эти годы в Посольском приказе было в среднем около 20 переводчиков, в том числе с польского 3—4.⁷¹

Пока нет возможности указать, кто именно какие стихотворения перевел, поскольку все они рассматривались как документы («вести» или «авизы») и читались наряду с дипломатической перепиской, сеймовыми конституциями, универсалами, политическими сочинениями. Поэтому неизбежен и тот комментарий, которым они снабжены. Впрочем, иногда он носит чисто индивидуальный, «читательский» характер, что очень важно.

Кроме жанровой новизны отметим другую особенность, касающуюся поэтики барочной поэзии. Характерна жалоба Тяпкина, что ему трудно достать верные сведения, потому что «много составных проектов рассеивают каждый по своему желанию чрез обычные свои вертоглавые концепты».⁷² Эта фраза поистине замечательна, ибо она свидетельствует о знакомстве Тяпкина, хотя бы практическом, с теорией концептизма. Тяпкин был человеком образованым, знал польский и латынь, а сын его, который и учился в Польше, однажды произнес столь искусную речь по-латыни, что Ян Собеский наградил его сотнею золотых червонных и 15 аршинами красного бархата.⁷³ Таким образом, барочную поэтику и риторику они знали и понимали, и «вертоглавый» не значит невразумительный, а то, что концепт для прямолинейного толкования сложен, недаром, кстати, наши дипломаты вступали в «филологические» споры с польскими дипломатами, толкуя значение того или иного слова. И награду сын Тяпкина мог получить лишь в том случае, если превосходно владел «вертоглавыми концептами». Тяпкина они не устраивали как дипломата, а не как человека определенной культурной системы.

Переводчики успешно справлялись со своей задачей. Сапфические строфы, межстиховые переносы не представляют для них трудностей. Единственная особенность — нигде не выдержан изосиллабизм, что и для польских, и для русских профессиональных поэтов уже было нормой. Относительный силлабизм напоминает, кстати, о приказной школе 30—40-х гг. XVII в. Может быть, здесь наблюдаются отголоски этой школы. Напомним, что как раз в 70—

⁷¹ См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 136—138.

⁷² Соловьев С. М. История России. Кн. 6, т. 12. С. 518.

⁷³ Там же. С. 521.

90-х гг. составляются сборники, куда включаются стихотворения приказных поэтов второй четверти XVII в., т. е. это была живая поэзия.

Переводчики Посольского приказа не были скованы школьными правилами и эстетическими запретами, о которых шла речь в предыдущей главе. Перевод был для них работой. Они то переводили, скажем, «Книгу конской езды», а потом «вертоглавые концепты» Коховского, и это было для них в принципе одно и то же. Однако свою специфику стихотворный перевод имел. Он был выбран не только в том смысле, что выбирались, естественно, нужные места для перевода, а в том, что в оригинале выискивалась основная идея, смысл, которая передавалась свободно — брались стихи или полустишия из разных мест оригинала, при этом делались пропуски и даже добавления. Такой перевод является точным и ясным сокращением, чем-то вроде резюме оригинала. Однако отметим, что эта тенденция ощущима лишь в переводе стихов нейтральных или сатирических, тогда как стихи информативные (с «бесчестием») переводятся точно, вплоть до пословного перевода.

Итак, в XVII в. стихотворным переводом занимались исключительно одни служащие переводчики, прежде всего Посольского приказа, а отчасти и Печатного двора. Литературное творчество — это их служебная обязанность.

Переводы польской политической поэзии уже в силу своей специфики не могли получить широкого распространения, однако перевод латинских стихов на въезд Яна Собеского в Варшаву, присланных Тяпкиным, читается в одном сборнике ГПБ среди слов на праздники и высокоторжественные дни Димитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.⁷⁴ У сына царя Алексея Михайловича, Алексея Алексеевича, было «Описание коронации польского короля Михаила». В 1691 г. переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский, известный также в истории русского театра, перевел сборник ритмизованных афоризмов Я. Жабчица «Выданье о добронравии», который известен сейчас в 14 списках, и т. д. Эти данные, далеко не полные, говорят о том, что произведения, переведенные в Посольском приказе, могли распространяться и распространялись, самый яркий тому пример — «Великое Зерцало». Это относится и к переводным стихотворениям. Дальнейшие разыскания, очевидно, подтвердят это.

* * *

Несомненной заслугой приказной школы стихотворного перевода является практическое усвоение жанровой системы польской поэзии. Дело в том, что в генеalogии русской поэзии XVII в. не

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 520—522; ГПБ, Соловецкое собр., № 927/1037, л. 277—278 об.

нашлось места для окказиональной политической поэзии.⁷⁵ Переводчики столкнулись с жанрами для них новыми, которым аналого на русской почве не было. Посольские переводы — поэзия чужая, но не чуждая, и, вероятно, она в определенной степени замещала отсутствующие русские жанры — подобно украинской поэзии⁷⁶ или польским песням.⁷⁷ В таком случае понятно, почему «Песнь о Серке» В. Коховского переведена полностью, ведь именно за этот поход Серко получил похвальный лист от царя. Не случайно то, что первые стихотворения о русских победах написаны поляками на польском языке (П. Терлецкий, П. Болест). Попытки русских поэтов создать аналогичные стихотворения на русском языке в 90-х гг. XVII в. (Карион Истомин и др.)⁷⁸ оказались практически бесплодными, причем дипломаты все это время продолжали следить за европейской стихотворной публицистикой.⁷⁹

Как известно, XVII век — время прилива в литературу деловых жанров, тесной связи литературы и делопроизводственной письменности.⁸⁰ В деятельности приказной школы стихотворного перевода эта граница почти неуловима. С одной стороны, это по природе своей поэзия, и иногда поэзия высокого уровня. С другой — документы, которые находятся среди королевской переписки, конституций сеймов, статейных списков и др. Поэтому в качестве документов стихотворения имеют и «подстрочные примечания»: «Бахус — винной бог»; «Кениксмарк — генерал свейской»; «снопок — герб прежних королей полских»; «Таурика — Крым» и т. д. Язык переводов — это язык деловой письменности, а не литературный язык той эпохи. Итак, функционально это документы, но некоторые переводы создавались уже как литературные произведения, и тут жанр теряет связь с узкоделовыми функциями.

Здесь мы подходим к вопросу, на который точно ответить пока не представляется возможным: для кого делались эти переводы, если они уже в силу своей специфики не могли иметь широкого распространения? Очевидно, что не для представления польским комиссарам — для этого достаточно «перечневой выписки». Оч-

⁷⁵ См.: Панченко А. М. 1) Несколько замечаний о генеalogии книжной поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 236—246; 2) Русская стихотворная культура XVII в.

⁷⁶ См.: Каган М. Д. «Вирши об обороне Чигирина от турок» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 435—444.

⁷⁷ См.: Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных сборниках XVII в. С. 56—70.

⁷⁸ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в.: Литературные панегирики. М., 1983.

⁷⁹ См.: Богословский М. М. Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 163—164; Николаев Н. И., Николаев С. И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 254—261.

⁸⁰ Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Славянские литературы. VII междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 160—177.

видно, что и не для себя, ибо подбор текстов тенденциозен, да такие переводы и не могли бы попасть в делопроизводство. Может быть, они делались еще и для самого царя и зачитывались ему, но не так, как «приветства» Симеона Полоцкого, а как «вести-куранты», а возможно, и вместе с ними.

Посольские стихотворные переводы во всем противостоят литературной продукции элиты, во главе которой стоял Симеон Полоцкий. Их жанр, язык, даже неравносложность стихов, как нам кажется, противостоят принципам школы Симеона Полоцкого, в частности изосиллабизму. Это была еще одна партия строителей культуры, которая новую культуру описывала на «новом» языке. Однако настоящую победу эта партия одержала позднее, в эпоху Петра I, когда последний в своей культурной политике начинает ориентироваться на тип писателя противоположный Симеону Полоцкому — на чиновника, литературного поденщика.⁸¹ Тогда и получила признание «копотливая» работа переводчиков Посольского приказа, в частности над польской поэзией В. Коховского, С. Х. Любомирского, В. Потоцкого и безымянных поэтов. Недаром Петр I, возвращая перевод «Географии генеральной» Б. Варения Ф. Поликарпову, передал через И. А. Мусина-Пушкина: «Высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова»,⁸² имея в виду поэтическое и прозаическое творчество литературных поденщиков XVII в. В этом и состоит национальное значение переводческой школы Посольского приказа.

⁸¹ Панченко А. М. Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков // Там же. С. 225—238.

⁸² Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом // Рус. архив. 1868. № 7—9. С. 1055; ср.: Живов В. М. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. С. 246—260.

ПЕРЕВОДНАЯ ПОЭЗИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Деятельность приказной школы стихотворного перевода, описанная в предыдущей главе, представляется наиболее ярким эпизодом в истории стихотворного перевода XVII в. Для такой оценки необходим, конечно, ответ на вопрос: как соотносится деятельность приказных переводчиков с переводной поэзией того времени, прежде всего с польского языка? Ответить на него можно будет только после рассмотрения всех нам известных переводных памятников, так как уже беглое сравнение приказных переводов с «Пентатеугумом» А. Белобоцкого, наиболее известным поэтическим переводом конца XVII в., показывает, что мы имеем дело с разными приемами перевода, разным подходом к тексту, отличными способами передачи рифм и пр.

В данной главе, которая отчасти будет носить обзорный характер, будут рассмотрены самые разнообразные памятники, от фрагментов в 2—4 стиха, переведенных в составе прозаического произведения, до огромных сочинений, насчитывающих сотни и тысячи строк; поэзия дидактическая и «практическая» (лечебник, гадательная книжка и пр.), стихотворения анонимные и широко известных авторов. В ходе рассмотрения разновременных памятников второй половины XVII—начала XVIII в., которые можно назвать школой поэтического перевода, мы подойдем и к проблематике переводной поэзии собственно петровской эпохи.

В начале обзора следует отметить, что первые стихотворные переводы в XVII в. были сделаны не с польского языка, во всяком случае такие не обнаружены. В 1620-х гг. с украинского языка был переведен уже упоминавшийся трактат И. Хворостинина, а в конце 1630-х гг. московские бояре заказывали переводы стихотворений Пауля Флеминга,¹ которые если и были сделаны, до нас не дошли. Но сами эти факты говорят о том, что в 1620—1630-х гг. вопрос о самой возможности стихотворного перевода был решен, и решен положительно. Надо надеяться, что со вре-

¹ Эти сведения из неопубликованной части исследования о Флеминге в России сообщил нам ныне покойный академик М. П. Алексеев.

менем найдутся и переводы с польского, относящиеся к началу XVII в.

Пока первым стихотворным переводом с польского можно считать «Совет воинский», который является и самым большим по объему до конца XVII в. — в нем более четырех тысяч строк. Около 1576 г. поэт-геральдист, историк и моралист Бартоли Папроцкий (ок. 1543—1614) перевел на польский язык с латинского сборник басен Николая Пергамена «*Dialogus creaturagum moralisatus iocundis fabulis plenus*», созданный в Ломбардии в XIV в. и неоднократно издававшийся с 1480 г. В XVI в. появились голландский, английский, французский и польский переводы. Перевод Папроцкого выходил три раза (во всех изданиях отсутствуют выходные данные). Одно из изданий, кстати, оказалось в библиотеке Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева.² Однако еще до Симеона Полоцкого эта книга привлекла внимание русского читателя, так как единственный сохранившийся список «Совета воинского» (это очень удачный перевод названия «*Koło rycerskie*» Папроцкого) датируется 1650—1660 гг.³

Этот список, указанный в свое время А. И. Соболевским,⁴ является автографом переводчика. К этому выводу мы пришли, анализируя оформление рукописи и целый ряд описок и исправлений. Изучение рукописи позволяет иногда увидеть и ход «творческого процесса» переводчика: однажды он даже прерывает перевод одного фрагмента на полуслове и тут же переводит его заново, заметив, видимо, сильное отклонение от оригинала.⁵ Почему он счел недопустимым такое отклонение? Дело заключается, как представляется, в принципе перевода, которым руководствовался П. И. Челищев, наиболее вероятный переводчик.⁶ Переводчик-дилетант, не очень талантливый, он упорно старался сохранить «поэтический», т. е. стихотворный, облик оригинала, старательно подыскивая рифмы, а иногда просто заимствуя их из оригинала, например: na dōł zrzucił : obrócił — на дол скинул зрутил : обратил; wstępuję : gotuję — вступаю : готовую.⁷

Именно эта особенность перевода утяжелила его, иногда до невразумительности, и привела к тому, что назидательные басни Папроцкого, повествующие «стиховно» о зверях и птицах, камнях и цветах и других персонажах, известных русскому читателю по Физиологу и Азбуковнику, остались известны в одном списке.

² См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 176.

³ См. описание рукописи ГПБ, Q.XV.29: Николаев С. И. «Круг рыцарский» Б. Папроцкого в русском переводе середины XVII в. // Материалы респ. конф. СНО. Тарту, 1977. С. 17—19. — К сожалению, в эту публикацию (в том числе и по вине автора) вкрапились несколько досадных опечаток.

⁴ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 172.

⁵ См.: Николаев С. И. «Круг рыцарский» Б. Папроцкого. С. 21.

⁶ Обоснование атрибуции см. там же. С. 21—22.

⁷ Там же. С. 23.

И все же заслуга Челищева неоспорима. Предпринятый и осуществленный им труд открыл, хоть и не очень удачно, новую страницу в истории русской поэзии.⁸

Прежде чем перейти к переводным стихотворениям конца XVII в., остановимся на хорошо известном, но совершенно не изученном для истории переводной поэзии материале — на посвящениях, цитатах и стихотворных фрагментах в прозаических сочинениях, переведенных с польского языка. Аналогичный материал в оригинальных русских сочинениях фиксировался неоднократно и до сих пор привлекает внимание ученых,⁹ тогда как переводным стихотворным отрывкам XVII в. посвящена всего лишь одна работа.¹⁰ Между тем эти отрывки и фрагменты дают богатый материал для истории техники перевода, поскольку сами отрывки переводились в составе всего памятника, т. е. без специального обращения к стихотворному тексту. По этой причине отношение переводчика прозы к поэзии может быть вполне правдоподобной характеристикой культуры поэтического перевода второй половины XVII в.

Стихотворные эпиграфы, посвящения, цитаты, примеры и пр. были привычной чертой польской и вообще европейской книги XVI—XVII вв. К середине XVII в. в русских печатных книгах появляются «вирши на герб», а в Петровскую эпоху редкая книга обходится без стихотворных инкрустаций. В переводной литературе этот процесс начался раньше, примеров тому много в переводах 1670—80-х гг.

«Повесть об астрологе Мустаеддине» открывается небольшим эпиграфом:

Всегда предкове наши собранием на волка ходили,
Его же так удобне ловили.
Сим образом, християне, вкупе на турка идите,
Аще вы жити мирно хотите.¹¹

⁸ Там же (с. 26—29) опубликованы две басни в переводе Челищева.

⁹ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 72, 93—95, 175—178; Протопопов В. В. Стихотворные вставки в «Мусикийской грамматике» Николая Дилицкого // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 179—184. — Напомним, что тема «Ломоносов-переводчик» обычно решается на материале таких отрывков в «Риторике» (1748).

¹⁰ См.: Galster I. Staroruskie przekłady z poezji antycznej // Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1979. T. 3. Językoznawstwo. S. 15—22.

¹¹ Цит. по: Голубев И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 258. Примеч. 19. — В публикации Э. Малэк в этом эпиграфе не сохранена рифмовка, см.: Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддине» — неизученный памятник переводной литературы XVII в.: Из истории польско-русских литературных связей // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 254 (на с. 246 приведен польский текст этого четверостишия).

В сборнике XVII в., принадлежавшем Благовещенскому монастырю в Вязниках (современное местонахождение нам неизвестно), Повесть помещена под первоначальным заглавием, прямо указывающим польский оригинал: «Выпись из подлинной книжицы нарицаемые Лига з зацепкою кола посланского общего народу Коруны полские и Великого княжества Литовского

«Путешествие или похождение в землю святую Николая Радзивилла» (перевод известен в ряде списков) открывается панегирическим стихотворением «Вирш о бесконечной славе пресвятосияющего князя на Олыце и Несвеже Николая Христофа Радивила, воеводы виленского и прочих»:

Камо, перо, запущаеш в вирши неудержанные?
Хощеш ли на полукартии списать добродетели несочтенных,
Которые обретаются многие в Родивиле?
Что природе показати есть супротив силе¹²

и т. д.

Единичные стихотворные вставки встречаются и в других памятниках, например рифмованные загадки Тарсии в «Римских деяниях»,¹³ однако переводчики справлялись и с целым рядом цитат.

А. И. Соболевский, охарактеризовав перевод политического трактата А. Фрыча Моджевского «О исправлении гражданского жития», выполненный в 1678 г., отметил, что «стихи-цитаты переведены прозою или для них оставлено место».¹⁴ Однако И. Гальстер, доказавшая, кстати, что перевод был сделан с польского языка, а не с латинского,¹⁵ обнаружила в переводе 13 стихотворных вставок (всего 50 строк) из Гомера, Вергилия, Овидия и других авторов. Приведем две цитаты из Овидия, поскольку к судьбе его произведений в России в XVII—XVIII вв. мы обратимся еще не раз:

Иную ми венць мой разум, иную же гнев совещает,
Вижу, что есть лутшее, но творю, что вреждает.¹⁶

(«Метаморфозы»)

творцем Христофором Дамином, странствующим полским» (Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1907. Кн. 9. С. 103). Тип и лексика заголовка настолько характерны для переводов Посольского приказа, что ставят под сомнение предположение Н. С. Демковой о переводе Повести Епифанием Славинецким, если оно не подтверждено документально, см.: Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 273.

Пользуясь случаем указать еще один неучтенный Э. Малэк список Повести: ЦНБ АН УССР, собр. Церковно-археологического музея, № 573, л. 481 об.—487 (см.: Лебедев А. Рукописи церковно-археологического музея имп. Киевской духовной академии. Саратов, 1916. Т. 1. С. 460).

¹² Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584 / Пригот. к печати и объяснил П. А. Гильтебрандт. СПб., 1879. С. 3. Опубл. по списку 1696 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 191). Текст стихотворения сверен со списком начала XVIII в. (ГПБ, Q.IV.65, л. 5—5 об.; различия незначительные); перевод с оригиналом сверить не удалось: в ленинградских библиотеках изданий XVII в. нет, а в переизданиях 1847, 1925 и 1962 гг. стихотворение не напечатано.

¹³ См.: Римские деяния. СПб., 1877—1878. С. 50—54.

¹⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 160.

¹⁵ См.: Galster I. W sprawie podstawy staroruskiego przekładu «De republika emendanda» // Slavia Orientalis. 1969. № 3. S. 311—323.

¹⁶ Galster I. Staroruskie przekłady z poezji antycznej. S. 17.

Егда мужество похваляют, сего вящие прибывает,¹⁷
Яко же конь, бодем стрецалом, скорейший бывает.

(«Письма с Понта»)

Вот несколько больший отрывок из «Илиады»:

Даде мя тебе отец твой во истова учителя
И ко всякой добродетели во юности правителя,
Да научишися от мене во брани добре ратовати
И между разумными разумне советовати.
О сих бо делех не знал еси в своей юности,
Чрез что людие приходят к славе и знаемости.
Но иначко, вежъ, вси славы не имевают,
Точию егда мужными и благоречивыми бывают.¹⁸

Характерно, что переводчик опирался на польский текст стихотворения, а не на латинский, который в издании напечатан рядом.

Аналогично поступил и анонимный переводчик, переведивший в том же 1678 г. «Гражданство обычаем детских». После того как М. П. Алексеев указал источник этого педагогического сочинения — небольшой трактат Эразма Роттердамского,¹⁹ был найден и непосредственный источник перевода — польская версия начала XVII в., выполненная известным поэтом С. Ф. Клёнвицем.²⁰ При переводе этого небольшого произведения, изданного на латинском и польском языках,²¹ переводчик воспользовался польским текстом. Приведем пример, опять из Овидия, в трех языковых версиях:

Не любим отроков, иже не стрижены
По-женски приглаживают власы окудрены;
Не излишнее охотным юношам украшение
И мерно цветное отроком приличествует одеяние.²²

Nie lubimy młodzieńców, którzy nie strzyżone
Po białogłówsku głaszczą włosy utrasione.
Ochędostwo nie zbytnie ochoťnej młodzieży,
A ubiór w miarę świętym otrokom należy.²³

Sit procula iuvenes ut faemina compti,
Fine coli modico forma virilis amat.²⁴

¹⁷ Ibid. S. 18.

¹⁸ Ibid. S. 19.

¹⁹ См.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. М., 1958. Сб. 1. С. 275—335.

²⁰ См.: Численко Н. Д. «Гражданство обычаем детских» и его польский источник // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 5—17.

²¹ См.: Ptakówna W. Nieznane XVII-wieczne wydanie «Dworstwa obyczajów» Erazma z Rotterdamu w przekładzie F. S. Klonowica // Biul. Bibl. Jagiellońskiej. 1965. № 1. S. 29—34. В ГПБ хранится экземпляр оригинала (Erazmi Roterodami Civitas morum-Erazma Roterdama Dworstwo obyczajów dobrzych) — дефектный, без титульного листа и некоторых начальных страниц (шифр: 36.100.7.6).

²² Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания: К истории древнерусской письменности и культуры. Пг., 1918. С. 42.

²³ Erazmi Roterodami Civitas morum. Р. k₂.

²⁴ Ibid.

Сличение этих отрывков показывает не только очевидную зависимость русского текста от польского, но и незаурядное мастерство переводчика: при очень точном переводе из четырех рифмующихся слов польского оригинала заимствовано лишь одно!

Кроме этих цитат в книжечке, выпущенной несколько раз в XVII в. в Польше, есть два стихотворных посвящения: переводчика Клёновица («Толкователев стих увещательный к детям») и Я. Анджеевича («К детям»). Вопрос об их переводе решить сейчас трудно, так как «Гражданство обычав детских» текстологически не изучалось и не имеет научного издания. Возможно, что было два перевода, один с польского, другой — с латинского языка, отсюда и разные заглавия перевода в рукописной традиции: «Гражданство обычав детских» и «Гражданство нравов благих». Это только догадка, и ее мы высказываем на основании сопоставления перевода стихотворения Клёновица (начало перевода стихотворения Анджеевича «*Omnia barbara sunt*» цитирует А. И. Соболевский,²⁵ но в имевшемся у нас польском издании страница с польским текстом отсутствует).

На Гражданство обычав толкователев стих увещательный к детям.
Изрядный есть плод мудрости доброта.²⁶

На стяжание нравов сложены суть стиси, яко всяко детище по уме обноси.

Добродетель мудрости плод бывает красный,
Яже иный плод родит — всякий нрав изрядный.²⁷

In civilitatem morum interpretu carmen pareneticum ad pueros.

Praeclarus est fructus Sapientiae, virtus.
Virtutis autem imago DIGNITAS MORUM.²⁸

Tego, co przekładał, напоминanie do dziatek.

Owoc mądrości CNOTA, która z siebie daje
Drugî owoc i wdzięczny, DOBRE OBYCZAJE.²⁹

Уже сами отличия русских текстов друг от друга показывают, что мы имеем дело не с разными редакциями, а с двумя переводами, хотя А. И. Соболевский и писал, что цитируемый им список ГИМ (собр. Уварова, № 1940) «имеет тот же текст, но неполный».³⁰ Маленькая цитата, приведенная Соболевским по этому списку, является точным переводом латинского текста. Что ка-

²⁵ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 163.

²⁶ Там же.

²⁷ Еуш В. В. Памятники старинного русского воспитания. С. 33.

²⁸ Erazmi Roterodami Civitas morum. Р. b₂.

²⁹ Ibid.

³⁰ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 163.

сается второго перевода, то можно высказаться в пользу польского источника, так как отрывок из Овидия переведен несомненно с польского, а в приведенных нами двух стихах из «стиха толкователева» по публикации В. В. Буша выражение «иный плод рожит» более соответствует польскому *«z siebie daje drugi owoc»* чем латинскому *«imago»* («образ»). Отметим, что в некоторых из просмотренных нами списков стихотворений нет (например: БАН, Тек. пост., № 12 и др.).

В настоящее время окончательно решить вопрос об источнике перевода всех стихотворений в «Гражданстве обычаем детских» мы не беремся, поскольку, как говорилось, отсутствует научное издание этого текста. Такое издание, основанное на полном текстологическом исследовании списков, позволит ответить и на другие вопросы: сколько было переводов, и если два, то какой из них принадлежит Епифанию Славинецкому? ³¹ Кстати говоря, этот перевод, положивший начало русской эразмиане, давно заслуживает тщательного издания.

Для характеристики общей культуры и уровня стихотворного перевода особенно интересны произведения, неоднократно переводившиеся на русский язык, а также другие редакции перевода.

В «Фацециях», переведенных на русский язык в 1679 г., ³² каждая новелла заключается небольшим «виршиком», обычно это двустишие. Уже сам характер «издевок смехотворных московских» не требовал от переводчика строгого следования букве оригинала, поэтому «виршики» встречаются в разных вариантах. Они соседствуют даже в одном списке, например, для следующего «виршика» польского сборника:

Nie szukaj złota,
Kiedy jest cnota.³³

Не ищи много злата,
Но аще где великая цнота; или Не ищи тамо злата,
Где не минеш блата.³⁴

В другом списке читается такой вариант:

Не ищи много сребра и злата,
Да не будет сердцу твоему великого плача.³⁵

Или:

Już tam sen nie długii,
Kto ma na się długii.³⁶

³¹ Об авторстве Епифания см.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. С. 286—293.

³² По мнению О. А. Державиной, «Фацеции» трижды переводились на русский язык. Недавно эта точка зрения была оспорена: убедительно показано, что был один перевод, см.: Walczak B. O przekładach facecji polskich na język rosyjski // Slavia Orientalis. 1972. № 1. S. 47—64.

³³ Facecje polskie z roku 1624 / Wyd. A. Brückner. Kraków, 1903. S. 148.

³⁴ Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 143. — О «виршиках» см.: Там же. С. 64, 77, 80.

³⁵ Там же.

³⁶ Facecje polskie z roku 1624. S. 93.

В переводе использована та же рифма:

Тако покой и сон не долг,
Кто имеет великий долг.³⁷

Воистину, тамо покой и сон не долг,
Кто имать на себе великий долг.³⁸

Эта же тема — сон должника — аналогично решена в другом сборнике, в «Апофегмах» Б. Будного, трижды переведенных на русский язык, причем третий перевод в 1711 г. был издан в Москве.³⁹

Б. Будный заканчивает апофегму о должнике, которого не только днем, но и ночью мучают кошмары, таким двустишием:

Długi sen wdzięczny często przerywają,
A człowiekowi dosypiać nie dają.

В одном переводе XVII в. оно переведено прозой: «Сон от долгов часто прерывается и не дают досыпать человеку». Второй переводчик не только сохранил форму, но и более точно перевел двустишие:

Долги сон милый часто прерывают,
Человеку спати сладко не допускают.

Наиболее обширный сопоставительный материал дают переводы исторических сочинений М. Стрыйковского (1547 — после 1582) и А. Гваньини, неоднократно переводившиеся в России в XVII в.

Хроника Стрыйковского необычайно богата стихотворными вставками, некоторые из них насчитывают десятки строк, а во всей Хронике их несколько сотен. Это не только плоды творчества самого Стрыйковского, достаточно заметного поэта XVI в.,⁴⁰ но и цитаты из античных и современных автору польских поэтов.

В 1668—1688 гг. Хроника четыре раза была переведена (не всегда в полном объеме) на русский язык.⁴¹ Стихотворные от-

³⁷ Державина О. А. Фацеции. С. 113.

³⁸ Там же.

³⁹ Małek E. Staroruskie przekłady «Apostegmatów» Bieniasza Budnego // Studia filologiczne WSP w Bydgoszczy: Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1978. Z. 4. S. 7—23. — Приводимые ниже примеры помещены в статье на с. 12. О переводе см. также: Анушин А. И. «Апофегматы» Беняша Будного // Книга: Исследования и материалы. М., 1971. Сб. 22. С. 127—135.

⁴⁰ См.: Poeci Renesansu / Oprac. J. Sokołowska. Warszawa, 1959. S. 108—112; Radziszewska J. Maciej Stryjkowski — historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice; Wrocław, 1978.

⁴¹ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 79—80; Рогов А. И. 1) Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его Хроника. М., 1966. С. 259—306; 2) Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 206—214; Николаев С. И., Салминина М. А. Хроника Мацея Стрыйковского // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 171—173.

рывки переведены почти все, но переводчики по-разному подошли к материалу. Наиболее удачны переводы А. И. Лызлова (1682), он единственный, кстати, перевел все отрывки равносложными стихами.

Поскольку объем вставок очень велик, то можно заметить и некоторые особенности отношения переводчиков к оригиналу. Показателен перевод 1673—1679 гг.: большие описания сражений переведены то прозой, то стихами, зато все отрывки из Овидия переведены стихами, причем каждый стих отмечен графически точкой. Делая же прозаический перевод, переводчик опускал указания на стихотворный характер оригинала, например: «*Przeto te przyczyyny, które niedaleko siebie chodza opuściwszy, ja drugie wierszem tobie, Czytelniku miły, podaję*»⁴² — «Того для тыя вины, яже недалече себе ходят, оставив, аз иныя тебе, читателю любезный, подаю»;⁴³ или: «*Ale już czytaj rytmu nasze*»⁴⁴ — «но чти наши».⁴⁵

«Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини во второй половине XVII в. трижды переводилось на русский язык: один раз с латинского языка и дважды с польского,⁴⁶ кроме того, существуют и отдельные извлечения из Гваньини — «Повесть о турках» и «История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань». Стихотворные отрывки читаются только в переводах с польского. В переводе с латинского (ГПБ, F.IV.106) нет небольших панегирических стихотворений о польских королях Клеменса Яница; нет стихотворений и в ряде списков переводов с польского (ГПБ, Q.XVII.28; Q.IV.56), т. е. не все переводчики и переписчики считали их непременной частью Хроники. Состав стихотворений в обоих переводах с польского также не совпадает. Так, упомянутые стихотворения К. Яница в одном переводе насчитывают 652 стиха,⁴⁷ а в другом — 111.⁴⁸

Рассуждая о «шляхетских вольностях», Гваньини цитирует Стрыйковского: «Един древний стихотворец полский, Матвей

⁴² *Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi.* Warszawa, 1846. Т. 1. S. 57.

⁴³ ГПБ, F.IV.131, л. 75 об.

⁴⁴ *Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi.* Т. 1. S. 57.

⁴⁵ ГПБ, F.IV.131, л. 75 об.

⁴⁶ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 76—78; Waugh D. C. Notes on seventeenth-century translations from the Polish «Kronika» of Alexander Guagnini // Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi apokrypha: The seventeenth-century genesis of the «Correspondens» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1971. P. 149—151. — Подробнее см. в диссертации Д. К. Юо: Waugh D. C. Seventeenth-century Muscovite pamphlets with Turkish themes: toward a study of Muscovite literary culture in its European setting. Cambridge (Mass.), 1972. P. 175—192. — Приложения к диссертации (экземпляр ее есть в РО БАН) занимают целый том, в котором помещены и интересующие нас тексты; стихотворные отрывки напечатаны *in continuo*. Ср.: Николаев С. И. Хроника Александра Гваньини // ТОДРЛ. Т. 39. С. 160—161.

⁴⁷ ГПБ, F.IV.130, л. 17, 21—21 об., 22 об.—23, 24, 24 об. и др.

⁴⁸ ГПБ, F.IV.180, л. 28, 158 об., 185 об. и др.

Стрийковский, в книге своей, которой дал надписание „Свобода сармацкая“, сими словесы написал:

Несть зде „Тамо аз хощу“, „Так повелеваю“,
Несть „Суду все моему привлеци желаю“,
„Воле разум“ всячески отколь уступает,
То разум, то право, что король назначает.
Так Нерон с мучительми всеми государьствоval,
Иже люто свободы всех чинов истреблял,
Сего в Польши несть, живем в волности вся годы,
Оберегаючи прав своих на свободы.
Зде король шляхтичови не взимает права,
Токмо что ухваленна являет устава...»⁴⁹ и т. д.

Второй переводчик, вообще менее внимательный к поэзии, начало отрывка сократил:

Тот голас был Неранов и иных мучителев,
Которые вельми ламали волность всех людей станов.
Таво в Полше нет, буляем в волности,
Бережка судов и свободы своей в целости.
В Полше некатарой карол не рушит судов,
Только что сама похвала носит уставов...⁵⁰ и т. д.

Наиболее же удачные переводы стихотворений, напечатанных Гваньини, читаются не в переводах его «Описания Европейской Сарматии», а в компилиативной «Скифской истории» А. И. Лызлова⁵¹ и в небольшой «Повести о турках», являющейся извлечением из третьей части книги Гваньини.⁵² Полностью состав стихотворных фрагментов в двух этих произведениях не совпадает, но и здесь, как и в других случаях, мы сталкиваемся с различными переводами двух отрывков из польской поэмы «Венеция» (1572).⁵³

⁴⁹ ГПБ, F.IV.130. л. 214.

⁵⁰ ГПБ, F.IV.180, л. 235.

⁵¹ Лызлов А. И. Скифская история. М., 1787. Ч. 3. — Публикация Н. И. Новикова не совсем исправна, несколько раз при печатании стихотворений нарушен изосиллабизм 13-тисложника. Печатный текст был сличен нами с рукописью БАН (32.4.27), в которой сохранен изосиллабизм.

⁵² Полностью текст Повести с разночтениями по двум спискам (ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГПБ, Q.IV.126) приведен в диссертации Д. К. Уо, см.: *Waugh D. C. Seventeenth-century Muscovite pamphlets with Turkish themes*. Р. 553—579.

⁵³ Оригинал приведенного ниже отрывка см. в кн.: *Gwagnin A. Kronika Sarmacyjej Europejskiej*. Kraków, 1611. S. 78—79. Переводы: ГПБ, Q.IV.126, л. 5 об.—7 об.; Лызлов А. И. Скифская история. Ч. 3. С. 75—79. Перевод сличался с отрывками в Хронике Гваньини, так как он существенно отличается от издания поэмы 1572 г., см.: *Wenecja: Poemat historyczno-polityczny z końca XVI w.* Warszawa, 1886. S. 27—31. Там же (с. XXXV—XLI) оспорена атрибуция этой поэмы, традиционно приписываемой К. Варшевицкому. — Любопытно, что Е. В. Чистякова называет приводимые отрывки «южнославянскими песнями о турецкой неволе», см.: Чистякова Е. В. 1) «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 356; 2) «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Сб. 6. С. 27, 36, 70.

Приведем заключительные восемь строк второго отрывка из «Венеции» в двух переводах:

Пришельцы отечеством нашим обладаша,
Лютых врагов руце у сирот хлеб отъяша;
Воду свою у поган сребром покупаем,
И дрова в неволе такожде обретаем.
Над главами у нас стоят мучители злые,
Утружененным не дают покоя, проклятые.
Раби наши худые нами обладают,
И в отечествах наших нам рассуждают.⁵⁴

Дедичеством нашим прешелцы облаадали,
Свирепи руце сиротам хлеб их отъяли;
Воду свою, за деньги купив, пили,
Дрова свои у поган в неволи купили.
Над шею нашко свирепии спекуляторы стояли,
Утруженным от работы опочинуть дать не хотели.
Слуги наши недостойные, те над нами государьствовали
И в сущих государствах наших нам повелевали.⁵⁵

Перевод того же отрывка читается в книге Иоанникия Галятовского «Лебедь с перием своим», переведенной на русский с польского в 1683 г.:

Наследия наша иноязычным ся досташа,
Лютии руце у сирот хлеб сущий отъяша;
Воду есмы свою за сребро пихом,
И дрова свои у поган в неволи купихом.
Над выею нам с саблею мучители стояша,
Утружен от лютых робот отдохнути не даша.
Бывши раби днесъ нам господиами,
Во властех наших нами повелевали.⁵⁶

Эти отрывки очень показательны. Они свидетельствуют не только об отсутствии пресловутого «рабского» буквализма в переводах XVII в., а напротив, о разных тенденциях в переводческой технике, существование которых вполне проявляется в последней четверти века — перевод изосиллабический (13-сложник Лызлова) и неравносложный силлабизм анонимных переводчиков (в данных отрывках соответственно колебания от 11 до 19 и от 11 до 15 слогов в стихе). Пока для нас важно отметить это, так как несколько подробнее и на более представительном материале анализ различий переводческой техники будет дан в за-

⁵⁴ Лызлов А. И. Скифская история. Ч. 3. — С. 79. Отклонение от 13-стисложника в 5 и 6 стихах по рукописи не восстанавливается, см.: БАН, 32.4.27, л. 254 об.—255. Эти отрывки по рукописи бывшей Виленской публичной библиотеки опубликованы также в кн.: Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и российских. Вильна, 1882. С. 472—473.

⁵⁵ ГПБ, Q.IV.126, л. 9.

⁵⁶ ГПБ, Q.I.244, л. 155—155 об. — Цитированный отрывок не является единственным стихотворным переводом, см.: Там же, л. 140 об.—151, 153—155 об. Стихотворные вставки взяты Иоанникием Галятовским из трудов польских историков.

ключительной главе — в переводах из Гваньини мы встретим те же отрывки, что и у Стрыйковского.

На рубеже XVII—XVIII вв. на русский язык был переведен «Вертугра́д королевский» Б. Папроцкого — обширная компиляция по истории центральной и восточной Европы, обильно украшенная посвятительными, геральдическими, панегирическими и прочими окказиональными стихотворениями.⁵⁷ Переводчиков, вероятно, было несколько, если судить по манере перевода стихотворений, которая меняется от близкого к транслитерации перевода с явным украинским акцентом до более свободной манеры, свойственной А. И. Лызлову. Ср. перевод одной из эпиграмм «На образ Симона Симонидеса» — замечательногопольского поэта и педагога Шимона Шимоновица (1558—1629):

Шасливши над Афини тамо град бывает,
Откуды нам златой Феб лучи изливает;
Не требе Диогена брати с собою,
От древле Лвов стран руских есть лепотою.
Зде ся ины брафманы, разумей, рождают,
Егда наши довцепом тия побеждают.
Собери вся разумы от ветхаго века, —
Сам токмо Симонедес⁵⁸ есть за человека!⁵⁹

Szczęśliwsze niż Atheny miasto w tej krainie,
Odkąd nam słońce wschodzi i skąd cnota płynie;
Nie trzebać, Diogenes, brać Lucerny z sobą,
Zdawna Lwów ruskich kraiñ jest wielką ozdobą.
Tu się drudzy brachmanes, tak o tym wiedz, rodzą
I ledwie ich dowcipem naszy nie przechodzą.
Zbierz wszystkie ingenia od dawnego wieka —
Sam tylko Simonides stanie za człowieka.⁶⁰

Хотя переводчик и запнулся на «остроумии» («dowcipem» — «довцепом»), зато уверенно превратил «солнце» («słońce») в «златого Феба» и почти не нарушил 13-сложника, для чего, вероятно, и опустил кое-что из оригинала. Перевод этой эпиграммы можно признать вполне типичным (как с недостатками, так и с достоинствами) для рубежа XVII—XVIII вв.

Рассмотренные переводы стихотворных цитат в прозаических памятниках говорят о достаточно сложившейся и в целом высокой культуре перевода.⁶¹ Переводчики чаще всего отдавали пред-

⁵⁷ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 80—81.

⁵⁸ Исправлено, в рукописи: Самонедес.

⁵⁹ ГПБ, собр. Погодина, № 1700, л. 411. Единственный список перевода, принадлежавший Д. М. Голицыну.

⁶⁰ Paprocki B. Ogród królewski. Praha, 1599. K. 205. — Польский оригинал также был в библиотеке Д. М. Голицына, см. описание его библиотеки: ГБЛ, ф. 64. к. 80, № 10, л. 8 об. Не исключено, что Голицын мог иметь отношение к появлению перевода, т. е. заказать его во время своего пребывания в Киеве губернатором студентам Киево-Могилянской академии.

⁶¹ Мы упомянули не все известные нам случаи, сюда можно добавить переводы С. Ф. Лаврецкого календарей на 1689 (БАН, Арх. С, № 228) и 1696 гг. (БАН, 17.7.16); кн. М. Кропоткина (см.: Лопарев Х. Описание рукопи-

почтение стихотворной форме, а при наличии польского и латинского текстов переводили с польского, лишь изредка прибегая к прозаическому пересказу, что объясняется не какой-то «эстетической глухотой» или неумением, а индивидуальными способностями переводчика или целями, которые онставил перед собой. Показательно в данном случае, что один из переводчиков Стрыйковского при прозаическом переводе опускал упоминания автора о стихотворной форме.

Хотя изосиллабизм и неравносложный силлабизм сосуществуют, первый в XVII в. довольно редок. Дело, очевидно, не в одной кажущейся «простоте» перевода неравносложными стихами. Эпоха относительного силлабизма в русской поэзии не окончилась с началом регулярного, «мерного» стихотворства школы Симеона Полоцкого: в 70—90-х гг. XVII в. довольно активно переписываются «епистолии» и «посланейца» поэтов приказной школы 30—40-х гг., а также создаются новые произведения,⁶² хотя в оригинальной поэзии уже возобладал изосиллабизм.

Обратимся теперь к переводам отдельных стихотворений и больших композиций. Их пока выявлено, а тем более издано не так много. Центральное место среди них занимают «Пентатеугум» А. Белобоцкого и стихотворные части «Златого ига супружества». Если последнее лишь недавно введено в научный оборот,⁶³ то «Пентатеугум» за последние два десятилетия был дважды издан⁶⁴ и исследован литературоведами и лингвистами.⁶⁵ сей О-ва любителей древней письменности. СПб., 1892. Ч. 1. С. 284—285) и некоторые другие.

Перевод календаря на 1696 г. А. И. Соболевский отметил как «юмористический» (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. С. 136). Действительно, стихотворные вставки представляют некоторый интерес для истории русской эпиграммы, сп.:

Не одна лихорадкою панна заболела
Для того, что в заговенье в паны не успела.

Сей пережил март, в апреле умирает.
Вижу, что на всякой час смерть гроб отворяет.

Потому что ты бранчлив, к твоему загривку
Пришьет некто хороши саблею нашивку... и т. д.

(БАН, 17.7.16, л. 3, 3 об.)

⁶² Например, «Слово на умиление души своей» Венедикта Буторина, написанное в 1688 г.: ГБЛ, собр. Ундорского, № 464, л. 29 об.—30 об.; см.: Николаев С. И. Два стихотворца XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 376—378.

⁶³ См.: Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 308—337.

⁶⁴ См.: Горфункель А. Х. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого: Из истории польско-русских литературных связей // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 44—64; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 218—249.

⁶⁵ См.: Горфункель А. Х. Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188—213; Пан-

Эти превосходные памятники удачно вписываются в пеструю картину литературной жизни конца XVII в. Переведены они приблизительно в одно время,⁶⁶ но сами диаметрально различны, в них реализованы крайние тенденции поэзии барокко. В «Пентатеугуме» это поновленная идея *memento mori* в ее новолатинской рецензии, прошедшая к тому же польскую обработку; в «Златом иге супружества» — несомненно, наиболее изящном произведении русского барокко — легкая ирония, прикрытая антифеминистской инвективой.

Обе названные черты исключительны для русской поэзии (и вообще литературы) той поры и задают тематические рамки для стихотворений, которые будут рассмотрены ниже.

Тема бренности жизни в русской поэзии никогда не принимала изощренных и жутковатых форм европейской поэзии, не встретим мы тут и мрачных *danse macabre*. Хотя в рукописной традиции «вирши о смерти» довольно часты, тема *Vanitas* в русской поэзии более умеренна и носит скорее элегический характер.⁶⁷ Эта умеренность проявилась и в другой противоположности, в отсутствии (по меньшей мере до начала XVIII в.) в литературе любви- страсти. Антифеминизм мог принимать обличье шутки, то легкой, как в «Златом иге супружества», то скабрезной, как в иных фасадиях (уместно подчеркнуть, что оба памятника переводные). Однако и в авантюрных проделках «жен» была более привлекательна их ловкость и изворотливость, чем сомнительный эротизм некоторых ситуаций.

Оба памятника являются также образцами переводами. «Златое иго супружества», в котором стихи и проза искусно переплетаются между собой, переведено превосходно и для изучаемой поры является образцом адекватного перевода, если эта позднейшая категория приложима к литературе рубежа XVII—XVIII вв. Доказывается это, в частности, тем, что переводный характер произведения обнаруживается лишь путем внимательного анализа, а С. А. Бугославский, в 1940-х гг. готовивший

ченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 204—207;
Каминьска А. О языке перевода «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого: К вопросу о польско-русских литературных и языковых связях // *Slavica Wratislaviensis*. Wrocław, 1977. Т. 12. С. 133—145; *Angyal E.* Barok polski między Madrytem i Moskwą: Kilka uwag i propozycji // *Literatura—komparatystyka—folklor*. Warszawa, 1968. S. 157; *Suchanek L.* 1) Thanatos i eschatologia: Z obserwacjami nad poezją baroku rosyjskiego // *Rocznik Komisji historyczno-literackiej PAN*. Wrocław, 1974. Т. 12. С. 3—21; 2) Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku // *Slavia Orientalis*. 1975. № 1. С. 39—41; 3) Poezja żałobna baroku rosyjskiego // *Prace historyczno-literackie*. Kraków, 1975. Z. 33. С. 33—46; 4) Jan Andrzej Białobocki i barok rosyjski // *Polacy w życiu kulturalnym Rosji*. Kraków, 1986. С. 9—20; *Dębski J.* Twórczość rosyjskich syllabistów i tradycje literackie. Wrocław, 1983. С. 44—47.

⁶⁶ «Пентатеугум» в рукописи не датирован, в обоих списках «Златого ига» имеется дата перевода (1696 г.), которая, впрочем, не вызывает доверия у А. М. Панченко.

⁶⁷ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 202.

текст к печати, вообще считал его оригинальным произведением.⁶⁸

В «Пентатеугуме» много лексических и морфологических полонизмов.⁶⁹ Это объясняется не столько стремлением Бело-боцкого держаться возможно ближе текста подлинника — иногда он все же сознательно отделялся от него — сколько польским происхождением переводчика, более всего сказавшимся в области морфологии в переводе фразеологизмов, самых «уязвимых» при переводе языковых аспектов.

Наконец, еще одна отличительная черта обоих переводов — изосиллабизм, почти целиком сменивший относительный силлабизм к началу XVIII в. в переводной поэзии.

Основное направление восприятия польской поэзии в России в XVII в. особенно наглядно можно показать на небольшом, но очень ценном с историко-литературной точки зрения примере — переводе трех фрашек Яна Кохановского. Публикуемые тексты обнаружены в сборнике конца XVII в. вместе с их польскими оригиналами и снабжены в рукописи точной, хотя и неполной библиографической ссылкой, что довольно редко встречается в переводной поэзии XVII в.

Стихи выписаны из книги польской Яна Кохановского, лист 21.

На младость.

Яко без весны лето быти хотят,
Иже прежити младым в твердости мнят.

Тож по-польски.

Jakoby też rok bez wiosny mieć chcieli,
Którzy chcą, żeby młodzi nie szaleli.

На старость.

Бедная старость, вси тебе желаем,
Внегда же уже будешি, рыдаем.

По-польски тож.

Biedna starości,⁷¹ wszyscy cię żądamy,
A kiedy przydziesz, to zaś narzekamy.

На смерть.

Прелестный мире, яко же се зрится,
Почих аз, паче сей многим глумится.

По-польски.

Obludny świecie, iakoć⁷² się tu widzi,
Doszedłem portu, iuż więc z inszych szydzi.⁷³

⁶⁸ См.: Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник. С. 308. — К середине XVIII в. В. Е. Адодуровым уже было сформулировано требование, «чтобы чтение его (перевода. — С. Н.) не вызывало досады и не легко было бы догадаться, на каком языке написан оригинал».

⁶⁹ См.: Каминьска А. О языке перевода «Пентатеугума».

⁷⁰ Исправлено, в рукописи: chsą.

⁷¹ Исправлено, в рукописи: starosti.

⁷² Исправлено, в рукописи: iakoś.

⁷³ Исправлено, в рукописи: szudzi.

По польским оригиналам легко устанавливается их источник— это 82, 83 и 84 фрашки из первой части «Фрашек» Яна Кохановского (1584),⁷⁴ причем переводчик воспользовался изданием 1629 г. (см. обложку книги). Анонимный перевод в рукописи не датирован, возможно, что он был выполнен в начале 1680-х гг. составителем сборника подьячим Печатного двора М. И. Родоставовым или известным переводчиком Мардарием Хониковым.⁷⁵

В огромном тематическом разнообразии «безделок» польского поэта, «полусмешных, полупечальных», злых инвектив и веселых эпиграмм, переводов из греческой антологии и Катулла, перемешанных с аnekdotами, философскими размышлениями и эпитафиями,⁷⁶ русский переводчик нашел те фрашки, которые (едва ли не единственные) могли органично вписаться в русскую силлабику конца XVII в. Неслучайность его выбора подтверждается историей этих фрашек в творчестве Кохановского. Все три двустишия (с одним незначительным разноточием) вошли в другое произведение поэта, «На XII ступеней человеческой жизни»,⁷⁷ опубликованное уже посмертно во «Фрагментах» (1590). Этот цикл двустиший имеет несомненные аналогии с популярным в XVI в. эмблематическим изданием «Таблица Кебета» — нравоучительной панорамой человеческой жизни, от рождения до смерти с афористическими подписями.⁷⁸ Представленная в «Таблице Кебета» философия жизни сродни некоторым древнерусским изучениям (ср. популярную в рукописной традиции статью «О семицах жития человеческого»), да и сама «Таблица» вскоре была переведена на русский язык, а также отразилась в лубочной картинке «Возраст человеческий».⁷⁹ Вот эту расхожую философию интуитивно и уловил русский переводчик во фрашках польского поэта. По всей вероятности, он не знал ни «Таблицы Кебета», ни цикла двустиший Кохановского, однако безошибочно выбрал из почти трехсот фрашек три далеко не самых характерных для Кохановского, зато наиболее приемлемых для русской стихотворной культуры XVII в.

Однако не все поэтические произведения были переведены с польского языка стихами.

⁷⁴ ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 11 об.—12. Польский оригинал: Kochanowski J. Dzieła polskie. Warszawa, 1976. Т. 1. С. 150. См. современный русский перевод Л. Мартынова в кн.: Кохановский Ян. Стихотворения. М., 1980. С. 39.

⁷⁵ Подробное описание сборника ГИМ, обоснование датировки и атрибуции перевода, а также сведения об изданиях Кохановского XVI—XVII вв. см. в статье: Николаев С. И. Три фрашки Яна Кохановского в русском переводе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 289—301.

⁷⁶ О фрашках подробнее см. в кн.: Pelc J. Jan Kochanowski: Szczyt Renesansu w literaturze polskiej. Warszawa, 1980. С. 270—307.

⁷⁷ См.: Кохановский Ян. Избр. произведения. М.; Л., 1960. С. 105—106; Kochanowski J. Dzieła polskie. Т. 2. С. 44—45.

⁷⁸ См.: Pelc J. Obraz—слово—знак: Studium o emblematach w literaturze staropolskiej. Wrocław, 1973. С. 109—112.

⁷⁹ См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 102—104.

В петровскую эпоху с польского языка на русский были дважды переведены «Метаморфозы» Овидия и оба раза с известного в России стихотворного комментированного перевода В. Отвиновского.⁸⁰ Один перевод сохранился в четырех списках,⁸¹ второй — в двух.⁸² Оба перевода не датированы, но в списке ГИМ, который принадлежал Димитрию Ростовскому, имеется запись о том, что рукопись переплитаена в апреле 1706 г. Этую дату можно принять за *terminus ante quem* первого, по нашему мнению, перевода. Отметим, что А. С. Грузинский ошибочно считал, что в списке ГПБ читается перевод с латинского языка, который он атрибутировал П. А. Толстому.⁸³ Во-первых, текст в списке ГПБ совпадает с текстом ГИМ и БАН, 17.14.21 и безусловно сделан с польского, что и сказано в предисловии; во-вторых, перевод Толстого не обнаружен и сделан он был после 1706 г. (сведения о нем относятся к 1727 г.);⁸⁴ с какого языка переводил Толстой, неизвестно, скорее всего — с итальянского.

«Метаморфозы» стали в XVII в. самым читаемым творением Овидия и неисчерпаемым источником вдохновения. Обращение к переводу Отвиновского, вызвавшему столь сильное внимание в России, имело у нас важные последствия. Дело в том, что Отвиновский выпустил в свет «толкового» Овидия с обильными комментариями и толкованиями, поэтому и русский читатель получил не столько Овидия, сколько энциклопедию античной мифологии. Все комментарии (в оригинале они напечатаны на полях) переведены, но размещены в переводах по-разному: в первом переводе они вынесены в конец каждого «сказания», во втором — записаны прямо в тексте после комментируемого места или отрывка. Оба решения, в особенности второе, нельзя признать удачными, лучшим выходом было бы сохранение комментариев на полях, как это издавно было принято и в книгописной практике Древней Руси. В результате текст Овидия во втором переводе буквально разорван толкованиями, а в первом текст оторван от пояснений, но справедливости ради надо сказать, что благодаря этому приему текст первого перевода более связный и в нем легко угадывается стихотворный оригинал.⁸⁵

⁸⁰ *Owidiusz. Księgi Metamorphoseon, to jest Przemian. Kraków, 1638.* См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели. С. 176; см.: *Wichowa M. Walerian Otwinowski jako tłumacz «Przemian» // Filomata. 1986. № 373. S. 156—165.*

⁸¹ ГИМ, собр. Синодальное, № 809; ГПБ, Q.XVIII.4; БАН, 17.14.21; ЦГАДА, ф. 181, № 671.

⁸² ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 334п/225; БАН, Тек. пост., № 744.

⁸³ См.: *Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля—3 марта 1913 г. Киев, 1913. С. 33—34.*

⁸⁴ См.: *Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 221.* Об этой атрибуции и других переводах Овидия в петровскую эпоху подробнее см.: Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников петровской эпохи // Рус. лит. 1988. № 1. С. 162—164.

⁸⁵ В приложениях к настоящей книге (с. 144—148) опубликована по первому переводу история нимфы Дафны.

Первый перевод «Метаморфоз» едва не стал первым и единственным переводом с польского стихотворного сочинения, напечатанного в петровскую эпоху. 23 августа 1708 г. И. А. Мусин-Пушкин писал из Москвы Петру I: «Оvideушеву книгу архимандрит симоновский (Иосиф Туробойский. — С. Н.) и Федор Поликарпов смотрели и сказали, что переведена доброе, но в малых некоторых местах что надлежит поправить, написав на бумажках, приклели той книги на поле. И тое книгу <...> послал к тебе, государю <...> А если, государь, изволишь Оvideушеву книгу печатать, прикажи, государь, паки к нам прислать тое Оvideушеву книгу». ⁸⁶ Эта рукопись сохранилась в БАН в составе библиотеки Петра I. Действительно, в «малых некоторых местах», всего в пяти, на полях наклеены полоски бумаги с исправлениями отдельных слов. ⁸⁷ Но работа редакторов, не очень, правда, тщательная, пропала даром: «Метаморфозы» в Москву не вернулись, и перевод Овидия напечатан не был.

Аналогичным образом «толковательный» метод был использован в конце XVII в. при переводе «Четвертака» Яна Жабчица. В этом большом стихотворении (26 четверостиший) анонимный переводчик довольно неумело перевел неравносложными стихами только две первых строфы, а остальные превратились в «Толкование сего четвертака», переведенное прозой. ⁸⁸

Своеобразна судьба еще одного памятника, указанного А. И. Соболевским, «Краткое начертание, как ныне возмущены дела в Европе». ⁸⁹ Замечание Соболевского «местами следы рифм польского оригинала» говорит о том, что он не сомневался в польском источнике этого текста, хотя и не указал его. Приводим текст по единственному списку первой четверти XVIII в.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ, КАК НЫНЕ ВОЗМУЩЕННЫ ДЕЛА В ЕВРОПЕ

Папа во всех делах хочет быть настоящий и домогаетца вся делать и сим во всех смущения чинят.

Кесарь римский всего желает, но таковым оброзом ступает назад, понеже приятель его великий, которы ему во всем пособствовал, ныне к другим приязнь показует. Ежели последовать ему дела будут, как зачалося, вся он попирать будет. //

Недавно в Англии вся дела бывало гораздо стоят, Галанская земля вся бывало платит. От сих двух мошно было вся получить, ныне же конец всем стал.

⁸⁶ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. 1862. Т. 2. С. 647.

⁸⁷ См.: БАН, 17.14.21, т. 1, л. 35, 43, 179 об., 180.

⁸⁸ Исследование и издание текста см. в статье: Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 174—181, 190—192.

⁸⁹ Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы // СОРЯС. СПб., 1908. № 3. С. 35.

Король французский принуждает всех, он по своему хотению все делает, чего он желает. Тому надобно, конечно, быть и хотя князи вся своя попирать будут, Франция тое делает, чтоб они паки свое назад получили. Токмо князь Вались не смотрит на все со охотою и ничего воды на мельницу его // не течет, однако ж вся принуждаема терпеть и всему тому, что над ним случитца, причина Гишпании. Также духовная, или тестомент, причинит все ему. Король един сам власне всех речей хочет. Филип един о всех делах состезается. Венецыя и Гелвецыя смеютца над всеми и все пророчествуют о желаемом мире.

Немецкая земля должна на все позволить, понеже сама ничего не возможет исполнить.

В полской земли все дела дивная: часть една всего хочет быть, другая же // часть вся позволяет.

Мир подлинно стал, которы хотя б не супротив приятельства, однако ж вся их действия знатная.

Двор прусский вся переменить готовится, дратца, что сие значит — сам король лутче знает.

Король швецкий испытует вся, хотя ему счаствие не все подносит, и хощь власне ныне вся попирал, однако ж еще у турецкого салтана он все во всем, которы ежели // ему по всем пособит, тогда я все ведаю, как последовать будут.

О Московской земле: Москва издалека на вся призирает и ничего о тих не дбает.

Хотя дацкая земля все гораздо смотрит, однако ж не на вся дивуется,⁹⁰ понеже ведает, х кому наибольыне дела надлежат.

Едным словом, вся тамо удивительно поступают // и ныне ничего нет, ибо вся отменна воинственное дело всякого порядку поводятца для того, что комисары вся крадут и у них все в молчании застает. Министры статусы во всем жартуют и вся за ничто почитают. Хотя и все государя своего пропадет, однако ж о них все говорят, что они в том невинны. Священники прилежно стараютца о своем благополучии. Бог весть, для чего им в том верят. // Народ все терпит, салдаты должны все платить, генералы вся позволяют, понеже так желают быть. Едным словом, вся отменно и вся противная. Ежели бог благоутробно не пощадит, нехай дьявол все поберет!⁹¹

Обнаружить непосредственный источник нам не удалось, но все же можно полагать, что перевод сделан с польского, причем основным аргументом для этого предположения является самая художественная форма. Собственно говоря, это даже не стихотворение, а краткая реляция «обо всем на свете», а слово «все» на протяжении этого небольшого перечня европейских новостей упоминается в разных формах 50 раз. Эта особенность и помогает предположить польское происхождение памятника.

⁹⁰ Исправлено, в рукописи: дувается.

⁹¹ ГПБ, Q.IV.73, л. 1—4.

Точно такие же по форме сатирические «ведомости» известны в польской литературе. Мы знаем о двух таких текстах: один из них относится к концу 90-х гг. XVII в., второй — к 90-м гг. XVIII в. В рукописные поэтические сборники они включались, очевидно, на том основании, что текст разбит на стихи, а каждый стих заканчивается рифмой «все» («wszystko»). Приведем для сравнения заглавия, начальные и заключительные строки польских текстов.

Krótkie uwagi teraźniejszych czasów nad coniunctiami.

Pan Bóg pozwala wszystko,
Świat przytym zyszczy wszystko,
Jeżeli sam Bóg nie uleczy tego wszystkiego,
Tedy diabeł to pobierze wszystko.⁹²

Stan teraźniejszy czynów europejskich.

Turek upokorzony znosi wszystko,
Moskwa zuchwała chce przywłaszczyć wszystko,
Jeżeli Bóg wszechmogący nie wesprze wszystko,
To na koniec diabol porwie wszystko.⁹³

Сопоставление этих фрагментов, в особенности устойчивой заключительной формулы, несомненно указывает на польское происхождение «Начертания», что подтверждается и полонизмами, встречающимися в переводе: власне, дбает, жартуют, нехай.

Предполагаемый польский оригинал можно датировать довольно точно. Центральное и наиболее конкретное место в «Начертании» занимают взаимоотношения между Францией и Испанией, причем подчеркивается, что «Филип един о всех делах со-стезается». Речь идет о «войне за Испанское наследство» (1701—1714), в результате которой внук Людовика XIV стал королем Филиппом V. «Также духовная или тестомент причинит все ему»— подразумевает завещание последнего из габсбургских королей Испании Карла V, в силу которого Филипп V унаследовал испанский престол, за который ему пришлось вести упорную борьбу.

Датировку можно несколько уточнить. Под шведским королем, который «хочь власне ныне вся попирал, однако ж еще у турецкого султана он все во всем», подразумевается, очевидно, Карл XII. Можно осторожно предположить, что речь идет о положении Карла XII после поражения у Полтавы и его бегства

⁹² Hernas C. Wśród rękopisów saskich początków // Pamiętnik literacki. 1953. Z. 3—4. S. 240.

⁹³ Kaleta R. Poezja antytargowicka i jakobińska // Ibid. 1950. Z. 3—4. S. 239. Перепечатано в книге: Poezja polskiego Oświecenia / Oprac. J. Kott. Warszawa, 1954. S. 365. — Описанный прием не является, конечно, специфически польским, см., например: «Приложение слова *все* в 1740 г. ко всем европейским странам» на французском языке (см.: Острословие прошлого века / Сообщено А. А. Чумиковым // Рус. архив. 1887. № 10. С. 182). Ср.: Buchwald-Pelcowa P. Satyra czasów saskich. Wrocław, 1969. S. 249—251.

в Турцию. Если эти рассуждения верны, то польский оригинал датируется первой половиной 1710-х гг.

Более сложна датировка русского перевода и самого списка. Филиграней в небольшой тетрадке нет, просматривается лишь часть контрмарки, которую идентифицировать не удалось. К. Калайдович и П. Стroeов описали эту рукопись в составе сборника, в котором были еще два произведения: «Зачало народа роксолянского или российского» и «Разговоры дружеские краткие о вежливстве», которые теперь расплетены (ГПБ, Q.IV.111 и Q.XV.9).⁹⁴ Филиграни этих рукописей («герб города Амстердама» и «почталион») можно отнести к 1720-м гг. Внешний вид «Краткого начертания» не противоречит такой датировке, поэтому считаем, что список «Краткого начертания» сделан не позднее 1720-х гг.

«Краткому начертанию», завершающему обзор европейских событий возгласом «Нехай дьявол все поберет!», в жанрах русской сатирической литературы можно подыскать довольно точную аналогию. В настоящее время известны два пародийных произведения первой половины XVIII в., использовавших форму политических новостей — юмористические куранты⁹⁵ и «Книги политические, которые продаются в Гаге» (1723).⁹⁶ Между ними есть существенные отличия. Если первое блестит бесшабашной веселостью и нагромождением нелепиц о круглой башне, что «на сих днях пойдет замуж», или об убитой корове, в брюхе которой нашли «два голиота и два бота», то второе — политический памфлет, тонко продуманный, отредактированный и стилистически и политически самим Петром I, рассчитанный на сиюминутную, сегодняшнюю политическую ситуацию. Он очень правдоподобен, и когда ситуация на европейской политической арене изменилась и политический подтекст утратил свою актуальность, то «Книги политические» стали восприниматься исследователями как подлинный книготорговый каталог. Вполне понятно поэтому, что второе издание этой книжечки вышло в следующем, 1724 г. — позднее переиздавать ее без комментария было бессмысленно. Между тем списки юмористических курантов, хотя и немногочисленны, но встречаются в разновременных рукописях XVIII в., потому что их реальная «политическая» информация носит временной характер, и почти во всех списках куранты приурочены к разным годам (1736, 1744, 1748 и т. д.) для пущей правдоподобности. Этим, кстати, осложнена их датировка.

⁹⁴ Калайдович К., Стroeов П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... гр. Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 310.

⁹⁵ См.: Адрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 67. С. 48—56; Розов Н. Н. «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. З. С. 440—448. — Нам известны еще списки: ГПБ, собр. Тиханова, № 485, л. 40—42; БАН, 32.6.15, л. 66—67 об.; ГБЛ, собр. Ундорского, № 925, л. 73—74 об.

⁹⁶ См.: Рейсер С. А. «Книги политические, которые продаются в Гаге» // Описание изданий гражданской печати: 1708—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 541—563.

К какому типу относится «Краткое начертание»? Несомненно к типу «Книг политических», хотя и уступает им в сатирической силе. Отсюда можно сделать вывод, что издевательская оценка положения дел в Европе могла быть переведена только вскоре после написания оригинала, иначе она была бы непонятна русскому читателю, даже такому образованному западнику, каким был владелец рукописи кн. Д. М. Голицын. Поэтому перевод «Краткого начертания» мы датируем второй половиной 1710-х гг.

Эта небольшая прокламация начала XVIII в. интересна для нас и вот еще по какой причине. Перевод сохранил нам неизвестное, кажется, произведение польской сатирической литературы, и это свидетельство того, что и в XVIII в. польская литература проникала в Россию в виде не только печатной, но и рукописной книги.

Обратимся снова к стихотворным переводам. Нам осталось рассмотреть памятники «практического» применения: гадательную книжку и лечебник в стихах.

Гадательная книжка «Сивилла», известная сейчас в одном списке 30-х гг. XVIII в. (БАН, 16.16.3), введена лишь недавно в научный оборот.⁹⁷ Первых листов в рукописи явно недостает, и заглавие «Сивилла» дано составителем описания рукописей БАН.

Гадание проводится в два приема: сначала кости бросаются на круг с интересующей надписью («Есть ли которая скоро замужь пойдет», «Поимет ли которая мужа доброго», «Ест ли кому друг любовен» и т. п.). По числу выпавших очков находим указание, отсылающее к следующему кругу — «до ласки, Семно», «до лисицы, Арховы» и т. п. Указание состоит из названия зверя и города. На кругу с изображением нужного зверя находим город и уже там отсылку к собственно предсказанию — «Сивилла 5, вирш 11», «Сивилла 9, вирш 6» и т. д. И уже потом во второй части книги читаем само пророчество.

В этой мудреной системе, обеспечивающей «надежность и гарантию» испытания судьбы, прежде всего бросаются в глаза названия городов: Семно, Лодзя, Ополе, Львовск, Гловачев, Смолинов и пр. Это названия крупных и мелких польских городов, поэтому оригинал гадательной книжки следует искать в польской литературе.

Европейская литература уже в XVI—XVII вв. была очень богата различными гадательными книгами, но на польском языке против ожидания в XVII в. известность получили только две книжки с одним и тем же названием «Фортуна, или Счастье» — Северина Бончальского и Яна Гавиньского.⁹⁸ Считается, что Гавиньский присвоил себе труд Бончальского и просто перепе-

⁹⁷ См.: Описание рукописного отдела БАН СССР: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения: XVII—первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. Т. 4, вып. 2. С. 83—84.

⁹⁸ См.: Gawiński J. Fortuna albo Szczęście. Kraków, 1690; Bączalski S. Fortuna albo Szczęście. Kraków, s. a.

чатали его книгу под своим именем. Однако еще в начале нашего столетия Л. М. Джама показал, что сходство между этими «Фортунами» объясняется их общим иностранным источником, скорее всего немецким.⁹⁹ Различия между ними очень существенны, это просто разные произведения, что помогает при установлении оригинала русского перевода. Сличение показало, что им является «Фортуна» Гавиньского.¹⁰⁰

Эта книжка уже была известна в России: она значится в описи книг царевича Алексея Петровича.¹⁰¹

Итак, книга читалась в оригинале и в переводе, представленном одним списком. Установление оригинала позволяет предположить, что еще один список был в библиотеке кн. Д. М. Голицына. В описи его библиотеки, составленной в 1737—1738 гг., под № 51 значится «Фортуна, или гадательная книга на виршах, в лицах, рукописная».¹⁰² Список БАН происходит из библиотеки Ф. Толстого, который закупил собрание рукописей Голицына,¹⁰³ но как бы ни был велик соблазн отождествить список БАН (также лицевой) с несохранившимся списком Голицына, скорее всего это не так. Дело в том, что список БАН в четверку, а «Фортуна» Голицына указана среди рукописей в лист. И все же, основываясь на оригинале и учитывая список Голицына, мы предлагаем во избежание путаницы в дальнейшем именовать это произведение «Фортуна», так как в древнерусской литературе есть произведения, в названии которых фигурирует «Сивилла».

Вся книга, т. е. 446 четыростиший, переведена полностью с некоторыми любопытными отступлениями от оригинала. Главная особенность, даже недостаток, перевода заключается в том, что в нем система отсылок к соответствующим «предсказаниям сивиллинским», которая зависит от суммы очков, выпавших на игральных костях, не совпадает с оригиналом. Лучше всего это продемонстрировать на примере.

Допустим, на поле «Поимет ли каторая мужа доброго?» выпали кости 6+1. В польском оригинале получаем указание «Idź do wiewiórki, m. Drohobicz», затем «Sybilla 10, wiersz 15», после чего отыскиваем соответствующий текст:

Sybilla Tuburfina

Klinij mnie i łącz — prawdać dotnę:
Niewieściskoś nie robotne,
Złe, plugawe; kto cię pojmie,
Nieraz pieściąć, kijem dojmie.

⁹⁹ См.: *Dziama L. M. Dwie «Fortuny» // Pamiętnik literacki. 1906. R. 6. S. 68—71; Kapelusz H. Wróby // Literatura polska: Przew. encyklopedyczny. Warszawa, 1985. T. 2. S. 631—632.*

¹⁰⁰ В ленинградских библиотеках издания 1690 г. нет, мы слышали перевод с переиздания 1744 г. (БАН, дефектный экземпляр).

¹⁰¹ БАН, F.355, л. 1 об.

¹⁰² Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 242.

¹⁰³ Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого / Сост. Д. К. Уо. Л., 1980. С. 108.

Русский перевод этого четверостишия следующий:

Сивилла 10, нарицаемая Тибурика.

Кто тя, срамну, желает,
Разве тот дела не знает —
Ты на черта вся похожа,
Отиди прочь, дурна рожа.

(л. 65)

Но если гадать по указаниям русского перевода, то этого ответа мы не получим. При очках 6+1 получаем указание «До зайдца, Шубин», затем «Сивилла 11, вирш 20»:

Ты летами престарела,
Рада бы и мужа имела.
Всяки любит ¹⁰⁴ кофтан новый,
Брюх твой к делу не готовый.

(л. 70 об.)

Несмотря на ошибку в счете, образовавшемуся в переводе, ответ все-таки соответствует вопросу, его оригинал следующий:

Jużesz sobie podstarzała,
A męża byś rada miała.
Czyż nie każdy bez przynułki
W nowej chodzić woli sukni.

Другой пример. Допустим, на кругу «Кому пропажа сыщется?» выпали очки 5+4. В оригинале получаем «Idź do wilka, miasta Oborniki», затем «Sybillla 3, wiersz 30»:

Jak mówią co z wozu spadło
I coś zgubił, to przepadło.
Kto nałazł — ma i krzyka,
Kto zgubił — slinki połyka.

При верных указаниях и в русском переводе мы бы получили следующий ответ:

Говорят, что с воза спало,
Давно-де уже пропало.
То кто сыскал, поживет,
Кто потерял — не наживет.

(л. 34 об.)

Однако 5+4 в переводе отсылает «До волка, Обоцнеки» потом к «Сивилле 3, вирш 10»:

Брось вещь сию, друже милы,
Ибо тебе не по силы.
Аще дело ты зачинши,
Зле поистинне поживеши.

(л. 32)

¹⁰⁴ Исправлено, в рукописи: лобовь.

Этому соответствует польское:

Daj tej pokój rzeczy, bracie,
Nie skoczysz jej, lecz ku stracię
Owszem przyjdiesz, a jak widzę,
I na zły koniec wynidzie.

Это, конечно, «предсказание сивиллино» на вопрос «Кто добре дело зачнет делать» или «Кто что замыслит, одержит ли?». Такая путаница встречается постоянно. Случайна она или преднамеренна? Ответить однозначно сложно. Труд, потраченный переводчиком, достаточно велик, сам перевод полный, перерисованы и раскрашены все круги с изображениями животных, а между тем простой механический перенос указаний для гадания труда не представляет, но именно здесь и допущена ошибка. Может быть, до нас дошел список, где «лица» (как раз там и помещены указания) исполнял (и небрежно) один человек, а писал текст другой, вернее, другие, так как это скоропись нескольких рук.

Перевод очень интересен тем, что переводчик ориентировался на 8-сложник оригинала и в переводе четко прослеживается 8-сложная ось с незначительными отклонениями (7 или 9 слогов).

В переводе предсказаний переводчик обычно следует более или менее точно лишь двум первым стихам, а затем дает волю фантазии, не выходя, правда, за тематические рамки предсказания. Часто его дополнения имеют ёрнический тон. Например, в четверостишии «Ты летами престарела...» два первых стиха переведены точно, третий стих соответствует второму двустишию, а заключительный стих добавлен уже переводчиком. Еще пример:

Przebacz, z ciebie kpią, żeś głupi,
Więc cię każdy drze i łupi;
A chcesz, być szczęście służyło,
Cożby u ciebie czyniło?

Народ смехом тебе творят,
Дураком быть ты говорят.
Хощеш в щастье пребывать,
Гузно бобом изволь утирати.

(л. 69 об.)

Последний стих в русском переводе опять-таки сочинен переводчиком. Хотя подобные изменения оригинала встречаются не часто, намерение переводчика вполне очевидно. В противовес прежнему всегда серьезному гаданию по Священному писанию — прежде всего Псалтыри, а также пророческим книгам,¹⁰⁵ — он создает на русском языке «забавное метание костей» для развлечения. Иронический тон угадывается и в оригинале, переводчик сохранил его и развил, прибегая к шутке и едва удерживаясь от *nomina obscoenia*. Это первая русская развлекательная гадательная книга.

¹⁰⁵ См.: Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг: Гадания по Псалтири. СПб., 1899.

Лечебник «Управления здравия», русская версия средневекового «Салернского кодекса здоровья» Арнальдо де Вилановы,¹⁰⁶ известен в двух переводах — 1698 г.¹⁰⁷ и первой трети XVIII в.¹⁰⁸ Оба перевода сделаны с одного и того же несохранившегося издания 1565 г., которое включается в польскую библиографию только на основании перевода 1698 г., указанного А. И. Соболевским. Высказывались даже сомнения относительно существования этого издания, которые теперь можно отбросить окончательно, так как это подтверждается двумя независимыми переводами.

Судя по русским текстам, издание 1565 г. отличалось от первого издания 1532 г.¹⁰⁹ Это осложняет изучение переводов, так как лечебник печатался на трех языках — латинском, польском и немецком (Т. Вежбовский переиздал только латинский и польский тексты).

Перевод 1698 г. — «Управление здравия», — по мнению А. И. Соболевского, сделан с латинского.¹¹⁰ На наш взгляд, перевод с латинского делался с учетом польского текста. Во втором переводе («Порада здравия докторов парижских») хотя и сказано, что это «з латинских вершов <...> преложение», тем не менее очевидно, что и безымянный «зелянт церкви божией» тоже учитывал польскую версию, заимствуя из нее рифмы, порядок слов и т. п. Это легко доказывается сопоставлениями. Второй переводчик, кстати, несомненно выходец из Украины или Белоруссии, к концу перевода стал «уставать» и в языке появляется все больше украинизмов и полонизмов — типичная черта таких переводов была отмечена В. Н. Перетцем.¹¹¹

Почему оба переводчика, имея перед глазами польский и латинский текст, отдали предпочтение последнему? Ведь, как мы уже видели ранее, при наличии двух версий переводчики охотнее переводили с польского? Думается, что свою роль здесь сыграло то, что составитель лечебника Ф. Мымер был немец, плохо знал польский язык и его польские стихи оставляют желать много лучшего. Поэтому оба переводчика обратились к первоисточнику и лишь сверялись с польской версией.

¹⁰⁶ См.: Салернский кодекс здоровья / Пер. с лат. и примеч. Ю. Ф. Шульца. М., 1964; Саблина П. П. «Салернский кодекс здоровья» на Руси // Рус. речь. 1987. № 1. С. 109—114.

¹⁰⁷ ГПБ, собр. ОЛДП, Q.751, л. 160—162 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 193, л. 2—4 об. Во втором списке, указанном А. И. Соболевским, текст обрывается на середине.

¹⁰⁸ ИРЛИ, колл. Перетца, № 376, л. 142—142 об. См.: Грудев В. Ф. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 347.

¹⁰⁹ См.: Dobrego zdrowia rządzenie (1532) i Nauka rządzenia ku ustrzeżeniu od zarażenia powietrza (1543) / Przedruk. T. Wierzbowski. Warszawa, 1899. S. 3—22.

¹¹⁰ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. С. 155; спр.: Архангельский А. С. Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVII вв. Казань, 1901. Вып. 2. С. 253—254.

¹¹¹ См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 423.

Любопытно, что перевод 1698 г. почти сразу стал известен на Украине: в сборнике различных выписок харьковского архимандрита Онуфрия, составленном в 1699 г., есть несколько отрывков из «Управления здравия» с заметными фонетическими признаками украинского произношения.¹¹²

В 1903 г. А. И. Соболевский напечатал почти полностью «Притчу о дьяволе и его дочерях» по списку ГБЛ (собр. Ундорского № 1079).¹¹³ Нам известны еще два списка — XVII и первой половины XIX в.¹¹⁴

Эта небольшая притча — несомненно переводная, кое-где в ней встречаются следы рифм («мила-уродила», «затопили-порушили» и др.), что могло быть только при переводе стихотворного сочинения. К сожалению, наши разыскания положительного результата не дали, и обнаружить оригинал в польской литературе не удалось. По нашему убеждению, это перевод с польского (так думал и А. И. Соболевский), но отсутствие конкретного источника вынуждает нас ради осторожности исключить из исследования эту притчу. В языке перевода нет каких-либо безусловных и ярких полонизмов, сюжет также не имеет ничего специфически польского. Скажем только несколько слов о его судьбе в России.

Сюжет о свадьбе дочерей дьявола, т. е. грехов, с представителями разных сословий и профессий не принадлежит к распространенным, хотя и имеет длительную историю. Судя по указанию Томпсона—Аарне, в фольклоре он не встречается, зато в проповеднической литературе в качестве *exemplum* используется уже с XII в.¹¹⁵ В XV в. в своей прозаической версии он отмечен в польской литературе.¹¹⁶ Позднее этот сюжет, что для нас важно, перелагался стихами и на национальных языках, в частности, известна французская версия.¹¹⁷

Судя по исследованию Ф. А. Рязановского,¹¹⁸ этот сюжет (*Satansbräte*) древнерусской литературе не знаком, но все же несколько раз он проявился в памятниках XVII—XIX вв. Кроме

¹¹² См.: *Перетц В. Н. Вирши харьковского архимандрита Онуфрия // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков.* Л., 1926. С. 174.

¹¹³ См.: *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. С. 176—177;* ср. замечания в кн.: *Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в.* М., 1977. С. 223.

¹¹⁴ ГИМ, собр. Вахрамеева, № 445, л. 48—51 об.; Государственный архив Тюменской обл. в Тобольске, № 1, л. 14 об. (см.: *Дергачева-Скот Е. И., Ромодановская Е. К. Собрание рукописных книг Гос. архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975.* С. 66).

¹¹⁵ Источники см. в кн.: *Tubach F. C. Index exemplorum: A handbook of medieval religious tales.* Helsinki, 1969. P. 116 (№ 1452), 130 (№ 1589).

¹¹⁶ См.: *Brückner A. Kazania średniowieczne. III // Rozprawy Akad. Umiejętności, Wydz. filologiczny. Kraków, 1897.* T. 25. S. 144.

¹¹⁷ См.: *Meyer P. Notice du ms. Rawlinson poetry 241 (Oxford) // Romania: Recueil trimestriel. Paris, 1900. Vol. 29.* P. 54—72.

¹¹⁸ См.: *Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе.* М., 1916.

интересующей нас «притчи о дщерех» XVII в., мы находим его в русском лубке,¹¹⁹ а затем и в старообрядческих рукописях XIX в.,¹²⁰ причем не все эти тексты совпадают, хотя восходят к одному латинскому источнику, почти точно повторяя то, что говорил известный проповедник XIII в. Жак де Витри.

Перечисленные источники, а также ряд других дают хороший материал для сравнительного изучения истории сюжета в русской литературе, но не в рамках настоящей книги.

Обзор ряда памятников XVII—начала XVIII в. позволяет, как кажется, сделать следующий вывод: в это время на русский язык переводятся не только отдельные, весьма интересные произведения, но и стихотворные цитаты в составе прозаических сочинений самого разного характера, причем их перевод обычно не вызывал затруднений. Различные переводы и варианты этих вставок вполне могут быть названы периодом школы и эксперимента в переводной поэзии. За полстолетия произошло и одно существенное изменение в технике перевода: к началу XVIII в. в переводе возобладал изосиллабизм, раньше появившийся в оригинальной поэзии.

И еще один важный вывод. Польская поэзия читалась во всем объеме жанров и тем как серьезной, так и развлекательной литературы, однако в переводной поэзии не нашлось ни польской любовной, ни духовной лирики. В отношении последней можно предполагать, конечно, чисто конфессиональную настороженность, недаром ведь в русской силлабике не чувствуется религиозной экзальтации.¹²¹ Однако некоторые параллели в мeditативной лирике могут быть отмечены, например в «Стихах на суетства мира» и «Молитве» неизвестного автора (1682)¹²² отчетливо слышится интонация польских «метафизических» поэтов (М. Сэмпа-Шажинского, С. Грабовецкого, С. Гроховского).¹²³ Но это сходство — типологическое, не обусловленное генетической связью.

¹¹⁹ См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 59—60.

¹²⁰ См.: ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 67, л. 318 об.—320; № 70, л. 34 об.—35 об.; № 91, л. 7 об.—8 об.; Керженское собр., № 96, л. 31 об.

¹²¹ К немногим исключениям можно отнести стихотворение Стефана Яворского «Ты, облеченнна во солнце, Дево Богомати» (см.: Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1961. С. 495).

¹²² См.: ГПБ, F.VI.19, л. 15—19 об.; ГПБ, НСРК. 1983. 20.F, л. 53—59 об.; ИРЛИ, колл. Величко, № 26, л. 14—17 об.

¹²³ См.: Hernas C. Polscy poeci metafizyczni (1580—1630) // Pr. literackie. Wrocław, 1968. Т. 10. С. 23—53.

ЖАНРОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Перестройка культуры в Петровскую эпоху на развитии литературы отразилась своеобразно и противоречиво. Несмотря на то что сам Петр I постоянно принимал живейшее участие едва ли не во всех литературных начинаниях и предприятиях, чисто литературные задачи как таковые отошли на второй план: лучшие силы нации, в том числе и литературные, были отвлечены на выполнение первоочередных государственных задач. По этой причине Петровскую эпоху называют «перерывом в движении литературы», «самой нелитературной эпохой за все время существования русской литературы».¹

Хотя сложившаяся к концу XVII в. жанровая система предыдущим ходом развития была подготовлена к перестройке, сам ее процесс должен был занять известное время. Закончился он только ко второй трети XVIII в.

А. С. Орлов уже давно справедливо заметил, что до конца XVII в. у нас «принимались, должно быть, преимущественно книги, по темам, сюжетам и формам напоминающие старую книжность».² В предыдущих главах мы сравнительно легко подыскивали жанровые аналоги в русской литературе для переводов из польской поэзии, а при отсутствии соответствий имели достаточные, как кажется, основания говорить о новациях в жанровой системе. Так, самым интересным было обнаружение переводной окказиональной политической поэзии в Посольском приказе. В целом, однако, жанр оригинала и перевода один и тот же.

В первой трети XVIII в. положение изменилось, в переводах и переделках жанровая природа оригинала иногда менялась принципиально. Яркий пример тому — театральные адаптации переводных повестей в Петровскую эпоху, в том числе и переводов XVII в. Несмотря на то что система жанров в это время в общем остается устойчивой, в иерархии жанров на первое место

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 18.

² Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // ДАН СССР. 1931. № 3. С. 49.

выдвинулись драма и песня в разных своих разновидностях, при этом доминирующая роль принадлежит несомненно драме.³

Эманципация любовной темы⁴ и соответствующие изменения в жанровой иерархии способствовали появлению множества произведений. Однако в интересующий нас период отечественной любовной поэзии было еще мало, ее образцы в конце XVII в. исчисляются единицами; в эпоху зарождающихся «галантных» отношений между мужчинами и женщинами высшего сословия она была «превеликой диковинкой», как позднее выразился в своих записках А. Т. Болотов.⁵

Естественное в этих условиях обращение к богатейшему опыту других литератур шло по-разному: в области любовной песни — к опыту украинской и отчасти немецкой лирики,⁶ в драматургии — к опыту западноевропейских литературу.⁷ Любовная лирика уже в первые годы XVIII в. трудами Монса, Столетова и многих безымянных авторов из «превеликой диковинки» стала непременной частью литературного и культурного быта, «политеса». Благодаря большому опыту поэтического и прозаического перевода в Посольском приказе, к концу первого десятилетия XVIII в. сложился и довольно представительный репертуар переводной драмы. В этой спешной работе были, конечно, и огрехи: песни, особенно украинские, часто просто транслитерировались, а переводчики Посольского приказа «падали в борьбе с поэтическим языком иностранных комедий».⁸

Новая тема любви-страсти так быстро и основательно вошла в литературу, что вскоре сам Петр I «пообещал однажды награду комедиантам, если они сочинят пьесу без этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоела».⁹ Переводческая деятельность приостановилась, но совсем отставлена не была, а ее результаты повлияли на формирование поэтического языка Петровской да и последующей эпохи.

³ См.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. М., 1977; Робинсон А. Н. Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху Петровских реформ // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVII—XIX вв. М., 1978. С. 176—182; Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—XVIII вв. М., 1981. С. 55—77.

⁴ См.: Нанченко А. М. 1) Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 193—199; 2) О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 125—128.

⁵ См.: Неретц В. Н. 1) Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 206—207; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г. Киев, 1912. С. 5—6.

⁶ Это подробно исследовано в трудах В. Н. Неретца и А. В. Позднеева.

⁷ См.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 1—2 и корректурные оттиски «Примечаний ко 2-му тому»; Ковалевская Е. Г. Интимные диалоги в переводных светских драмах петровского времени (опыт стилистического анализа) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976. С. 119—132.

⁸ Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. Т. 1. С. XL.

⁹ Там же.

Обратившись к европейской драме, переводчики не пропустили хорошо им известной польской литературы и избрали для перевода, вернее очень умелой переделки, поэму Самуэля Твардовского «Дафна, превратившаяся в лавр».

С творчеством С. Твардовского в России на рубеже XVII—XVIII вв. были знакомы хорошо. В украинских и русских поэтиках он считался автором образцовых исторических поэм, «сарматским Вергилием»,¹⁰ и был наряду с Я. Кохановским самым читаемым в России польским поэтом. Почти все его сочинения были представлены в русских библиотеках, а иные из них несколькими экземплярами,¹¹ однако данных о чтении «Дафны» обнаружить не удалось, что еще раз показывает относительность наших сведений о круге чтения, почерпнутых из описей библиотек.

Выбор русского переводчика нельзя не признать удачным. Поэма Твардовского, трижды изданная в XVII—начале XVIII в. (1638, 1661, 1702),¹² справедливо считается одним из шедевров польского барокко. Очевидно, с третьего издания и был сделан перевод. Два его списка, оказавшиеся в одной сборной рукописи,¹³ отражают разные этапы бытования перевода в России и носят даже разные заглавия. В первом списке название почти адекватно оригиналу во 2-м и 3-м изданиях: «Дафнис гонением любовного Аполлона в древо лягровое превращенная», во втором оно основательно переработано и излагает содержание: «Действие о Аполлоне и прекрасной Дафниде, како Аполло победи лютаго змия Питона, потом же и сам побежден явися от малага Купиды. Изъявляющее вкратце преписася в Санкт Питербурхе лета 1715 июня в день».

Оба списка сильно отличаются не только названиями: в первом 984 стиха, во втором на 250 стихов меньше, опущены «аргумент», излагающий содержание всей пьесы (потому-то и расширено заглавие), и все четвертое явление, зато введены краткие «аргументы» к каждому акту. Несмотря на эти отличия, позволяющие говорить о двух редакциях, оба списка восходят к одному переводу, который лучше отражен в списке А. На нижнем обрезе его

¹⁰ См.: *Łużny R. Pisarze kraju Akademii Kijowsko-Mohylańskie a literatura polska*. Kraków, 1966. S. 93—94.

¹¹ См.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 177—178.

¹² См. переиздания: *Twardowski S.* 1) *Dafnis w drzewo bobkowe przemieniela się / Oprac. R. Pollak i S. Saski. Wrocław, 1955;* 2) *Dafnis drzewem bobkowym / Oprac. J. Okoń. Wrocław, 1976.* Современный русский перевод фрагмента поэмы см. в кн.: Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 570—572.

¹³ ГПБ, Q.XIV.10, л. 136—165 об. (далее — А), л. 166—189 об. (далее — Б). Описание рукописи см. в работе: *Николаев С. И.* Поэма С. Твардовского «Dafnis w drzewo bobkowe przemieniela się» в русском переводе начала XVIII в. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1977. № 8. С. 90—91. Снимок с рукописи см. в кн.: Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII веков / Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1906. № 63.

титульного листа (л. 136) читается запись «Димитре Ильинский». Предположение П. П. Пекарского, что это Д. Ильинский, отправленный по окончании курса Славяно-греко-латинской академии в Петербург «в разные мирские чины», вероятно, справедливо,¹⁴ но это не дает оснований атрибутировать ему перевод: в списке читается лишь фамилия (переписчика? владельца?), а сам список не является оригиналом перевода. Пока приходится считать перевод анонимным.

История любви Аполлона к нимфе Дафне, извлеченная из «Метаморфоз» Овидия, в эпоху барокко обошла все европейские литературы и постоянно привлекала живописцев¹⁵ и скульпторов — один из шедевров Д. Бернини посвящен Дафне и Аполлону. Русский читатель знал историю этой трагической любви, в частности, по двум переводам с польского обстоятельно комментированных «Метаморфоз» Овидия, о которых уже шла речь.

Драматическая форма идиллической поэмы Твардовского,¹⁶ ставшая причиной разнобоя в определениях жанра «Дафны»,¹⁷ оказалась подспорьем для переводчика. Прямой «перенос» поэмы в начале XVIII в. был невозможен и заранее обречен на неудачу. Так произошло, кстати, с современным украинским переводом «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского — переводчик оставил работу на половине. Переводчик «Дафны» разрушил двойственность жанра¹⁸ и превратил произведение Твардовского в привычное «действо», хотя такое определение появится только во второй, сокращенной редакции. Решение переводчика будет вполне понятно, если в его истолковании мы будем исходить из того, что тематические доминанты связаны с определенным репертуаром жанров эпохи, а не предполагать ошибку переводчика, введенного в заблуждение театральным камуфляжем и стилизацией Твардовского.

Избранный жанр перевода определил целый ряд других его

¹⁴ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 111. — Д. Ильинский упомянут среди лиц, выпущенных из академии «в прошлых годах», список составлен в ноябре 1727 г. Упоминания о нем см. также в кн.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве... Синода. СПб., 1885. Т. 7. Стб. CLV; 1901. Т. 10. Стб. 1313.

¹⁵ Pigler A. Barockthemen: Eine Auswahl von Verzeichnissen zur Ikonografie des 17. und 18. Jahrhunderts. Bucarest, 1956. Bd 1. S. 27—29.

¹⁶ Для удобства изложения в дальнейшем под «Дафной» будет пониматься поэма Твардовского, под «Дафнис» — русский перевод. Польский оригинал далее цитируется по изданию 1976 г. (см. примеч. 12), с указанием в тексте страницы или сцены и строфы, русский перевод — по спискам ГПБ с указанием листов.

¹⁷ Ср.: «драматическая идиллия» (И. Хшановский), «мифологическая идиллия» (Ю. Кшижановский), «поэма» (Ч. Хэрнас), «диалогизированная эпическая идиллия» (Я. Оконь) — Chrzanowski I. Historia literatury niepodległej Polski. Warszawa, 1908. S. 296; Krzyżanowski J. Historia literatury polskiej. Warszawa, 1974. S. 344; Hernas C. Barok. Warszawa, 1976. S. 309; Okoń J. Wstęp // Twardowski S. Dafnis drzewem bobkowym. S. LXVIII.

¹⁸ См.: Okoń J. «Dafnis» i «Paskwaliwa»: Z problemów epiki romansowej S. Twardowskiego // Ruch literacki. 1975. № 5. S. 306—309.

черт. Поэма Твардовского написана октавами (стих одиннадцати-сложный), перевод же выполнен 11- и 13-сложником со смежной рифмовкой, так как это был наиболее распространенный размер драмы.¹⁹ Кроме того, переводчик убрал некоторые побочные мотивы, сосредоточившись на двух главных: борьбе Аполлона с Питоном и любви Аполлона к Дафне. Все собственно идиллические элементы²⁰ сведены до минимума, если пастухи и поют, то только прославляя победу Аполлона над Питоном. В результате текст сравнительно с оригиналом, в котором 2422 стиха, сократился более чем в два раза. И в «Дафнис» встречаются все приемы обращения с поэтическим текстом, отмеченные ранее на других памятниках: перевод точный и выборочный, пересказ, контаминации разных фрагментов оригинала, есть и значительные отрывки, сочиненные уже самим переводчиком.

Пожалуй, единственное место во всем переводе, где переводчик решил полностью передать содержание и октаву перевести восемью стихами, это обращение Пенея к Дафне:

Chwałę żarliwość i umysł ten w tobie,
Pociecho piękna ojcowskiego łona,
Jednak i z drugiej strony myślę sobie:
Nie ten li cię to, co zabił Pytona,
Goni Apollo w pasterza osobie,
Starowiecznego syn Hyperyjona,
Jako żem świeże zasłyszał w tym czasie,
Że tu gdzieś owce Admetowe pasie?
(s. 153)

Восхваляю честь твою и умысл правдивый,
Утеха прекрасная, и стан твой стыдливый.
Однако размышляю: кто тя постигает?
Не Аполл ли славный, что всех превышает?
Он есть старовечного сына Гиперикона,
Той разом силнейшаго застрелил Питона,
А я слышал про него зде на земли суща
И овцы адметовы на поле пасуща.
(л. 160 об.)

В пяти местах перевода октава оригинала передана шестистишием, чаще с пропуском 5 и 7 стихов оригинала, например:

Co czynisz, serce, że się nie wydzierasz
I zbiega swego nie poimasz śmiele?
Tac to jest Dafnis, dla której umierasz
I trawisz nocy niespanych tak wiele.
Czemuś w opale, czemu nie nacierasz?
Oto masz w ręku swych nieprzyjaciele,
Masz obłów wdzięczny, który gdzie uronisz,
Rączym go potom Pegazem nie dogonisz.
(s. 127—128)

¹⁹ См. рекомендации Феофана Прокоповича: *Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1961. С. 437.* Позднее, в 1732 г., это же советовал и Феофилакт Кветницкий, см.: *Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 553.*

²⁰ См.: *Backvis C. Kilka uwag o pierwiastku sielankowym w «Dafnis Samuela Twardowskiego // Backvis C. Szkice o kulturze staropolskiej. Warszawa, 1975. S. 229—252.*

Что мыслиши, бедное сердце мое, ныне?
Почто не поймаеш бегца наедине?
Сия Дафнис, для ней же всегда умираеш,
С горестию день и ноць зле препровождаеш.
Се имаш в руках твоих, аще ю урониш,
Уже потом с Пегазом быстрым не догониш.

(л. 158—158 об.)

В основном же переводчик брал за основу первые стихи октавы или 7 и 8, значительно сокращая таким образом многооктавные диалоги и монологи и связывая точные переводы пересказом. При этом, конечно, отдельные строки могли переставляться самым неожиданным образом. Например, первые стихи октавы переведены в порядке 1—3—2—4:

Cóż, gdy nie torem ślachetniej Europy,
Ani przez morze wielkie ubiegała,
Ale przez ostrej pustynię Rodopy,
Kedy Absyrtę na sztuki zsiekała.

(с. 42)

Что же славнее велия Европы?
В пустыню бежа, острая Родопы.
Не по велику морю убегала,
Егда на части Абсирта скекала.

(л. 141 об.)

В другом случае рядом поставлены стихи даже не из разных строф, а из разных сцен (XII и XIV):

Co wiatrom słowa i głuchym tym cieniom
Dajesz

W ciężkości serca, które już omdlewa
(с. 147, 160)

Что ветром ты слова лиши напрасно?
Унее жити с зверми ежечасно.
В тяжкости сердца ибо воздыхаю,
Доколе сея злости пострадаю?

(л. 162 об.)

Но этот последний пример — исключение, в основном перевод следует за порядком оригинала.

Античную мифологию переводчик изучал явно не по Твардовскому и потому исправлял «стоглавого Аргуса» Твардовского на «стоглазого»: «stogłowy Argus» (с. 79) — «Аргусе стоокий», (л. 148), а к простому «Юпитеру» прибавлял верные эпитеты: «Jupiter» (с. 169) — «О благий Юпитеру, носимый орлами» (л. 164). Но профессиональная подготовка переводчика сказалась не только в этом. Барочная поэма на мифологический сюжет заведомо должна изобиловать античными реалиями, и действительно, «Дафна» Твардовского просто перенасыщена античными именами, географическими названиями, отсылками к мифологии и пр. Все это

богатство прочно вошло в русский культурный обиход позднее, и собственный русский античный культурный фонд как раз и создавался в Петровскую эпоху. По этой причине переводчик, вероятно, во избежание недоразумений и непонимания, много таких отсылок просто не включил в перевод, хотя не усомнился написать текст для только упоминаемой в оригинале Дианы и даже ввел новое действующее лицо — Меркурия: «Меркурий» (*A*); «Гермий» (*B*), — которому Пеней повелел охранять Дафну на охоте.

К сожалению, имя этого несомненно одаренного литератора неизвестно. Можно только предполагать, исходя из самых общих соображений (склонность к хорею и гомеровским сложным эпитетам, начитанность в античной литературе, пристрастие к межстиховым переносам и инверсированному строю стиха), что он учился в Славяно-греко-латинской академии. Неизвестно и время создания «Дафнис». Один из двух списков пьесы (*B*) датирован 1715 г. В нем представлена сокращенная редакция, показательно и непонимание некоторых античных имён и реалий. Следовательно, перевод был сделан до 1715 г. Нижней границей можно считать 1702 год, год выхода в свет третьего издания поэмы (представляется маловероятным и чтение этой книги в России, и тем более ее перевод до начала XVIII в.). Оба списка связаны с новой столицей государства: список *B* сделан там, а Д. Ильинский (даже если мы будем считать его просто переписчиком или владельцем списка *A*) по окончании московской академии был направлен в Петербург. Некоторые основания позволяют датировать перевод началом 1710-х гг.

С. В. Калачева, бегло упомянувшая «Дафнис» в комментарии к «Комедии о графе Фарсоне», безусловно считала ее одной из пьес, подготавливавших общественное мнение к церковному браку Петра I и Екатерины I, который состоялся в 1712 г.²¹ К сожалению, исследовательница никак не аргументировала это утверждение, но само оно заслуживает внимания, хотя ради осторожности стоит перевести его в разряд предположений. В пользу такого предположения можно высказать некоторые соображения, памятую все же о том, что слишком прямая «привязка» драматической коллизии к реальным лицам и событиям может привести и уже приводила к ошибочным выводам.

В европейских литературах (немецкой, польской и т. д.) театральные обработки этого сюжета обычно приурочивались к свадебным торжествам.²² И Петр I и Екатерина I удовлетворяют также главным характеристикам героев: это и героический подвиг — убийство Питона (победа над Карлом XII в Полтавском сражении), и незнатное происхождение Екатерины I. В переводе, кстати, Пеней просто склоняет Дафну к брачному союзу с богом:

²¹ См.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 666.

²² См.: *Okon J. Wstęp // Twardowski S. Dafnis drzewem bobkowym. S. XXVI—XXVII.*

В таковое племя всяк рад бы был входити,
Не токмо свойственником, но рабом служити.
Он, приявши за жену, имать тя почитти,
Дом и пришлых у тебе в веки посвятити.

(л. 161)

Параллель Аполлон—Петр I напрашивается еще и потому, что в переводе сохранено прославление пастухами победы Аполлона и оно даже развито переводчиком, который прибавил несколько «пений», своей стилистикой очень сходных с панегирическими песнями полтавского цикла.²³

Анонимный переводчик был мастером своего дела, незаурядным литератором и стихотворцем.²⁴ К «Дафнис» трудно предъявить претензии, обычно предъявляемые к переводной драматургии начала XVIII в.²⁵ В большом по объему памятнике с трудом можно найти несколько явных полонизмов, например: «с зеленым болем» (л. 139). Строгая композиция, умелое чередование 11-и 13-сложных стихов с «пениями», написанными то сапфическими строфами, то разносложными стихами, наконец, ясный язык изложения, так выгодно отличающий «Дафнис» от других переводных пьес, — все это позволяет считать «Дафнис» одним из лучших переводов петровского времени. Последнее подтверждается не столько общими соображениями, сколько литературной историей памятника, а отчасти и его судьбой в историографии.

Два списка «Дафнис» являются единственным источником сведений о переводе. Неизвестно даже, ставилась ли когда-нибудь пьеса. Но в нашем распоряжении есть еще один метод — изучение отражения этого памятника, если таковое было, в других произведениях. Этот метод обычен при изучении древнерусской литературы и вполне приемлем для драматургии первой половины XVIII в.²⁶

Самый благодарный материал дает «История о царе Давиде и царе Соломоне», написанная в 1720-х гг. В ней удалось выявить 20 заимствований из «Дафнис», которые можно разделить на две равные группы. Первую группу составляют прямые цитаты

²³ Ср.: Позднеев А. В. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 348—352.

²⁴ Стих «Дафнис» настолько необычен для своего времени, что даже дал повод П. Н. Беркову усомниться в дате списка Б (1715 г.) и отнести пьесу к более позднему времени, см.: История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. Литература X—XVII вв. С. 683. Подробную характеристику стиха см. в работах: Гаспаров М. Л. 1) Русский силлабический тринадцатисложник // Metryka słowiańska. Wrocław, 1971. S. 39—64; 2) Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 42.

²⁵ См.: Ковалевская Е. Г. Интимные диалоги в переводных светских драмах петровского времени. С. 122—123.

²⁶ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. Л., 1983. С. 263—276.

или заимствования с изменениями, не меняющими их сути. Приведем характерные для этой группы примеры:²⁷

«История»

- 1) (№ 14. Речь Давыда)

Токмо желаю твое белое лицо
Держать на ложне моей почившей сице;
На очи пресветлые непрестанно зretи,
Руку драгоценную все подержа имети.²⁸

(с. 111)

«Дафнис»

Аполло

О! чтобы достоил я ей белое лицо
Держать на лоне моем, почившую сице,
Очи пресветлейшая непрестанно зretи,
Руку драгоценную подержавше смети.

(л. 158)

- 2) (№ 40. Речь Давыда царя)

Ныне вижу очеса угодны,
Не токмо чаю и свет сей свободны.

(с. 120)

Фосфорос

Тогда ли видиш очеса угодны?
Не тако, чаю, и свет сей свободный.

(л. 138)

- 3) (№ 6. Речь царя Давыда)

Прошу, госпоже, приблизитися
Зде ко мне безопасно,
Дажь ми светлое лицо свое соглядати
И любезного твоего имяни познати.

(с. 110)

Аполло

Молю, госпоже, молю благощасно:
Приближися зде ко мне неопасно,
Дажь ми твое светлое лицо соглядати,
Любезнаго твоего имене познати.

(л. 156)

- 4) (№ 8. Рече царь Давыд)

Ныне бо, аще до сердца моего
Крышталы ясны зrenия твоего
Возмогла впустити, что ты узрела,
Кая ми болезнь в персех возболела.

(с. 110)

²⁷ «Дафнис» цитируется по списку А, при необходимости в примечаниях даем чтения Б. «Комедия об Индрине и Меленде» цитируется по кн.: Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 499—543. Остальные произведения по кн.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. Страницы указаны в тексте.

²⁸ В рукописи: смести.

А полло

О! аще бы я до сердца моего
Кришталы ясны зрения твоего
Возмогл впустити, чтобы ты узрела,
Какая²⁹ мне ревность в персех возгорела.

(л. 159)

Вторую группу составляют заимствования, в которых автору «Истории» приходилось изменять реалии «Дафнис» (мифологические или сюжетные) на соответствующие библейскому сюжету драмы. Вот характерные примеры (курсив наш. — C. H.):

«История»

1)

(№ 52. Речь Адания)

Как могут *скипетры* так быть приятны,
Тебе подобают дары благодатны.

(с. 124)

«Дафнис»

А полло

Кия могут быть *нарды* так приятны?
Кому подобны дары благодатны?

(л. 147)

2)

(№ 102. Речь Саламона)

Кую надежду имел, *Авиафаре*?
Уподобите *Аданию царе*!

(с. 136)

Купидо

Кую надежду мыслил, *Аполлоне*,
Уподобити мене при *Питоне*?

(л. 151)

3)

(№ 95. Речь Иавания)

Вижду, еже не могу мягкими словами
Приклонити тя всякими делами,
То уже иным путем пойду я с тобою:
Умершилен будеши, конечно, ты мною.

(с. 134)

А полло

Вижду, еже не могу мягкими словами
Приклонити тя к себе всякими дарами,
То уже иным путем пойду я с тобою
И склоненна будеши, конечно, ты мною.

(л. 163)

4)

(№ 74. Царь Саламон рече)

Како *Адания* мною посмеялся,
Яко победитель чести моейстался.

(с. 129)

²⁹ Кая — Б.

Куридо

Како ныне Аполло мною посмевался,³⁰
Еже³¹ победителем над тем змиемстался.
(л. 150 об.)

Как видно из приведенных примеров, зависимость «Истории» от текста «Дафнис» несомненна. Одним из аргументов, подтверждающих это, является следующий пример:

«История»

(№ 94. Речь Иоавва)

Что ветром ты лиешь слово напрасно?
Умею здесь умерти ми нестрасно.
Втягенно сердцем к богу воздыхаю,
За грехи же свое во храме сем страдаю.

(с. 134)

«Дафнис»

Дафнис

Что ветром ты слова лиешь напрасно?
Унее жити с зверми ежечасно.
В тяжкости сердца ибо воздыхаю,
Доколе сея злости пострадаю?

(л. 162 об.)

В «Дафнис» это — контаминация стихов из разных сцен польского оригинала, как было отмечено ранее. Маловероятно, что такая контаминация могла возникнуть независимо от текста перевода.

В работе автора «Истории» с текстом «Дафнис» (автор, несомненно, имел его перед глазами) не видно определенной системы. Он переносил дву- и четверостишия из самых разных мест: рядом могли оказаться стихи, расположенные в самом начале и в середине текста «Дафнис», иногда соседние стихи переставлены местами. Мало обращалось внимания и на то, кто что произносит. Реплики Аполлона произносят Давид, Адоний, Соломон и Иваний, Фосфора (из пролога) — Давид, Адоний, Нафан и Авиафар, Дафны — Иоав и Соломон, Купидона — Соломон и Давид. Из этого следует, что «Дафнис» служила для автора «Истории» не столько образцом, сколько кладезем поэтических формул, которым он свободно пользовался, не заботясь о том, что библейские Соломон и Давид произносят реплики из диалогов Аполлона и Дафны. Но следов этих «метаморфоз» он не оставлял (см. группу вторую), заменяя «нарды» на «скипетры», а «Аполло» на «Адания». Исключение составляет следующее двустишие:

«История»

(№ 6. Речь царя Давыда)

Кая богиня тако искушает?
Паче Деяны красота сияет.

(с. 110)

³⁰ Посмеялся — Б.

³¹ Яко — Б.

«Дафнис»

Аполло

Кая богиня тако искушает?
Паче Дианы красота сияет.
(л. 156)

Оно оставлено без изменений, а в комментарии к «Истории» отмечено как «единственное обращение к греческой мифологии».³² Природа этого «обращения» теперь ясна, но думается, что это сделано не «по недосмотру». Смешение античных и христианских образов в текстах эпохи барокко хорошо известно. Еще И. П. Еремин на материале поэзии Симеона Полоцкого справедливо показал, что «античные боги и герои у Симеона — просто слова чисто номенклатурного назначения, слова-заменители, условно-поэтические обозначения того или иного понятия».³³

Таким же кладезем поэтических формул «Дафнис» послужила и автору «Комедии об Индрике и Меленде» (20—30-е гг. XVIII в.). Ограничимся лишь двумя характерными примерами (число которых можно увеличить), заметив, что здесь автор переносил целые шестистишия, почти не переделывая их:

1)

«Комедия»

Индрик

Ах, горе! откуду во мне огнь сей бывает?
Паче всех комидов пылает!
По тебе, девица, утеша благая,
Учинилися во мне терзания злая!

(с. 521)

«Дафнис»

Аполло

О горе! Откуду огнь сей во мне бывает?
Паче сицилийских всех коминов палаet!
Твоими утехами, девице благая,
Во мне учинилася рана сия злая.

(л. 157 об.)

2)

Меленда

О горы! вы на мя ныне придите!
Морския волны, молю, потопите!
И вы, леса, мя ныне пощадите,
Лва или волка на мя испустите.
Унее буду оными умерщвлена,
Нежели от тебя, моя радость, буду отлученна.

(с. 516)

Дафнис

Уби мя, древо, горы, придавите!
Водные волны, молю, потопите!
О леса, вы мя ныне пощадите,
Лва или волка на мя испустите.
Унее буду сими умерщвлена,
Нежели воли сего подклоненна.

(л. 159—159 об.)

³² Пьесы столичных и провинциальных театров. С. 615.

³³ Еремин И. П. Литература Древней Руси. М., 1966. С. 225.

Некоторые реплики «Дафнис» были особенно привлекательны. В «Комедии о Есфире царице, в нейже показует о ненависти и о противем» опять встречаем:

Что ты ветрам слово лаеши (так! — С. Н.) напрасно,
Почто в славе и чести жил неопасно?

(с. 288)

Царь обращается к Есфири со словами:

Жено любезнейшая, рцы ми без боязни:
Истинно имам тя в любовной приязни,

(с. 290)

повторяя уговоры Аполлона:

Любезнейшая, буди без боязни,
Я твоей прошу верных приязни

(л. 163)

А Царю вторит Девица 2:

Царица пресветлая, буди без боязни:
мы вемы, царь имать тя в любезней приязни

(с. 278)

Вставки из «Дафнис» иногда вносят неясность в текст драм. Так, Магилена из «Акта или действия о князе Петре Златых Ключей и о прекрасной Магилене Неополитанской» (середина XVIII в.), оказавшись в лесу, неожиданно говорит Старице:

З девицами моими в сем лесу гуляла
и не знаю, как я от оных отсталा.

(с. 347)

Это неожиданно потому, что ни в самом «Акте», ни в «Повести о Петре Златых Ключей»³⁴ никаких «девиц» с Магиленой не было, но они были с Дафной:

Я за еленем семо забежала
И от подружий моих так отстала.

(л. 155 об.)

Эта неточная цитата позволяет считать, что и диалог Венеры и Купидона в «Антипрологе» «Акта» навеян их диалогом из «Дафнис» (явл. 4).

Один раз, и опять довольно неожиданно, появляется Купидон в «Комедии гишпанской о Ипалите и Жулии», похваляясь:

Как древле Апполон мною ругался,
Аз же ему надсмеялся:
К девице Дафниде серце его роспалил,
Ея же от него отвратил.
Сам ту причину сотворил,
Словом секненно стрелою ея застрелил.

(с. 474)

³⁴ См.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964. С. 310.

В имени Дафны («Дафнида», как в переводе), в описке «словом» вместо «с оловом» заметны, по нашему мнению, уже забывающиеся отзвуки «Дафнис» в драматургии первой половины XVIII в.

Иное использование текста «Дафнис» обнаруживается в «Комедии о графе Фарсоне» (1730-е гг.). Здесь использован пролог «Дафнис», что уже было отмечено С. А. Щегловой.³⁵ Замена имен собственных на соответствующие, незначительная переделка — этим и ограничилось приспособление пролога к другой пьесе, причем сделано это настолько механически, что иногда смысл теряется, например, стих: «На златом возе Аполло прекрасный» (л. 138) стал звучать бессмысленно: «На златом возе граф Фарсон прекрасен» (с. 357); двустишие:

Како Аполло, сам солнце высоко,
Не просветил же Дафнидо око
(л. 138)

превратилось в следующее:

Како граф Фарсон сам персоною высокой
Не пролетит же Давидово око.
(с. 357)

Косвенные данные о последующей судьбе «Дафнис» можно извлечь из доношения Кондратия Байкулова от 11 декабря 1749 г. в Главную полицеймейстерскую канцелярию.³⁶ В упомянутом в доношении «Аполлонском арте» среди 26 действующих лиц находим и «персон» «Дафнис»: Купидона, Аполлона, Венеру, Дафну, а также Меркурия и реку Пеней. Две последние «персоны» (в других произведениях они не встречаются) указывают на несомненную связь с «Дафнис»,³⁷ но так как текста не сохранилось, утверждать это категорически мы не можем, хотя продолжение традиции налицо.

Перевод поэмы С. Твардовского, как теперь можно судить, был известен на всем протяжении первой половины XVIII в., и его списки были в обеих столицах; причем он был не просто известен — авторы нескольких пьес охотно обращались к нему, заимствуя целые куски текста. Нефункциональные заимствования или нестилизационные подражания (термин Д. С. Лихачева) приспосабливались к новому содержанию, деформировались,

³⁵ См.: Щеглова С. А. К истории драмы XVIII в. о графе Фарсоне // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 129—130.

³⁶ См.: Забелин И. Е. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 558—564.

³⁷ На эту связь независимо друг от друга указывали В. Д. Кузьмина и П. Н. Берков; см.: Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 297; Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII в. М., 1958. С. 142.

что иногда приводило к стилистическим несообразностям, являвшимся результатом механического переноса отдельных поэтических формул. Представленный материал подтверждает мысль Д. С. Лихачева: «Для нестилизационных подражаний типично, что обычно объектом подражания избирается произведение с яркой стилистической характерностью, произведение своеобразное».³⁸ Можно с уверенностью сказать, что «Дафнис» была образцовым сочинением, если к ней обращались как к кладезю готовых поэтических формул, преимущественно «галантного» содержания. В конечном счете перевод поэмы Твардовского «разошелся в репликах», к середине XVIII в. ставших штампами драматических сочинений. Хотя «Дафнис» была широко известна, сведений о ее постановке нет. Очевидно, несмотря на усилия переводчика и редакторов, «Дафнис» осознавалась скорее как драма для чтения, а не для постановки.³⁹ Характерно и другое. «Дафнис» была переведена в то время, когда в России любовной поэзии было мало. С ходом времени «политес» стал привычной нормой, появилась и своя любовная лирика. И если в этих условиях интерес к «Дафнис» ослабевал, то он не угасал совсем, что мы и пытались показать на ряде памятников.

Но история изучения «Дафнис» была гораздо менее удачлива, чем ее литературная история. Начало ее изучению было положено П. П. Пекарским, опубликовавшим фрагмент перевода и указавшим его польский оригинал — поэму С. Твардовского.⁴⁰ Вскоре пьеса была издана Н. С. Тихонравовым,⁴¹ а полтора десятилетия спустя предварительно проанализирована П. О. Морозовым.⁴² Таким образом, к концу XIX в. наука располагала и изданием и необходимой суммой данных об этом памятнике. Но на этом изучение «Дафнис» и закончилось. Заключения П. О. Морозова с сохранением его неточностей были повторены В. Н. Перетцем и А. В. Багрием.⁴³ После этих работ «Дафнис» как памятник переводной литературы выпала из научного оборота. О ней не писали

³⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 189.

³⁹ Ср. признание В. К. Тредиаковского, который в предисловии к переводу «Евнуха» Теренция писал: «...я мой перевод не для представления сделал, но для чтения» (Модзалевский Л. Б. «Евнук» В. К. Тредиаковского // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 314).

⁴⁰ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 464—467.

⁴¹ Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. Т. 2. С. 440—484. В «Примечаниях» ко второму тому (существует несколько корректурных экземпляров) комментария к «Дафнис» нет, не обнаружили мы его и в архиве ученого (ГБЛ, ф. 298).

⁴² Морозов П. О. 1) Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетия. СПб., 1888. С. 302—305; 2) История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 289—294. — Во всех этих работах есть неточности.

⁴³ См.: Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля в России. СПб., 1907. Вып. 5—8. Г. 35—37; Багрий А. П. Западноевропейские драматические жанры и их отражение в русской драматической литературе // Изв. Азербайджанск. ун-та. 1927. Т. 8—10. С. 9.

и не пишут исследователи польско-русских литературных связей, избегают ее и историки русского театра. В предисловии и в этой главе мы уже привели немногие упоминания о «Дафнис» в современной литературе в связи с историей русской театральной терминологии или стихосложения, причем очевидно, что авторы этих работ не всегда отдавали себе отчет в переведном характере пьесы либо никак это не отмечали.⁴⁴ Это, кстати, своеобразное признание высокого уровня перевода, если он таковым не признается или хотя бы не связывается с иностранным источником. Например, в упомянутой работе Е. Г. Ковалевской, посвященной интимным диалогам в переводной драматургии Петровской эпохи, «Дафнис» даже не называется, а между тем именно эти диалоги Аполлона и Дафны получили признание у авторов школьных пьес.

О высоких литературных достоинствах и своеобразии «Дафнис» свидетельствует и то обстоятельство, что А. С. Елеонская и Л. П. Сидорова, характеризуя метафорическую речь героев «Истории о царе Давиде и царе Соломоне», приводят примеры, которые по большей части заимствованы из «Дафниса».⁴⁵ Аналогично поступила и В. Д. Кузьмина в комментарии к «Комедии гишпанской о Ипалите и Жулии».⁴⁶

Таковы не только жанровые, но и историко-литературные «метаморфозы», которым поэма С. Твардовского подверглась в истории русской литературы.

Вторая поэма, отразившаяся, на наш взгляд, в драматургии Петровского времени, — «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в переводе П. Кохановского (1618). В отличие от «Дафны», она уже хорошо была известна на Украине и в России, а Феофан Прокопович в своих лекциях по поэтике в 1705 г. канонизировал ее, и итальянская поэма в «польском кунтуше» стала классическим образцом героической поэмы.

Судьба «Освобожденного Иерусалима» Тассо — Кохановского на Украине и в России на рубеже XVII—XVIII вв. уже была предметом обстоятельных исследований.⁴⁷ Можно уточнить только один момент, а именно — начало знакомства с поэмой. Обычно его относят к концу XVII в., но произошло это несколько раньше.

⁴⁴ Так, П. Н. Берков писал, что еще «не обнаружено интереса к таким фактам, как возникновение в недрах силлабического стихотворства изысканного жанра пастушеской драмы («Дафнис...»)», см.: *Берков П. Н. История русской комедии XVIII в.* Л., 1977. С. 25.

⁴⁵ См.: *Пьесы столичных и провинциальных театров.* С. 35, 613, 615.

⁴⁶ См.: *Пьесы любительских театров.* С. 796, 797.

⁴⁷ См.: *Перетц В. Н. «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в украинском переводе конца XVII—начала XVIII вв.* // *Перетц В. П. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков.* Л., 1928. С. 168—234; *Горохова Р. М. Торквато Тассо в России XVIII в.: Материалы к истории восприятия // Россия и Запад: Из истории литературных отношений.* Л., 1973. С. 109—120; *Łużny R. «Gofred» Tassa—Kochanowskiego na Rusi w wieku XVII—XVIII // W kregu «Gofreda» i «Orlanda».* Wrocław, 1970. S. 119—130; *Lewin P. Rosyjskie przekłady «Gofreda» w wykładaach poetyki z XVIII w.* // *Slavia Orientalis.* 1969. № 4. S. 383—391.

Так, в «Мессии правдивом» (1669) Иоанникий Галятовский пишет: «Читай Гисторию о Годефриде Буллонеи Гетмане, который з войсками христианскими пришовши до Палестины, выгнал турков з Иерусалиму и войско турецкое погромил, и сам зостал кролем Иерусалимским. На той час з тоей поражки утекал Солиман, сultan турецкий до Египту и в дорозе заснул; до которого пришол еден чаровник, названный Измен, и збудил его, и казал ему всести на воз, в котором были коне быстрыи запряжены, и сам усел з ним на том возе, который воз докола зараз оточил оболок, и обадва през поветре, на том возе оболоком прикрытии, до Иерусалиму полетели, жебы там Солиман сultan обачил и доведался, що ся в Иерусалиме з турками деет и що христиане чинят. Также злый духове, оболоком учинившия, порвали вашего кроля Сабефа себе и прикрыли; гды он вступил в окрут, из очей людских згинул».⁴⁸ На поле напечатано: «Гистория о Годефриде Буллонеи, вершем от Петра Кохановского написана. Песнь 10 о вызволении Иерусалиму, лист 56».

К «Освобожденному Иерусалиму» Иоанникий Галятовский обращался и в других своих книгах, также известных русским читателям.⁴⁹

Есть еще одно произведение, на этот раз русское, связанное с «Освобожденным Иерусалимом». Имеем в виду «Диалог о Гофреде, победившем сарацины». Этот «Диалог», сохранившийся в одном списке середины XVIII в., дважды был опубликован.⁵⁰ П. Н. Берков приурочивал его к возвращению Петра I из персидского похода и датировал концом декабря 1722 г., а возможного автора видел в Федоре Журовском, которому атрибутируются «Слава печальная» и «Слава Российская». Эта атрибуция «Диалога» не была поддержанна О. А. Державиной.

Ни публикаторы «Диалога», ни другие исследователи русской драматургии первой половины XVIII в. не указывают источников этой школьной драмы. О. А. Державина пишет о возможном механическом объединении двух неизвестных нам пьес.⁵¹ В. Н. Петретц, отмечая рукопись пьесы на выставке массовой литературы XVIII в., мимоходом упомянул, что это «пример переделки пове-

⁴⁸ Иоанникий Галятовский. Месия правдивый. Киев, 1669. Л. 72 об.—73. Без последней фразы перепеч. в кн.: Буслаев Ф. И. Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 1153—1154.

⁴⁹ См.: Иоанникий Галятовский. Боги поганские в болванах мешкающих. Чернигов, 1686. Л. 29 об.—30. Изданная им в 1679 г. на польском языке книга «Лебедь с перьями» была переведена на русский язык дважды — в 1683 г. и в начале XVIII в. Авраамием Карамышевым; цитата из поэмы в обоих переводах сохранена, см.: ГПБ, Q.I.244, л. 111—111 об.; БАН, 17.6.18. Л. 49—49 об. Ср.: Schmücker-Breloer M. Zur Rezeption des «Lebed's periem. . .» von Ioannikij Galatovskij // Slavistische Studien zum IX. Intern. Slavistenkongr. in Kiev 1983. Köln; Wien, 1983. S. 465—494.

⁵⁰ См.: Берков П. Н. К истории русского театра 1720-х гг. («Диалог о Гофреде, победившем сарацины») // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т.10. С. 389—407; Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 239—255, 504—506 (комментарий О. А. Державиной).

⁵¹ Пьесы школьных театров Москвы. С. 505.

ствовательного произведения»,⁵² но не указал какого именно. П. Н. Берков писал, что «победа над магометанами персами легко ассоциировалась с победами Готфрида над сарацинами. Самое избрание исторической темы свидетельствует о достаточной культуре автора и о его знакомстве с основными фактами первого крестового похода под руководством Готфрида Бульонского. Ему известно и выступление пустынника Петра Амьенского, который в Диалоге назван Пустелником, и отвлечение крестоносцев от цели похода богатством стран, через которые лежал их путь».⁵³

Источником этих и других сведений послужила автору «Диалога» все та же польская версия «Освобожденного Иерусалима», в которой аналогичным образом имя главного героя вынесено в заглавие.⁵⁴ Петр Амьенский, или Пустынник, в «Диалоге» назван Пустелником, так как только под этим именем он выступает в переводе П. Кохановского, кстати говоря, это полонизм (*Pustelnik*). Точно так же сама форма имени «Гофред» сходна скорее с польской, чем с западноевропейской (ср.: польск. *Gofred*, итал. *Goffredo*, франц. *Godfrroy*).

Поскольку сохранилась лишь незначительная часть пьесы (полтора акта), трудно судить о полной степени и характере использования польского перевода поэмы Тассо. Сокращения же, и значительные, несомненны, так как в поэме всего 15 320 стихов. Автор самостоятельно ввел характерные для школьного театра аллегорические персонажи и пр. Но основные линии и мотивы следуют за поэмой Тассо—Кохановского. Сличение показало, что во 2-й сцене использована II песнь, строфы 21—28, в монологе Пустелника — I песнь, строфы 12, 29—31, в 3-й сцене — монолог Люцифера, IV песнь, строфы 9—17.⁵⁵

Текстуальных совпадений в «Диалоге» и «Освобожденном Иерусалиме» практически нет; ср. самое близкое место:

Powiedz Gofredowi,
Czemu proznuję? czemu tak leniwy?
Niech Jerozalem nieprzyjacielowi
Wydrze, a to ja ehę mi być żywczliwy.⁵⁶

Иди, рци Гофреду, брань да уготовляет,
Орудия на врага вскоре изощряет.⁵⁷

Но при создании панегирической пьесы по мотивам огромной эпической поэмы таких совпадений трудно и ожидать; автора

⁵² *Перетц* В. Н. Выставка массовой русской литературы XVIII в.: Путеводитель. Л., 1934. С. 20.

⁵³ *Берков* П. Н. К истории русского театра 1720-х гг. С. 391—392.

⁵⁴ См.: *Tasso T. Gofred abo Jerozalem wyzwolona*. Przekł. P. Kochanowskiego / Org. R. Pollak. Wrocław, 1951.

⁵⁵ Этот же монолог использовал С. Величко в своей летописи, см.: *Величко* С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1851. Т. 2. С. 401—409. Ср.: *Робинсон* А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 75—77.

⁵⁶ *Tasso T. Gofred abo Jerozalem wyzwolona*. S. 12.

⁵⁷ Пьесы школьных театров Москвы. С. 245.

«Диалога» большие интересовали сюжетные и композиционные возможности изображения «святой брани с неверными»⁵⁸ в духе прославленной эпопеи.

Полонизмов в тексте немного («час» — время, «отрута» — отравлена, «Пустелник» — отшельник, «ланцус» — цепь и некот. др.). Их следует, впрочем, в большей мере отнести не на счет источника, а украинского происхождения автора. Возможно, что им был, по предположению П. Н. Беркова, Ф. Журовский, выпускник Киево-Могилянской академии, где поэма Тассо—Кохановского так высоко ценилась.

Особенно интересна и в жанровом и в стилистическом отношении «Наука разных философов о обиании жены, како младым едини присуждают, друзии женитися отсуждают ради разных причин».⁵⁹ Этот любопытный памятник известен в одном списке самого начала XVIII в. и входит в сборник М. И. Родостамова, уже известный нам по переводам фрашек Яна Кохановского.⁶⁰

«Наука» представляет собой набор афоризмов, сентенций и советов античных философов, одни из которых советуют юноше жениться, а другие столь же усердно и аргументированно уговаривают его избегать брака. Подборка высказываний античных авторов заведомо предполагает какой-то иностранный источник, а нерегулярно встречающиеся рифмы позволяют думать, что это был стихотворный текст, ср.:

Учернився мерзско, точию яст и пиет,
И тако аки безсловесный скот в хлеву тыет.

(л. 120 об.)

Аще бы ей и каменем избил зубы,
Однако ж она не сожмет аbie своей губы.

(л. 121)

Ибо те ея наряды (веруй!) немало принесут убытка,
Хотя бы ему и от велика быти прибытка.

(л. 122)

В первых двух случаях можно предположить транслитерацию польских рифм *rije*—*tuje*, *zębu*—*gębu*. Поскольку *gęba* означает «рот», то наличие этого полонизма в рифме позволяет обратиться в поисках оригинала к польской литературе, хотя в самом тексте «Науки» полонизмов практически нет, а редко встречающиеся слова типа «шнязи», «шкодит» не могут считаться безусловными полонизмами в русском литературном языке конца XVII в.

⁵⁸ Ср. начало «Освобожденного Иерусалима» в переводе с польского Михаила Финицкого (1740): «Az wojdza хвалю и брань святу его» (Цит. по кн.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w.* (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 168).

⁵⁹ ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 107—124 об. (далее ссылки в тексте с указанием листов рукописи).

⁶⁰ Сборник описан в статье: *Николаев С. И. Три фрашки Яна Кохановского в переводе XVII в.* // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 289—301.

Однако в богатой антифеминистскими сочинениями совизжальской литературе XVI—XVII вв.⁶¹ оригинала «Науки» мы не отыщем. «Наука» — это антифеминистская инвектива, построенная как ученый трактат. Она состоит из своеобразного введения («О обиении жены философи вкратце поучают»), очень краткого раздела «Наука или совет философов юношам, дабы женелися» и обширных разделов «Наука или совет философов младым, дабы не женелися», «Описение естества, сиречь природы, великого непостоянства и женска непостоянства против супружником или сожителем», «О вдовцах, вторицею брачящихся, и о вдовах, вторицею посягающих» и «Совет сих философов приличен, учение божественного писания и объявление, откуду рождаются жены». Ученый трактат щедро приправлен столь любезным сердцу древнерусского книжника средневековым мизогинизмом,⁶² и оригинал его, явно противостоящий смеховой эстетике совизжалов,⁶³ следует искать в «высокой» словесности. И действительно, он отыскивается среди произведений уже известного нам Бартосха Папроцкого (см. гл. 3). Это стихотворные «Наставления разных философов о супружестве»,⁶⁴ несколько раз издававшиеся в XVI—XVII вв. (около 1590, 1613, 1649, 1697; были издания и без выходных данных).

Из сопоставления перевода с оригиналом выясняется, что в переводе есть три небольших пропуска: два двустишия в середине текста и семь завершающих все произведение стихов. В известном нам польском издании⁶⁵ двустишия расположены внизу лицевой и оборотной сторон одnego листа, вероятно, издание с таким же расположением текста и было у русского переводчика, но с дефектом — нижняя часть этого листа была оборвана. Что касается заключительных стихов, то они явно были переведены, но следующий лист в рукописи, где они должны читаться, утрачен.

Однако главное отличие заключается, конечно, в том, что 8-стишия оригинала переданы прозой, причем эпиграмматический стиль стихотворных фацций⁶⁶ передан книжным слогом «Беседы отца с сыном о женской злобе». Думается, что как раз «Беседа», все редакции и переделки которой уже появились к началу XVIII в.,⁶⁷ и послужила причиной смены языкового регистра и замены стиха прозой.

⁶¹ Polska satyra mieszczańska: Nowiny sowiierzalskie / Oprac. K. Badecki. Kraków, 1950. S. XV—XXIII, 53—207.

⁶² См.: Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 129—178.

⁶³ См.: Мочалова В. В. Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI—XVII вв. М., 1985. С. 178—182.

⁶⁴ Paprocki B. Nauka rozmaitych filozofów obierania żony. Kraków, (ok. 1590).

⁶⁵ Издание без выходных данных, экземпляр Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника АН УССР.

⁶⁶ Четыре стихотворения перепечатаны в известной антологии польской эпиграммы, составленной Ю. Тувимом, см.: Cztery wieki fraszki polskie / Wybór istęp J. Tuwima. Warszawa, 1957. S. 29—30.

⁶⁷ См.: Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

При чтении компилятивной книжечки Папроцкого⁶⁸ русский книжник, конечно, испытывал радость узнавания, поскольку за античным антуражем «Наставления» скрывались хорошо знакомые мотивы, местами едва не совпадающие с «Беседой». Если в «Беседе» утверждается, что жены привыкли «в зерцало призирати и вапами лица помазовати, и вежда свои возвышати, и черновидно лица воображати»,⁶⁹ то и «Наука» вторит: «мерзкая жена» «учернившаяся мерзко, точию яст и пиет» (л. 120 об.); «пестрин нарядных желая хранит и почернится опасается» (л. 122). «Беседа» утверждает, что в злонравной жене «обрящеши... медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску, аспидну»,⁷⁰ и в «Науке» не менее богатая генеалогия злой жены, которая происходит от «свинии», «лисицы», «злобного пса», «осла», «ласицы», «коня», «обезьяны».

Настраиваясь на высокий слог «Беседы», переводчик избрал и соответствующий стиль, поэтому отец выдает замуж уже не просто «дочь» (*sórká*) или «дщерь» (л. 109 об.), а даже «отроковицу» (л. 112 об.); вдова должна быть не просто «добродетельна», но и «благонарочита» (л. 119); ленивая жена греет зимой у печи уже не *«zadek»*, а почтенные «глядвии» (л. 121). Установкой на тон поучения объясняются и неоднократные случаи перевода одного слова двумя или тремя синонимами, например:

ma cnotę spełna	— имеет разум и человечество (л. 108)
cnota	— добродетель и разум (л. 109)
jako żubr	— яко зубр или лось (л. 110)
myśli twoje	— думы и помышления (л. 112)
ubóstwo	— нищета или скудость (там же)
zła żona	— злая и лукавая жена (там же)
mierzi	— отрицаает, отсеивает или запрещает (л. 112 об.)
w więzieniu	— в пленении и заключении (там же)
kiedy się nachodzi	— когда находится или удоволствуется (л. 113)
szkodzic̄	— препятствует и гораздо досадити (там же)
przeglądał sobie	— избирал если и высматривал (л. 124 об.)
z trzaskiem	— со треснованием и воплем (л. 121)

Иногда одно слово в переводе разрастается в целое предложение:

ubrukawszy	— сама же аки свинья сапит (л. 120 об.)
upstrzywszy	— изпестрил, спречь изнициав жемчугом и камением и различных цветов листами главу (л. 118)

Благодаря переключению языкового регистра и смене стихотворной формы на прозаическую, переводчик счастливо избежал

⁶⁸ См.: *Krejci K. Bartolomej Paprocki z Hlohola paprocké výle. Praha, 1946.* S. 123—125.

⁶⁹ Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». С. 198.

⁷⁰ Там же. С. 201.

полонизмов и, видимо, умышленно не упомянул о том, что «Наука» — перевод с польского, так как обращение «Do Polaka» превратилось в «До жениха».

«Беседа отца с сыном о женской злобе» отнюдь не единственная параллель к «Науке» в русской литературе, те же сюжеты, не говоря об общих мотивах, обнаруживаются и в других памятниках. Известный ответ Сократа о дожде после грома читается в «Фацециях» с любопытным стилистическим отличием. В «Фацециях» Ксантиппа «некогда в злобе своей и помоями его облила»,⁷¹ в «Науке» же стиль выше: «Похитив кадь воды, обли его» (л. 115 об.).

В «Науке» Демокрит говорит юноше, что потому выбрал жену малого роста, «что между злым наименшего увидел» (л. 108 об.). В «Апофтергатах» Б. Будного, несколько раз переведенных с польского на русский в XVII—XVIII вв., этот рассказ вполне соответствует стилю и духу «Науки»: «Того ради, яко со злого избирающи волих паче избрати наменшее злое».⁷² Этот же ответ читается и в переведенном с польского языка «Златом иге супружества», автор которого, впрочем, замечает: «Только не ведаю, хорошо ли выбрал, понеже если в высокой (в великой) мало что доброго, а в ниской, конечно, ничего нет, только одна злоба».⁷³ Как и Папроцкий, автор «Златого ига» вспоминает Сократа, который приравнивал желающих жениться к «вывону в вершке», который обратно вылезти не может (ср. л. 112 об.), но и здесь автор «Златого ига» ехидно замечает: «Хорошо иному советал, а сам однако, дурак, женился, чудного беса — Ксантипу жену поял, от нея же много бед претерпел, что и ослопа хватал».⁷⁴

Между «Наукой» и «Златым игом супружества» есть и другие сюжетные переклички, отчасти совпадают они и по структуре, но не менее заметны и более важны отличия между ними в русском литературном контексте. Для автора «Златого ига» тема «злых жен» звучит анахронизмом, недаром в «Оговорке» он дезавуирует свои нападки на женщин: «Писца сей книжицы намерение — не наступать на чин супружественный и на жен честных порицание класть, понеже тем обоим весь мир цветет, но юношам обоего полу очи отверзать, дабы на свечю, что ожигает, не летели, как камары или мотылечки».⁷⁵ Между тем в мизогинизме автора «Науки», как и в других произведениях его на эту тему,⁷⁶ чересчур много искреннего чувства, которое откровенно прорывается в конце: «Лучши всех лекарств несть на злую, верь ми всякий,

⁷¹ Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 136.

⁷² Małek E. Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego // Studia filologiczne WSP w Bydgoszczy: Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1978. Z. 4. S. 16.

⁷³ Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 334.

⁷⁴ Там же. С. 334—335.

⁷⁵ Там же. С. 337. Ср. с. 310.

⁷⁶ См.: Krejčí K. Bartolomej Paprocki z Hlohola a paprocké výle. S. 118—125.

токмо кий, или палка, когда ю всегда муж окропляет» (л. 124 об.). Таким образом, неизвестный автор «Золотого ига супружества» выдает себя за женоненавистника и только в конце признается в том, что его произведение — шуточная раечея на извечную тему, Папроцкий же, напротив, напрасно пытается показать свою беспристрастность, но под конец срывается и выставляет себя в истинном свете.

В сложившемся к началу XVIII в. достаточно представительном корпусе оригинальных и переводных текстов, трактующих тему «злых жен», трудно усмотреть признаки будущего «политеса». Но в общем процессе секуляризации литературы и культуры метаморфоза женщины из «сосуда скучельного» в «драгоценную казну» совершалась при теснейшем литературном обмене с Польшей.

Рассмотренные переводы первой четверти XVIII в. при хронологическом их расположении — «Наука разных философов о оби-
рании жены», «Дафнис», «Диалог о Гоффреде» — могут навести на мысль о не только постепенном, но даже ускоренном процессе обмирщения литературы, которому сопутствовала и эволюция приемов обращения с оригиналом: от точного перевода к переделке и использованию мотивов. В историко-литературной перспективе эта линия, конечно, оказалась главной, но она была не единственной, и сам процесс обмирщения не был очень гладким.

Памятники, о которых шла речь выше, создавались новым поколением литераторов, которым были чужды как эстетические установки, так и профетизм поэтов XVII в. Попытки Петра I использовать в своей культурной политике представителей старой учености, западников XVII в., полонофилов и латинистов, окончились неудачей. Латинствующие и грекофилы оказались вынужденными союзниками, перед лицом поколения литературных «чиновников», пишущих по заказу.⁷⁷

Однако старое западничество, вылившееся в консервативное полоноильство (теперь оно стало знаком не новой, а старой культурной ориентации), после смерти Петра I оживилось: появились слухи о восстановлении патриаршества, Д. М. Голицын мечтал об «укрощении» императорской власти и т. д. В какой-то мере оживилась и прежняя литературная традиция. В самый решительный и критический год пятилетия после смерти Петра — 1730 — появился еще один перевод из польской литературы, и связан он не с новациями в литературе Петровской эпохи, а тянется к традициям «Пентатеугума» и иных эсхатологических сочинений XVII в.

⁷⁷ Эта проблематика разработана в ряде работ А. М. Панченко, см.: 1) О смене писательского типа в Петровскую эпоху. С. 112—127; 2) Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII вв. // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов, Варшава, август 1973 г. М., 1973. С. 225—238; 3) Два этапа русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 100—106.

Мы имеем в виду «Мировулия Тассалина Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне».⁷⁸ Оригиналом является небольшая книжечка Станислава Хераклиуша Любомирского «Adverbia moralia sive de virtute et fortuna libellus»,⁷⁹ написанная в 1666 г., а первым изданием вышедшая в 1688 г. под именем Миробулия Тассалина (анаграмма: Mirobulius Tassalinus — Lubomirius Stanislaus). Это «последнее выдающееся произведение новолатинской литературы»,⁸⁰ одно «из самых глубоких и самых ценных произведений славянского барокко»⁸¹ пользовалось большим читательским успехом: всего было девять изданий — шесть на латинском и три на польском языке в переводе А. Х. Лапчинского (первое издание 1714 г.). Тринадцать списков русского перевода свидетельствуют и о внимании русских читателей к этому произведению,⁸² как и вообще к творчеству Любомирского.⁸³

«Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне» — это общефилософские рассуждения, щедро приправленные неостоиической философией, в которых разрабатывается излюбленная барокко тема *Vanitas*: «о состоянии человеческом и его слабости», «о временной славе мира сего», человек — «игралище фортуны» — эти и другие оттенки общей темы подвергнуты Любомирским тщательнейшему анализу.⁸⁴

В строгом смысле слова это произведение назвать стихотворным нельзя. «Притчи» написаны в жанре элегиума, который занимает срединное положение между поэзией и прозой, являясь «неметрическим поэтическим произведением».⁸⁵ Этот элегантный

⁷⁸ См.: Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи // СОРЯС. 1908. Т. 34. № 3. С. 26; Численко Н. Д. Латинские притчи С. Х. Любомирского в русском переводе 1730 г. // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980. С. 190—191; Николаев С. И. Элегиум и проповедь: Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского 1730 г. // Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII—начало XIX в.). Л., 1981. С. 205—218; Cyževskij D. Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen. I. Stanisław Heraklius Lubomirski in russischer Übersetzung // Z. für slavische Philologie. 1955. Bd 23. H. 2. S. 256—260; Kroll W. Heraldische Dichtung bei den Slaven. Wiesbaden, 1986. S. 158, 163.

⁷⁹ Buchwald-Pelcowa P. Emblematy w drukach polskich i Polski dotyczących XVI—XVIII w.: Bibliografia. Wrocław, 1981. S. 115—118.

⁸⁰ Hernas C. Barok. Warszawa, 1976. S. 476.

⁸¹ Angyal A. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961. S. 199.

⁸² Обзор редакций и списков см. в настоящей книге: с. 189—194.

⁸³ Это третье его произведение, переведенное в России: в 1677 г. в Польском приказе были переведены фрагменты его панегирика «Польская муз» (см. гл. 2), а в 1720-х гг. «Беседы Артаксеса и Эвандра» (см.: Николаев С. И. Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 118—129).

⁸⁴ См. подробнее о проблематике произведения: Pelc J. Wokół «Adverbiorum moralium» // Stanisław Heraklius Lubomirski: Pisarz—polityk—mecenas / Pr. zbiorowa pod red. W. Roszkowskiej. Wrocław, 1982. S. 123—135.

⁸⁵ Otwinowska B. Elogium — «flos floris, anima et essentia» poetyki siedemnastowiecznego panegiryzmu // Studia z teorii i historii poezji. Wrocław, 1967. S. 172. — Все определения взяты из этой работы.

и в высшей степени элитарный жанр, «цвет и суть элоквенции», хотя и основан на принципах риторической прозы, теоретиками риторики XVII в. относился к «свободной поэзии» (*libera poesis*). Писать элогиумы следовало «на подобие стихов» (*ad instar versus*), при этом стихи должны быть разной длины. Непременное требование к элогиуму — «краткий и острый стиль», обилие риторических фигур и концептов. Большую роль в организации текста играет риторическая пауза.⁸⁶

Какова же судьба «Притч» в России? Будь перевод сделан в конце XVII в., он бы воспринимался как вполне естественное явление в духе традиций русского барокко того времени. Действительно, в поэзии конца XVII в. есть целый ряд произведений спекулятивного характера, зачастую пронизанных эсхатологическими настроениями.⁸⁷ Для них характерно и использование изысканных поэтических форм, таковы, в частности, «Рифмы краесогласии о прелести суетного сего мира и буйстве, како мир другом своим, ихже прелещает вмале, зле ругается вечно», написанные в 1691 или 1692 г.⁸⁸ В подобных размышлениях, из которых читатель «буйство мира, яко вся, яже в нем сущая, суетна, изменна, непостоянна, скоропреходна, паче же и окаянна, удобь познати может»,⁸⁹ конкретный повод, по которому они написаны, прямо не обозначен. Но несмотря на общечеловеческий смысл и «Притч» Любомирского, и «Рифм краесогласных», в эпохи социальных катаклизмов и перемен актуализируется именно связь подобных сочинений с конкретными событиями. Это позволяет нам интерпретировать перевод как отклик на события в России в 1730 г., на восшествие на престол Анны Иоанновны и полное поражение партии кн. Д. М. Голицына, когда колесо Фортуны вращалось с поразительной скоростью, низвергая и сокрушая жизни и судьбы.⁹⁰

Но если между историческими ситуациями, в которых были созданы оригинал и перевод, много общего, то в ином литературном контексте произведение неминуемо должно было подвергнуться трансформациям. В первую очередь это касается жанра, хотя бы потому, что элогиум не принято было писать на национальных языках, он писался на латыни.⁹¹ Однако в русской литературе

⁸⁶ См.: *Pelc J. Wokół «Adverbiorum moralium».* S. 124—125.

⁸⁷ См.: *Suchanek L.* 1) *Poezja żałobna baroku rosyjskiego* // *Zeszyty naukowe Uniw. Jagiellońskiego: Pr. historycznoliterackie.* Kraków, 1975. Z. 33. S. 33—45; 2) *Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku* // *Slavia Orientalis.* 1975. № 1. S. 39—44; 3) *Thanatos i eschatologia: Z obserwacją nad poezją baroku rosyjskiego* // *Rocznik Komisji Historycznoliterackiej.* 1974. T. 12. S. 3—21.

⁸⁸ См.: *Панченко А. М.* Стихотворный отклик на свержение царевны Софии // *Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1974.* М., 1975. С. 83—94.

⁸⁹ Там же. С. 87.

⁹⁰ См.: *Николаев С. И.* Элогиум и проповедь. С. 207—208.

⁹¹ См. в частности элогиумы, написанные Гедеоном Вишневским на латыни и напечатанные в «Книге Система» Дм. Кантемира (1722).

можно отыскать образцы как собственно элогиумов, так и элогиального стиля.

Наиболее отчетливо жанровые признаки элогиума, вернее, одной его разновидности, заметны в эпитафиях Сергию Радонежскому,⁹² М. Я. Строгановой⁹³ и Иоанникою Лихуду.⁹⁴ Если две последних эпитафии, Петра Буслаева и Софрония Лихуда, издавались неоднократно, то эпитафия Сергию Радонежскому в печати неизвестна, хотя это самый ранний и очень яркий образец элогиума в русской литературе. Приводим текст эпитафии по единственному известному списку, указанной рукописи второй половины XVII в.

Гроб, его же зриши, путниче,
Златом, сребром, драгими камении
Гроб никако,
Но столп яко Давидский он.
Тысячи щитов, тысячи мечей,
Тысячи броней, тысячи стрел
Висят из него.
От зде святыня, оттуду трепетство,
Тая своим, сия чуждим,
Обоим же ужас, удивление.
Тому притецут начальници, царие и господие,
Всякий же его отдаст обет верный.
Молящии
Обретают благополучный
В бедах исход.
В плаче —
Сладкое утешение,
В пагубе — спасение,
В брани — победы,
В печалех всех — вся благость.
Хвалился, возносится, воздвигжится
Божественный сей муж
Сергий.
И всякий язык отдаст славу Богу,
Иже дивный, иже хвалился
Во святых своих.
Сей блаженного Сергия гроб,
Смиренно зело тое и устроено место,
Небо его, а не земля содержит.
В нем же яко звезда
Просиявает в севере северная,
Неподвижимая всегда, присно непреложна,
На кую зряще, держащий
Северная кормила царства
Ведет на правыя пути
Государства великаго корабль.
Прием же добрыя из нея крепости,
Обилия исполнится и благополучения,
Аще же левая доидет некогда пакость,

⁹² ГПБ, Q.I.1466, л. 335—336 об.

⁹³ Toporov V. N. Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus: Petr Buslaevs «Umozritel'stvo Dusevnoe» // Slavische Barock-Literatur. II / Hrsg. von R. Lachmann. München, 1983. S. 86.

⁹⁴ Друг просвещения. 1806. № 11. С. 137—140.

Сия от нея приидущая,
Не злая,
К вышнему всегда доброму бывает.
Да озарит ея потом больше свет,
Да лучи ея теплайшия искусится,
Тако солнце скудостию наипаче светит,
Тако облаки наветующия проидущая
Луна
Светы ея пресветло стреляет.
Соблюдитеся, суповати, и накажитесь!
Доселе толкуется смелость,
И главы тому смиряйте ваши.
Вы же, скверная татарская стада,
Будите прочее, абие оскудейте,
Земленый вышних силнейший никто!

Это несомненно поэтическое произведение трудно назвать стихотворением, такие вторичные стиховые признаки как графика, параллелизм синтаксических конструкций позволяют говорить о ритмической прозе. Однако поразительное стилистическое сходство между эпитафиией и «Причами» мало помогает при уяснении жанровой природы последних, элегиальный стиль для эпитафий достаточно обычен,⁹⁵ а вот медитативных элогиумов русская литература XVII—XVIII вв., кажется, не знает.

Двойственная природа оригинала «Прич» — «неметрическое поэтическое произведение» — позволяет обратиться к памятникам древнерусского красноречия в поисках жанровой аналогии, а следовательно, и стиля восприятия, так как в изучаемую эпоху он определяется жанром произведения.⁹⁶ Обращение же к риторике при изучении поэтических произведений рубежа XVII—XVIII вв. вполне обосновано тем, что тогда на поэзию смотрели сквозь призму риторических правил. Несколько позже В. К. Тредиаковский в «Слове о богатом, различном, искусном и несущественном витийстве» (1745) прямо говорил, что поэзия есть не что иное, «как токмо сама элоквенция в другую одежду наряженная».

Почти полной жанровой аналогией для «Прич» является поэтическая гомилия. Этот вид поучения пришел в русскую литературу из византийской и известен в целом ряде образцов XV в.⁹⁷ Сравнение с одним из них, недавно опубликованным по списку начала XV в. поучением «Святаго отца нашего Нила о бесстрастии душа и тела»,⁹⁸ показало полное совпадение жанровых особенностей, как принципов графического оформления и употребления риторических фигур, так и композиции, а также примерного

⁹⁵ Кроме немногочисленных русских текстов, в том числе и новейшего времени, см. примеры из западноевропейской литературы XVI—XVIII вв. в кн.: *Sparrow J. Visible words: A study of inscriptions in and as books and works of art. Cambridge, 1969.*

⁹⁶ См.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 62—67.*

⁹⁷ См.: *Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 123—150.*

⁹⁸ См.: *Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 68—70. Ср. С. 57—62.*

объема. Такое сопоставление позволяет считать, что «Притчи» Любомирского могли восприниматься в русском переводе как род поэтической гомилии, ритмически организованной совещательной проповеди.

Выше было высказано предположение, что этот перевод, будь он сделан в последней четверти XVII в., занял бы в литературной культуре русского барокко вполне определенное место в ряду других медитативных стихотворных и прозаических, переводных и оригинальных произведений, выделяясь разве своими несомненными литературными достоинствами. Иначе мы должны смотреть на перевод, датированный 1730 г. За первые десятилетия века произошел сложный переход русской литературы из древнего периода в новый, и если в литературе конца XVII в. перевод был бы более чем уместен, то в 1730 г. он выглядит анахронизмом, это реликт вкусов и эстетических пристрастий полонофилов XVII в.

Бытование перевода в духовной среде (об этом говорит изучение рукописей и близость к жанрам красноречия) позволяет предположительно очертить тот круг, в котором возник перевод. Неизвестный переводчик был сторонником староцерковной партии, во главе которой некогда стояли Димитрий Ростовский и Стефан Яворский. Налицо признаки этого — творческая независимость, элитарность и эрудиция, даже идея «оправдания делами».

Противостояние «Притч» современным им литературным нормам и вкусам очевидно. Находящейся в расцвете любовной песне (с чего начал Тредиаковский) противопоставляется суровый стоичизм, нарождающейся новой светской поэзии (уже пишет Кантемир) — высокий риторический стиль, литературной и культурной ориентации на страны западной Европы — полонофильство клерикально-консервативного толка. Проявляется это противостояние даже на уровне переводческом. Переводчики 1730-х гг. вырабатывают новую теорию перевода, а переводчик «Притч», воскрешая концепции конца XVII в., старательно переводит подлинник Любомирского стих в стих, слово в слово, соблюдая, конечно, сложившиеся национальные стилистические традиции (например, *coelo* он, разумеется, переводит «бог»). Наконец, «простому русскому слову» новой русской литературы противостоит «глубокословная славенщина» «Притч», эта латынь нашего средневековья.⁹⁹

Мы несколько раз только что процитировали предисловие к «Езде в остров любви» Тредиаковского. Это не случайно, сопоставление этих двух книг символично. Обе были созданы почти одновременно («Притчи» в 1666 г., а роман П. Тальмана в 1663 г.) и одновременно были переведены на русский язык, много лет спустя. Каждое ждало своего часа. Если «Езда в остров любви»

⁹⁹ См.: Панченко А. М. Аввакум как новатор // Рус. лит. 1982. № 4. С. 148.

открывает первую печатную страницу новой переводной поэзии (это было единственное художественное произведение, напечатанное в 1730 г.), то «Притчи» закрывают последнюю и, конечно же, рукописную страницу истории долгого общения с польской поэзией. Это было последнее живое заинтересованное обращение к старопольской поэзии, для которого потребовалось напряжение лучших творческих сил приверженцев старой барочной традиции, не пропавшее, впрочем, даром, что подтверждается неугасающим вниманием к «Притчам» во второй половине XVIII в. в определенной социальной среде.

В дальнейшей истории новой русской литературы интерес к старопольской поэзии будет носить чисто историко-культурный характер.

ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА

Техника перевода

Переводчиков XVII—начала XVIII в. часто обвиняли и продолжают обвинять в неумелой работе, в невнимании к художественной форме, непонимании ее и т. д. Формула «несмотря на очевидные просчеты, работу переводчика можно считать в целом удовлетворительной» является едва ли не высшей похвалой. Подобные оценки страдают односторонностью и потому неверны, в них внимание обращено почти полностью на выявление ошибок и погрешностей, но практически нет попыток объяснения тех причин, которые их породили. А между тем переводы очень высокого качества были, и в доказательство этого мы вынуждены опять сослаться на уже приводившееся *argumentum ex silentio*: если в тексте не указано, что это перевод («Дафнис», «Золотое иго супружества», стихотворения в «Скифской истории»), то он мог восприниматься исследователями как оригинальное русское сочинение. Такой критерий нашей высокой оценки некоторых переводов кажется свободным от какой бы то ни было предвзятости.

Обратимся к одной технической стороне переводов. Чаще всего переводчикам вменялось в вину «рабское» следование оригиналу — пресловутый пословный перевод. Только в самое последнее время отношение к нему изменилось, и уничтожительный оттенок был снят,¹ а после работ С. Матхаузеровой «пословный перевод» вообще не может считаться терминологически верным определением.² В частности, из настоящего исследования видно, что между пословностью «Совета воинского» и «Притч нравоучительных» лежит целая эпоха, а пословность этих переводов обусловлена разными причинами.

Наиболее плодотворными в исторической перспективе оказались приемы перевода, выработанные в Посольском приказе. Этим они обязаны установке адекватность перевода в сочетании с дипло-

¹ См.: Тарковский Р. Б. О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 243—256.

² См.: Matthauserová C. 1) Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 271—284; 2) Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. С. 27—55.

матической верностью подлиннику. Единственное новшество, появившееся к началу XVIII в., это равносложный силлабический стих, сменивший в переводе неравносложную силлабику.

Однако и в Посольском приказе не было единой методы: точные переводы и «сокращения», т. е. краткие стихотворные пересказы, сосуществовали, а не сменяли друг друга. Аналогичную картину можно обнаружить и в первой трети XVIII в. — после вольной переделки-перевода «Дафны» Твардовского два десятилетия спустя появляется почти филологически точный перевод «Притч» Любомирского. Эти колебания в приемах обращения с текстом объясняются жанровыми особенностями и функциональным назначением именно переводов, а не их иноязычных оригиналов. Но сам учет этих факторов стал возможен только в рамках новой теории перевода, синтезировавшей крайне возможности и нашедшей идеальное для своего времени сочетание «разума» и «речения» в переводе.³

Филологические аспекты перевода характеризовались нами при разборе отдельных памятников — это непременный первоначальный этап изучения переводной литературы. В данном разделе мы не будем суммировать всех наблюдений, что заняло бы и слишком много места и не внесло бы нового, а только продемонстрируем работу переводчиков на примере пяти разных переводов одного восьмистишия Овидия, сделанных в 1670—1680-х гг. Это не единственный случай неоднократного перевода одного и того же стихотворного фрагмента, и восьмистишие Овидия избрано для того, чтобы еще раз остановиться на судьбах Овидия в России.⁴

М. Стрыйковский, а за ним и А. Гваньини неоднократно цитируют Овидия, искренне считая его первым славянским поэтом.⁵ Оба историка приводят между прочим и следующий отрывок из «Писем с Понта», в котором автор описывает свою жизнь в изгнании:

W pośrodku nieprzyjaciół mieszkam niebezpieczny,
 Jak by mi był z ojczyzną pokój odjęt wieczny;
Którzy jadem jaszczorcym maż strzały swoje,
 By do śmierci przydali przyczyn tile dwoje.
Tu rycerz zbrojny mury dręczy obleżone,
 Właśnie jak owce w chlewie wilk straszy zamknionych.
Dachy się od strzał jeżą ze wszech stron natknionych,
 Ledwo mocna strzyma gwałt kłótka bram zamknionych.⁶

³ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 50—55.

⁴ См.: Берков П. Н. Овидий в русской литературе XVII—XVIII вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1973. № 14. С. 88—92. — В этом разделе использованы материалы статьи: Николаев С. И. Овидий в русской литературе XVII в. // Рус. лит. 1985. № 1. С. 205—211.

⁵ См.: Mikulski T. U grobu polskiego Owidiusza // Mikulski T. Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964. S. 303—324.

⁶ Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 1. S. 104. — Латинский текст не приводится, так как все переводы сделаны спольского языка. См. современный русский перевод А. Парина в кн.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. С. 88 (ст. 13—22).

Приводим тексты переводов.

Посреди неприятель живу аз, увечный,
Аки ми с отечеством отъят есть мир вечный;
Иже ядам язщерчим мажут стрелы свои,
Дабы к смерти придали вин великих двое.
Зде воин оруженный стены все осадил,
Бутто овец в хлевине волк страшный оградил.
Кровли от стрел ежатся с сторон наперенных
И одва здергит крепость ворот затворенны.⁷

В средине неприятелей живу, небезпечный,
Як бы ми был со отчеством покой отнят вечный;
Которые ядом ящчюрчим мажут стрелы свое,
Абы до смерти придали причин толко двое.
Ту воин збройний стены други облежены,
Власно яко овцы в хлеве волк страши замкнены.
Покровы суть от стрел жмут, от всех стран на^ткненых,
Едва силна удержит тяжесть колотка врат замкненых.⁸

Среди сопостат преbyваю небезстрашно,
Яко отечства лишихся невозврашно;
Нрав их — эмииным ядом стрелы помазати,
Дабы к смерти возмогли две причины дати.
Зде воин обстоит и каменные стены
И яко волк страшит овцы в хлеве замкнены.
Кровы их стрелами отвсюду отягчены,
Едва крепость их стерпят врата заключены.⁹

Польский текст у Гваньини несколько отличается от Стрыйковского. Приводим соответствующие отрывки польской и русской версий «Описания европейской Сарматии».

W pojśrodku nieprzyjaciół i między pogany
Mieszkam, jakbym z ojczyzny wiecznie był wygnany;
Którzy przyczyny śmierci sowite zmyślają,
A strzały swe jaszczurczym jadem napuszczają.
Tu żołnierz konnolotny wojska przepatruje,
Jako wilk głodny krążąc kędy owce czuje.
Łuk w ręku raz napięty z niezłomną cięciwą
Puszcza z siebie raz po raz hart z trucizną żywą;
Ściany zewsząd srogimi strzałami okryte,
Oręża ledwie znoszą kotarhy rozbite.¹⁰

Среде супостат, среде и страхов витаю,
Якобы отчиною мир отнят мне чаю;
Иже смерти язвою вину обретают,
Вся стрелы ехидным ядом налаивают.
Вооружен зде воин воя окружает,
Яко¹¹ волк в кущах своих овца назирает.

⁷ ГПБ, F.IV.131, л. 129 (перевод 1673—1679 гг.).

⁸ БАН, Арх. С, № 136, л. 130 (перевод 1688 г.).

⁹ ГПБ, собр. Погодина, № 1494, л. 348 об. (перевод А. Лызлова из «Скифской истории», 1682 г.). В публикации Н. И. Новикова (*Лызлов А. И. Скифская история. М., 1787. Ч. 2. С. 12*) следующие разночтения: ст. 4 — возмогли к смерти; ст. 7 — отвсюду стрелами; ст. 8 — егда.

¹⁰ Gwagnin A. Kronika Sarmacji Europejskiej. Kraków, 1641. Ks. 8. S. 9.

¹¹ Исправлено, в рукописи: веки.

Отсюду суть стрелами домы уязвлены
И врата от них тяжко стают отворенны.¹²

Посреде неприятеля и меж поганы
Живу,¹³ бутто из отчины вовеки выгнаны.
Которые всегда смерть в двоя розмышляют,
А стрелы свои ящериц ядью напущают.
Тут воин полки уставляя,
Как волк голодной за овцами гоняя.
Стены отовсель стрелами покрыты,
А ружья насили носят каторги розбиты.
Никаторой народ как готы злее быть не возможе,
В стрелах их яд имеет смертное ложе.¹⁴

Сличение всех версий достаточно показательно. Из трех переводов из Хроники Стрыйковского первый и третий выполнены 13-сложником, во втором — колебания от 13 до 16 слогов. В этом фрагменте все рифмы заимствованы из оригинала, тогда как в первом только одна, а Лызлов не заимствовал ни одной. Наиболее точным является первый отрывок: в нем соблюdenы размер и порядок слов в каждом стихе оригинала, между тем для рифм (за одним исключением) подобраны точные соответствия, полонизмов нет. Второй отрывок очень точно копирует оригинал, отсюда полонизмы и неравносложность стиха, рифмующиеся слова практически транслитерированы. Перевод Лызлова по технике схож с первым отрывком, но в нем отчетлива тенденция к стиховой корреляции, без точного повторения порядка слов в оригинале.

В переводах из Хроники Гваньини наблюдается та же картина, хотя здесь нет такой точности, как в предыдущих переводах. В первом отрывке 13-сложник с отклонением в 4-м стихе (12 слогов) и свободная перестановка слов в пределах одного стиха; во втором отрывке большая текстуальная зависимость от оригинала сразу сказалась на стихе (неравносложный, 11–16 слогов) и рифмах, половина которых заимствована из польского текста.

Все переводчики буквально следовали оригиналу, тем не менее совпадающих текстов мы не встретили. Следует подчеркнуть, что стихотворные вкрапления занимают достаточно скромное место в обширных хрониках, поэтому переводы стихотворных цитат в прозаическом тексте отражают не столько теорию поэтического перевода, сколько общие принципы передачи иноязычного текста.

Отрывки в «Скифской истории» Лызлова оказались наиболее плодотворными в исторической перспективе, и в дальнейшем практика стихотворного перевода развивала как раз те принципы соответствий, которые воплотил он.¹⁵ Для конца XVII в. его переводы могут быть названы адекватными, если эта позднейшая кате-

¹² ГПБ, F.IV.130, л. 15.

¹³ Исправлено, в рукописи: живут.

¹⁴ ГПБ, F.IV.180, л. 25.

¹⁵ См. другие отрывки из Овидия в его переводе: Николаев С. И. Овидий в русской литературе XVII в. С. 210.

гория приложима (хотя бы метафорически) к столь отдаленной эпохе. Технику такого перевода можно свести к следующему: сохранение размера подлинника и возможно близкая точность в пределах одного стиха. Такая техника обогащала и оригинальную поэзию, делая привычными переносы (у Симеона Полоцкого их почти нет) и привнося разнообразие в репертуар размеров.¹⁶

Характеризуя технику перевода, мы не подчеркивали одно весьма важное обстоятельство, а именно родственность языков. В конце концов при чтении некоторых переводов, буквально следующих оригиналу, может возникнуть вопрос: да стихи ли это? Ответ будет положительным, потому что для читателей XVII в. это были стихотворные произведения с такими формальными приметами, как графика и особая «поэтическая» пунктуация, т. е. точка в конце первого стиха и точка с запятой в конце двустишия. Нельзя упускать из внимания рифму, которая иногда потому-то и взята из оригинала, что подходящего эквивалента переводчик не нашел, но твердо знал о необходимости концевых созвучий.

Что касается близости строя языков, то только что рассмотренные примеры показали, что эта близость существенна, однако одинаковых переводов мы не встретили. В этой связи уместно привести следующее замечание Р. О. Якобсона, в котором речь идет о стихотворном переводе с греческого языка еще в древнейший период: «Словарная близость обеих версий, разумеется, не может служить доводом против стихотворности перевода. Незамысловатая фраза „the mean dog suddenly died“ дает в дословном русском переводе варианты от четырех до четырнадцати слов: „злой пес вдруг сдох“ и „свирапая собака внезапно околела“; буквальная передача прозаической английской фразы может вылиться в пятистопный ямб с классической цезурой на второй стопе: „свирапый пес внезапно околел“ < . . . > Во всяком случае, игнорировать творческие возможности близко примыкающего к подлиннику и тем не менее художественного перевода было бы так же ошибочно, как отрицать живописное своеобразие древнерусских или южнославянских фресок и икон, внимательно следующих византийским образцам».¹⁷

Во втором разделе этой главы мы попытаемся рассмотреть поэтическое своеобразие русских стихотворных переводов.

Поэтика перевода

Предметом анализа мы избрали одно из стихотворений Веспазиана Коховского из его книги «Небездельное безделье» (1674), которое было переведено в Посольском приказе в 1677 г. Хотя для анализа могло быть избрано любое другое упоминавшееся

¹⁶ Наши выводы, конечно, относятся только к переводам с польского, для переводов с греческого и латыни были другие правила, ср. хотя бы переводы Николая Спафария.

¹⁷ Якобсон Р. Похвала Константина Философа Григорию Богослову // Slavia. Praha, 1970. № 3. S. 361.

произведение, наш выбор, конечно, не случаен и обусловлен несколькими причинами.

«Посмеятельные слова жолнером полским» Коховского — это превосходное стихотворение одного из лучших польских поэтов XVII в. Оно неоднократно перепечатывалось в XIX—XX вв.¹⁸ а недавно был опубликован современный русский перевод.¹⁹ Стихотворение невелико по объему, и мы можем привести его перевод полностью, не останавливаясь на исторических обстоятельствах его возникновения, так как это подробно было изложено во второй главе книги.

Несколько слов о целях и методике исследования. Мы не будем останавливаться на технике перевода, переводоведческие аспекты анализа данного перевода ничего нового в обрисованную в предыдущих главах картину не привнесут. Лингвостилистический анализ также не может дать желаемых результатов, так как создание исторической стилистики русского языка — дело будущего, а стилистические проблемы рубежа XVII—XVIII вв. — область вообще малоизученная. Между тем и оригинал и перевод созданы, по нашему убеждению, в одной стилистической стихии. Общность стиля оригинала и появившегося через три года перевода очевидна, разных стилевых тенденций выявить не удалось, а именно это и могло бы быть отправной точкой для сопоставительно-стилистического исследования.²⁰

Предлагаемый анализ можно назвать функционально-социологическим. Нас будет интересовать поэтика восприятия этого стихотворения, отраженная в переводе. Будет привлечен и литературный (анализ перевода, метафоры, элементы стилистики) и внелитературный материал (быт, нравы и обычаи). Это связано с состоянием источников, необходимых для реконструкции поэтики и стиля восприятия в изучаемый период: мы не располагаем рецензиями, отзывами, воспоминаниями и т. д.²¹

Такое рассмотрение, на наш взгляд, вполне соответствует цели всего исследования.

В «Посмеятельных словах жолнерам полским» В. Коховский высмеивает вояк, превративших стол в поле битвы, а пирожную — в битву, тех вояк, что хващаются за бутылкой былыми победами, позабыв о плачевном состоянии Польши. Приводим текст перевода.

¹⁸ Польский текст см. в кн.: *Poeci polskiego baroku*. Warszawa, 1965. Т. 2. С. 211—212.

¹⁹ См.: Польская поэзия XVII века. Л., 1977. С. 130—131. Перевод Л. М. Цывьяна.

²⁰ См., например: Жирмунский В. М. Стихотворение Гёте и Байрона «Ты знаешь край?..» // Проблемы международных литературных связей. Л., 1962. С. 48—68; Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 97—109.

²¹ См.: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 8—9; *Głowiński M. Świadectwa i style odbioru // Głowiński M. Style odbioru*. Kraków, 1977. S. 116—137.

Гей, не дело, не дело, и нам непристойно,
Братия мои, храбрых ляхов сынове,
В обозе по скляницам налитого вина,
 а в словах война.

Заслан стол — то нам воинское поле,
Осадной город — винной погреб, та крепость велика,
Гетманом Бахус,²² наряду начальник —
 лучшей запивалщик.

Блюда то город пряж'нем утыкал,
Куропатми шанец великой усыпал,
Сахарна башня город очищает,
 все берегает.

Круг него пушки по станочкам стоят,
Бутто из наряду из рюмок загремят.
Пейте заздравну, слов не теряйте!
 Из рюмок стреляйте!

Как в той побудке согреется глава,
Послышиш у вас богатырски слова:
Я не боюся крымца-полетая,
 взял уж Нечая.

Я Карапшъмурзу и Сүфказы громил,
А я Кениксъмарковы²³ швадроны проломил,
А от моей храброй сабли Долгоруки
 изсечен в штуки.

Постойте, братья, тще не погибайте,
От сладких питей вы не отбегайте.
Вино проливая, кровь проливати —
 добро почитати?

Иной цвет крови, а иной у питья,
Иного хрусталь от железа бытъя,
Языку дело — слова метати,
 руке — воевати.

Покинте хвастать, велика причина,
Понеже сами смеются вам вина.
Тот мне богатырь, что молча при столе
 готовится в поле.²⁴

Как видно, здесь практически нет «укоризненных» мест, в которых бы содержалось «бесчестье его царского величества имени и его царского величества Российскому царству»,²⁵ а именно такие стихотворения или их фрагменты и вменялось в обязанность переводить Посольскому приказу. Стихотворение не имеет отношения к проблематике польско-русских отношений XVII в. и вообще не связано с каким-нибудь конкретным событием внутриполитической жизни Речи Посполитой. «Посмеятельные слова жолнером полским» Коховского — далеко не единственная, хотя и одна из самых лучших инвектив в польской поэзии XVII в.

²² В рукописи на поле глосса: винной бог.

²³ В рукописи на поле глосса: генерал свейской.

²⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 390—391.

²⁵ Там же, л. 481. — Единственное исключение — упоминание о кн. Ю. И. Долгоруком, который предводительствовал русскими войсками в 1660 г. Но это — «дела давно минувших дней», с тех пор прошло полтора десятилетия. Вообще победоносные баталии, которыми хващаются у Коховского «запивохские вояки», имели место в 1650—1660-х гг.; см. комментарий А. М. Панченко к этому стихотворению в кн.: Польская поэзия XVII века. С. 195.

Подобные обвинения шляхте появляются уже в конце XVI в., их число резко увеличивается в середине XVII в., когда шведский «потоп» наглядно показал слабость Речи Посполитой, став преддверием ее упадка.

Не случайно и обращение Коховского к топике эпической поэзии, а именно к ядерному образу-архетипу «пир-битва», причем к образу в его перевернутом виде, где отношение между знаком и означаемым нарушено. Уже не битва описывается как пир, а пир как битва. Этот героикомический, сатирический топос проникает в польскую публицистику и сатирическую поэзию в эпоху Возрождения и обычно связан со спором об «истинном шляхетстве». ²⁶ В конце XVI в. появляются и входят в пословицу такие словосочетания, в которых рыцарь наделяется эпитетами пьяницы — производными от слов «рюмка», «бутылка», «винный погреб»: *piwniczni rycerze, kuflowi rycerze, rycerz do butelki, kuflowa wojna* и т. д. В «Подлинном изображении жизни достойного человека» Миколая Рея (1558) встречаются «гусерze piwniczni», у Яна Кохановского в «Песнях» (1584) читаем: «Już ty bądź tym rycerzem, co piwo usieciiesz» («Ты — рыцарь доблестный в единоборстве с пивом»). ²⁷ Еще в XVIII в. И. Красицкий в «Мышеиде» перечисляет польских королей, павших... во время попоек. ²⁸

«Kuflowa wojna», которую по-русски можно приблизительно передать как «застольная баталия», имеет различные оттенки в польской литературе XVII в. Если у Коховского на реализации «пира-битвы» построено обвинение шляхте, то в «Песне в лагере под Жваньцем. 1653» Ян Анджей Морштын, наоборот, как бы призывает к такому пиру: «Bracia, bracia, do koni! Już flaszka na stole! Dopadzsy szklanej bronii, Wypadajmy w pole!» («Эй, братья, на коней! На столе уже вино! Вооружившись бутылками, устремимся на поле битвы!»). ²⁹ У Морштына вывернутая наизнанку эпическая метафора «пир-битва», в которой уже спутаны и оружие, и враг, и место битвы, обнажает и компрометирует отношения в войске, которые породили атмосферу бунта. Еще один вариант перевернутого «пира-битвы» появляется в совизжальской литературе. Складывается такая ситуация, что собственно топос «пир-битва» существует на равных, со своим антиподом — «попойкой-дракой», если не вытесняется последним.

О такой двойственности художественных образов проницательно писал М. М. Бахтин: «Явление раздвоения традиционного (чаще всего народно-праздничного) образа очень распространено во всей мировой литературе <...> Там, где образ прямо или

²⁶ См.: *Słek L. W kręgu Klio i Kalliope*. Wrocław, 1973. S. 157.

²⁷ Кохановский Я. Избранные произведения. М.; Л., 1960. С. 46; Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiovych polskich. Warszawa, 1972. Т. 3. S. 114. Cр.: Tuwim J. Polski słownik pijacki i antologia bachicznia. Warszawa, 1959. S. 93 (rycerz do butelki, rycerz kuflowy), 100 (walka kieliszka, węgierska wojna-spijanie wegrzyna).

²⁸ Красицкий И. Избранные произведения. М., 1951. С. 123.

²⁹ Morsztyn J. A. Utwory zebrane. Warszawa, 1971. S. 205.

Jakoby zgromadziosy lichwy na stole
Dak gđsie na wies na tacy Króle.

PIESN VI.

Przy pełnych zwycięstwa.

Do P. P. Biberonich Bellisarow.

¶ nie rzecz nie rzecz y nam mniej przystot
LECHITOW Synom / Bracia moi
W obozie ze skłu winem slanym hojnie
Dżowie o Woynie.
Placem Wojskowym / nam sed; Wszenalem
Piwnica / gđsie dość munitiey zabbalem /
Bachus Hetmanem / Artyleria /
Rto lepiej pie.

Z misz bellodry / z pasterzem Reduty
Z kopy Europy sanci wielki vitez
Młociparcowej Pallisada wiez

Cukrowa szczyz.

Bolo Stoczy so po sugestach dżiata
B iak na hako armata zagranicza
Pirosa za zdrowie / Pi nie itac slow dżenku
Bila na karino.

Ja to połudko iak zagracia głowy
Dżibuz rojne bobatyrowo most
Mnie nigdy strasna nie jest Ordz zgrecia
Jem wjazd Drogia.

Jam Katarzynka z Gaponowim gromit /
Jam Kingmarta squadronie przelomit
Wd mey maleczney fable Dobhortu?

Kozietek w sztuki.

W3

Jam

косвенно заимствован у фольклора, а применяется к характеристике жизни классовых, ненародных групп, там неизбежно возникает это специфическое внутреннее противоречие образа и его особая напряженность».³⁰

Метаморфоза «пира-битвы» в «попойку-драку», столь часто наблюдаемая в литературе XVII в., не случайна. Обновленная в эпоху барокко тема тщеты жизни (Vanitas) породила контрастную, на первый взгляд взаимоисключающую пару: *memento mori* (помни о смерти) и *sagre diem* (лови мгновение).³¹ Однако они не только сосуществовали, но и были неразрывно связаны. Призыв «лови мгновение» всегда подразумевает «помни о смерти». Поэтому в литературе и искусстве XVII в. популярен не столько

³⁰ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 316.

³¹ См.: Białostocki J. Vanitas: Z dziejów obrazowania idei «marności» i «przemijania» w poezji i sztuce // Białostocki J. Teoria i twórczość: O tradycji i inwencji w teorii sztuki i ikonografii. Poznań, 1961. S. 105—136.

Jam w Golsaciey nieleniwem modem.
 Stanas straumy gosc pod Jevoeryfodem
 Jam pierwzy w skurnie Corwiskim na waty
 Wpadaj, jadwaj.
 Stocie Wracia / Zy choccie mizerne
 Poginac whajcy przy ludym zalerze
 Zy wino leiac ise tew leiec
 Komniec choccie.
 Jazyk kwole mafley / insz folor tranzu
 Koynego krystal z helazem gatunku /
 Jazyk dieldo slowami wotowac /
 Kiel wotowac.
 Zaniechajcies iaz tcy datemny chlaby
 Hod sie y same smiela z was Cenby
 Co mi bohatec co milzat przy stocie
 Chowajcies w pole.

PIESN VII.

Awizy

Do ledney osieroćialey Klejtey.

Wese rozany Tytan w Hesperenkej toni
 Swy Karoc wyprzeglych niewybrodysz toni.
 Dopiero sis Turzenza zacanna przed skoncem
 Weprawiac miala swiatu pojadanym goncom,
 wslawny sis po cosie ids do Olshyny
 Chrac ulmek rowna w dzisiejszej glos prasieny
 Siedz we kru skuchilac co twili za tone.
 Aż on niewiele spiewad pocyna klonony.
 Calki cis przecis mierzial nadobny Panicee
 Wlasny zywt y affekt tway Oblubieniec.

(Co)

сам «пир», сколько «пир во время чумы», так как в эпоху барокко в сарге diem актуализировалось прежде всего гедонистическое значение, что в результате формировало постулат двойной жизни «человека барокко».

Как известно, барокко чрезвычайно ценило метафору, в частности и такую, которая снижала, бытовляла возвышенное и героическое. Поэтому снижается не только «пир», но и «битва». В европейской литературе времен Тридцатилетней войны лучший тому пример — «Симплициссимус» Гриммельсаузена, где пиршства переходят в попойки, вспыхнувшие поединки превращаются в драки, в сторону летит оружие и в ход идут кулаки, зубы и ногти.³² Со стихотворением В. Коховского поразительно схожа «Пирушка» немецкого поэта первой половины XVII в.

³² См.: Гриммельсаузен Г. Я. К. Симплициссимус / Пер. А. А. Морозова. М., 1976. С. 293. Ср.: Михайлова А. В. Вещественное и духовное в стилях немецкой литературы // Типология стилевого развития нового времени. М., 1976. С. 449—452.

Георга Рудольфа Векерлина.³³ Это сходство объясняется, конечно, не генетической связью стихотворений, а общностью топики патриотической поэзии, порожденной почти непрерывными кровопролитными войнами XVII столетия.

Наиболее ярко метаморфоза-компрометация топоса «пир-битва» проявилась в поэзии. В «Небездельном безделье» Коховского, из которого переведен разбираемый нами текст,³⁴ редкое сатирическое стихотворение обходится без этой видоизмененной метафоры (I, 3, 6, 26; III, 22, 28 и др.), тогда как собственно «пир-битва» встречается реже, что, впрочем, естественно, так как это топос эпической поэзии. Типично для Коховского такое восклицание «вояки»: «Do przeciwnej wypal strony! Postrzelonych niemało w oboim szyku Niebezpiecznie od massyku» («Огонь по неприятелю! И здесь и там уже немало пало от вина» — III, 28).

Характерна для эпохи казацких войн и чисто барочная игра слов, основанная на этимологизации фамилии Богдана Хмельницкого. Во время «застольных баталий» поляки бьются с Хмельницким,³⁵ а в поле — с Хмелем: «To kunszt harcować pod wieczór wesoły i Chmielnickiego wojować za stoły» («Вот искусство — вечером развиться и с Хмельницким биться за столом» — I, 3). В поле же «Chmiel dziki <...> zniósł hetmany» («Дикий Хмель <...> опрокинул гетманов» — IV, 10) или «Zawiódł w kłopotu Kozak z swoim Chmielem» («Казак со своим Хмелем задали заботу» — Epodon, 12).³⁶ Таким образом, битва идет не с тем врагом, которого нужно одолеть, происходит подмена, которая приводит к непоправимым потерям.³⁷

Чтобы представить себе восприятие «посмеятельных слов» Коховского в России, нужно учесть разницу и в топике русского и польского искусства, и в обычаях русского и польского общества.

Если героикомическая топика старопольской литературы практически не отличалась от современной ей западноевропейской, то древнерусской литературе она была почти неизвестна. Издавна напиться до пьяна на «пиру-битве» значило быть убитым. Этот эпический топос, всегда связанный с метафорой «смерть-чаша», известен уже автору «Слова о полку Игореве», без него не обход-

³³ См.: Немецкая поэзия XVII века / В пер. Л. Гинзбурга. М., 1976. С. 19—22.

³⁴ Чифры в скобках отсылают к «Небездельному безделью»: римской обозначена книга, арабской — стихотворение; см.: Kochowski W. Pisma wierszem i prozą / Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1859.

³⁵ В лексиконе Петра I эмфемизм «знаться с Ивашкой Хмельницким» означал пьянство.

³⁶ См. еще примеры этимологизации фамилии Хмельницкого: *Перептъ В. Н.* 1) Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII веков. СПб., 1899. Вып. 1—14. С. 25—26; 2) Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 100—102; 3) Заметки и материалы для истории песни в России // ИОРЯС. 1901. Т. 6. № 2. С. 84—86.

³⁷ Ср.: Мочалова В. В. Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI—XVII вв. М., 1985. С. 28—30.

дится практически ни одно описание сражений.³⁸ Что касается «попойки-драки», то она появляется во второй половине XVII в. и встречается очень редко, например в «Службе кабаку»: «Приимет оружие пьянства и ревностию драки, и наложит шлем дурости и приимет щит наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой, поидут стрелы ис полиниц, яко от пружна лука, и каменьем бывает бъем пьяница».³⁹

Вообще же «ненастоящая война» изображалась в русской литературе второй половины XVII—первой половине XVIII в. в стихии «кухонного юмора»,⁴⁰ многовековая традиция которого в новое время освещает многие страницы романов Рабле и Сервантеса.

Такое сниженное, шутовское изображение войны встречаем уже во второй известной пьесе русского театра, «Иудифи» (1673). Когда солдата Сусакима берут в плен и он клянется, что никогда никого не убивал, то на вопрос «Почто же имаши саблю и руже?» отвечает: «Ружем тем аз токмо свиней убивал, а мясо в колбасы секл есмъ, но никогда же им человека прикоснулся».⁴¹ Такое же использование оружия в масляничной игре XVIII в.,⁴² а в скоморошине по записи XVIII в. описывается битва с пирогами и другими яствами.⁴³ В середине XVIII в. выражение «поваренное войско» (т. е. из челяди) означает, что это войско легко разбить, это пародия регулярной армии.⁴⁴

Из атрибутов пира в древнерусской литературе был наиболее развит топос «чаша-смерть», который встречается исключительно в воинских картинах: «Лишь смерть в сражении уподобляется пиру, и следовательно, чаше».⁴⁵ В польской же литературе «чаша

³⁸ О происхождении и истории этого топоса в древнерусской литературе см.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 109—116; Повесть временных лет / Статья и коммент. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 300—301; Krugovoy G. Evolution of a metaphor in old Russian literature // Canadian Slavonic Papers. Ottawa. 1972. Vol. 14. № 1. Р. 57—75.

³⁹ Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977. С. 41—42. — Ср., кстати, поздний отзвук этой метафоры в юношеском стихотворении А. С. Пушкина «Пиরующие студенты» (1814): «Под стол холодных мудрецов, Мы полем овладели» (курсив наш. — С. Н.).

⁴⁰ См.: Curtius E. R. European literature and the Latin Middle Ages. London, 1979. P. 431—435; Хёйзинга И. Осень Средневековья. М., 1988. С. 232—233.

⁴¹ Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 414; ср. скомороший монолог Сусакима перед «казнью» (с. 439).

⁴² См.: Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII в. М., 1958. С. 57; Маловременные владетели, или Блестящая масленица. СПб., 1785.

⁴³ См.: Перетц В. Н. Скомороши вирши по рукописи половины XVIII в. СПб., 1898. С. 17—19.

⁴⁴ См.: Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. М.; Л., 1936. С. 136—137. — О сниженном изображении войны в польской совизжальской литературе см.: Мочалова В. В. Мир наизнанку. С. 38—42, 197.

⁴⁵ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. С. 116.

сия», чаша страдания встречается как в героической, так и в сатирической поэзии.

В XVII в. изменяется и метафора «кровь-вино». Ее высокий символический смысл сменяется обытвлением крови и вина. Это сниженное отождествление отразилось и в литературе и в жизни. В известных «Записках» шляхтича-вояки второй половины XVII в. Яна Пасека нередко встречаются фразы типа «иду туда, где бывают, где вместо сладких вин пьют кровь»; «одно дело разливать сладкие вина, другое — проливать кровь».⁴⁶ Юрий Крижанич проклинал кабаки, «або ся на них ни от рода несть толико вина, колико ся есть для ради них крови пролияло».⁴⁷ Так же поминал «кровавые банкеты» Иван Посошков (1724).⁴⁸ Отождествляет вино и кровь Роскошь в «Диалоге о Гофреде, победившем сарацины» (1722):

Пир Марса, плачь прогоркий, вместо хлеба пуле,
вместо пресладких снедей стрелы дают в туле,
Питие — кровь едина.⁴⁹

Такова была в XVII в. эволюция метафоры «пир-битва» и ее сниженное отражение в сатирической литературе.

Для интерпретации перевода важны также различия в культурной среде, в которой функционировали оригинал и перевод. Оригинал был предназначен для широких шляхетских кругов, перевод — для узкого круга административной верхушки, для царя и его «ближних людей», которым он мог быть зачитан вместе с «вестями-курантами», поступавшими в Посольский приказ. Главное отличие сводится к тому, что у русских и польских читателей были совершенно противоположные представления о «житье-бытье», в том числе и о кутежах.

При русском дворе во времена Алексея Михайловича и Федора Алексеевича кутежей не было. В Польше дело обстояло по-другому, что хорошо известно современному читателю по трилогии Г. Сенкевича, где почти каждая пирушка, особенно солдатская или офицерская, кончается скандалом или, как заметил путешествовавший по Польше в конце XVII в. голландец, «дракой, окровавленными саблями, отрезанными ушами и носами».⁵⁰ Такие драки возникали не только в корчмах, но и на пирах у магнатов,⁵¹ что в России было исключено. Связано это, в частности,

⁴⁶ Pasek J. *Pamiętniki / Wstępem i objaśnieniami opatrz. W. Czapliński*. Wrocław, 1979. S. 216, 226.

⁴⁷ Цит. по кн.: *Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань, 1914.* С. 152.

⁴⁸ *Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие соч. / Ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.* С. 47.

⁴⁹ Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 250.

⁵⁰ Tazbir J. W oczach obyczaj // Tazbir J. *Rzeczpospolita i świat: Studia z dziejów kultury XVII w.* Wrocław, 1971. S. 186.

⁵¹ Łoziński W. *Życie polskie w dawnych wiekach.* Kraków, 1958. S. 212—213.

с тем, что в России пил прежде всего посадский «подлый люд», что было результатом правительственной политики — «питухов бы от кружечных дворов не отгонять». В Польше пила прежде всего шляхта, породившая много «золотых мыслей» типа «qui fallit in vino, fallit in omni» («кто ошибается в вине, ошибается во всем»). Она пустила в оборот и такой «афоризм»: «Chłopska rzecz siła jeść, a siła pić szlachecka» («Мужичью пристало много есть, а много пить — дворянам»).⁵² На практике это выглядело так: в XVII—XVIII вв. на польского крестьянина приходилось в год 3 литра водки, на шляхтича — 20 литров, пива соответственно 100 и 700 литров.⁵³ Шляхта нисколько не стыдилась пьянства, напротив, о шляхтичах, которые выпивали в день по 18 бутылок вина, говорилось с почтением.

В России же для дворянина пьянство было постыдно. Так, 28 января 1698 г. кн. Б. А. Голицын подал жалобу царю на кн. Якова и Григория Долгоруких, которые обозвали его «пьяницей и обещали пьянство из него выбить».⁵⁴ Свидетельства очевидцев, разбор жалобы и решение по ней составили довольно пухлое «дело». Но этот эпизод тем более показателен, что Б. А. Голицын, как известно, вовсе не был трезвенником и в словах князей Долгоруких было много правды.⁵⁵

В определенной мере эти различия относятся и к коронованным osobam. Если король Ян Казимир напивался иногда до такой степени, что приходилось откладывать дипломатические приемы,⁵⁶ то домашняя жизнь его современника царя Алексея Михайловича была умеренной и скромной. «По свидетельству иностранцев, к столу царя Алексея Михайловича подавали всегда самые простые блюда, ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага или легкое пиво с коричным маслом, а иногда одна только коричная вода. Но и этот стол никакого сравнения не имел с теми, которые государь держал во время постов. Великим постом, говорит Коллинс, царь Алексей обедал только три раза в неделю, а именно: в четверток, субботу и воскресенье, в остальные же дни кушал по куску черного хлеба с солью, по соленому грибу или огурцу и пил по стакану полпива. Рыбу он кушал только два раза в Великий пост и соблюдал все семь недель поста <...> Кроме постов он ничего мясного не ел по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдет его в строгости постничества. Можно считать, что он постился восемь месяцев в год, включая шесть недель рождественского поста

⁵² Kuchowicz Z. *Obyczaje staropolskie XVII—XVIII w.* Łódź, 1975. S. 62.

⁵³ Ibid. S. 60.

⁵⁴ Забелин И. Е. *Домашний быт русских царей в XVI и XVII стол.* М., 1895. Ч. 2. С. 346.

⁵⁵ Б. И. Куракин охарактеризовал его кратко и зло: «Пил непрестанно и для того все дела неглижировал» (Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб. 1890. Кн. 1. С. 75; ср. С. 66). См. также отзывы о нем Рейтенфельса (ЧОИДР. 1905. Кн. 3. С. 73—74, 87) и де ла Невилля (Рус. старина. 1891. Т. 71. С. 431).

⁵⁶ Kuchowicz Z. *Obyczaje staropolskie XVII—XVIII w.* S. 67.

и две недели других постов».⁵⁷ Свидетельство иностранца вполне подтверждается и Котошихином: «А в постные дни, в понедельник и в среду и в пяток, и в посты, готовят про царский обиход ествы рыбные и пирожные, с маслом с деревянным и с ореховым и со ляным и с конопляным, а в Великой и в Успенском посты готовятся ествы: капуста сырья и гретая, груди, рыжики соленые сырье и гретые, и ягодные ествы, без масла, кроме благовещения дни — и ест царь в те посты, в неделю, во вторник, в четверг, в субботу, по единожды на день, а пьет квас, а в понедельник и в среду и в пятницу во все посты не ест и не пьет ничего, разве для своих и царицыных, и царевичевых и царевинных именин».⁵⁸

Во время посольских приемов столы были несравненно роскошнее, но и они имели общее с царскими обедами — это был строгий ритуал, этикет, церемониал. Именно эту черту отмечали иностранцы, писавшие о России, тогда как в польских пиршествах иностранцы усматривали прежде всего расточительство. Особенно поражал их «варварский» обычай битья кубков о собственную голову (никто более не достоин пить из этого кубка!), кто же был «послабее на голову» — стрелял по кубку из пистолета.⁵⁹

Отклонения от царских обычаев носили исключительный характер. 21 октября 1674 г. во время «вечернего кушанья в поспешных хоромах» царь пожаловал своего духовника, бояра и думных дьяков «свою государевою милостью: напоил их всех пьяными».⁶⁰ Единство места, действия и времени (гости разъехались за полночь) подчеркивает исключительность события, занесенного в дворцовые разряды.

Барон Мейерберг писал, что «обыкновенный образ жизни москвитян, даже и знатных, никогда не нарушает правил умеренности». Конечно, он видел пьянство, описал его, заметив, что «предел питью полагает одно опьянение, и никто не выходит из столовой, если его не вынесут». Но это не относится к высшей знати, а именно она нас здесь интересует. Так, на пире у А. Л. Ордина-Нащокина пьянства не было.⁶¹ Приведем еще одно свидетельство иностранца, относящееся к 1655 г. Павел Алеппский пишет, что «винные лавки и питейные дома с самого начала поста до Нового воскресенья (Фомина) оставались запечатанными, содержателям их никоим образом не разрешается на Святой неделе открывать свои заведения, ибо в продолжение ее за этим наблюдают гораздо строже, чем во время Великого поста. Равным образом и в течение всего года питейные дома, обыкновенно, остаются закрытыми от кануна воскресенья до утра понедель-

⁵⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. С. 371; ср.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 56.

⁵⁸ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 63—64.

⁵⁹ См.: Kuchowicz Z. Obyczaje staropolskie. S. 93—94.

⁶⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1081.

⁶¹ Путешествие в Москвию барона Августина Мейерберга // ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. 4. С. 35—36, 79—80, 61—62.

ника, так же делается и во время больших праздников. На этой неделе стрельцы рыскали по городу, как огонь, и если где находили пьяного, производящего беспорядок, то тащили его в приказ и засаживали под арест на несколько дней, после нанесения многих ударов; это мы видели сплошь и рядом».⁶²

Нельзя, однако, сказать, что «застольная баталия», описанная Коховским, была совершенно неизвестна москвичам в XVII в. Подобные «баталии» ежедневно проходили в Немецкой слободе, которая вобрала много худшего из того, что было в среде военных Европы после Тридцатилетней войны, так как 70 процентов населения Немецкой слободы составляли «военные люди» — авантюристы, искатели легкого счастья.⁶³ Уже в 1658 г. голландские и гамбургские купцы, имевшие дворы в слободе, жаловались правительству, что им не было житья от воровства, грабежей, чинимых военно-служилым и всяkim пришлым людом.⁶⁴ Не случайно десятским в Немецкой слободе был дан наказ, чтобы иноzemцы «поединков и никакого смертного убийства и драк нечилили».⁶⁵ Иезуит Франциск Эмилиан в 1699 г. доносил, что «большая часть живущих здесь принадлежит к числу таких людей, которые искали здесь спасения, убежали сами или были изгнаны из своих стран за злодеяния, — люди закоренелые в пороках».⁶⁶ С. К. Богоявленский писал, что дневник генерала Патрика Гордона за время его длительного пребывания в Москве (1661—1699) «есть летопись скандалов, попоек, взаимных оскорблений, всего того, чем так богата была общественная жизнь Немецкой слободы».⁶⁷ Об этих нравах говорили почти все иностранцы, бывавшие в Немецкой слободе в XVII в. Вот одна из обычнейших картин. А. Роде описывает, как гости, выйдя после пирушки у датского посланника Ганса Ольделанда, стали задирать русских, началась потасовка и «Вернер Мюллер получил кирпичом удар в лицо и изрядную порцию сухих тумаков, полковник же (Бауман. — С. Н.) оставался у нас, пока не опьянел окончательно, так что, возвращаясь домой, три раза падал с лошади, но он не пострадал, и все обошлось благополучно».⁶⁸ Хотя Немецкая слобода и была вынесена за городскую черту,

⁶² Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 1898. Вып. 3. С. 204.

⁶³ По данным подворной описи 1665 г. (Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода // ИАН. Сер. истории и философии. 1947. Т. 4. № 3. С. 225).

⁶⁴ Там же. С. 226.

⁶⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 175. — Аналогичный указ вышел в январе 1702 г. (Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 184).

⁶⁶ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904. с. 19.

⁶⁷ Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода. С. 226. См. также о нравах Мещанской слободы, где жило много выходцев из Польши и Белоруссии: Богоявленский С. К. Научное наследие: О Москве XVII в. М., 1980. С. 151—164.

⁶⁸ Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г. // Голос минувшего. 1916. № 7/8. С. 384—385.

жители Москвы, как видно, хорошо представляли себе царящие там нравы.

В Посольском приказе были известны и более изощренные и более кровавые пирушки. Одна из них могла бы послужить если не реальным комментарием, то отличным фоном восприятия «посмеяательных слов жолнером полским». 15 января 1675 г. резидент в Польше полковник Василий Тяпкин писал боярину А. С. Матвееву о следующей «проделке» известного политического авантюриста Петра Дорошенко. Последний, приняв послов «его королевского величества с великою учтивостию и собрав несколько тысяч всех своих старшину и казаков, в подданстве учинился и на верное служение со всеми присягнул. А от королевского величества также немалая часть войска прислана была в Чигирин для приему того Дорошенка и казаков, и чтоб ево по присяге запровадить с старшинами и с казаками до королевского величества в Бряцлав и быть при королевском величестве. Тогда Дорош^{ен}ко шест^виу⁶⁹ посолскому и войскам королевского величества, показуючи по себе великую склонность к милости королевского величества и к жолнером полским, учинил пищество в Чигирине великое, и несколко сот бочек меду и прочих всяких напитков велел в полское войско привести и подчывал доволно всячески. Там же и стрелба пушечная и ручная давали огня множественными достатки. <...>⁷⁰ время, что полские жолнери пьяни и во всем на ево верное подданство безопасно прохлаждались и опочивали. Тогда, по согласию, послыша орда стрелбу и з Дорошенком вместе и с казаками его тех послов и полские войска, по него присланые, побили. И поимали, и гнали за ними аж до самого Бряцлавля, где и сам королевское величество, сказывают, с великим страхованьем изволили нехотя уступить».⁷¹

Это донесение В. Тяпкина и «посмеятельные слова» Коховского взаимно дополняют друг друга и, как представляется, позволяют наглядно проследить, каким значительным изменениям подвергался смысловой ореол стихотворения Коховского на русской почве. Оно экзотично и в бытовом и в литературном смысле, а «экзотика предполагает нарочитое противопоставление чужого своему, в ней чуждость чужого подчеркивается, так сказать, смакуется и подробно изображается на фоне подразумеваемого своего, обычного, знакомого».⁷²

Различия в топике с одной стороны и в обычаях, культурном окружении — с другой, нарочитое противопоставление чужого своему привели к тому, что гневная инвектива поэта-патриота превратилась в сатирическое изображение польского (и вообще иноземного) воина — «пана вояки запивохского». Такое пред-

⁶⁹ В рукописи обрыв.

⁷⁰ В рукописи оборвано два слова.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 173, л. 49—50.

⁷² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 251 (подчеркнуто автором).

ставление о поляках и Польше было характерно вовсе не только для России. Так выглядела Польша в глазах Западной Европы, да и в своих собственных.⁷³ Оставляя в стороне многочисленные польские сочинения «об исправлении нравов», обратимся к материалам этой книги. Одновременно со стихотворениями Коховского в Посольском приказе был переведен обширный цикл сатирических стихотворений (см. гл. 2). В одном из них автор горестно констатирует:

Сколько вина в год изойдет всем паном
В Польше и в Литве, шляхте и мещаном?
Где жизнен виноград родит свой рой,
Менши и вся вселенная выпьет; Польша вдвое
Выпьет болши, нежели все народы под небом;
Венгры, италиане болши живут хлебом.
Поляк-брожник как вином горло не промочит,
Тоскует с литвином, лезут изо лба очи.⁷⁴

Содержательные изменения текста на русской почве, обусловленные внетекстовыми факторами, ярко отразились в самом тексте перевода. Подчеркнем еще раз, что стихотворение (кроме одной строфы) переведено полностью, стих в стих, хотя оно не имеет отношения к польско-русской тематике, а такие стихотворения могли по-русски кратко пересказываться. В незначительных, на первый взгляд, отклонениях, отчетливо видны изменения, о которых говорилось выше. Они заметны на протяжении всего текста, но особенно ярки в 4-й строфе:

Koło której (wieży. — C. H.) są po suggestach działa,
A jak na hasło armata zagrzmiała,
Pierwsza za zdrowie, pij, nie trać słów darmo!
Biją na larmo!

Круг него (города. — C. H.) пушки по станочкам стоят,
Бутто из наряду, из рюмок загремят.
Пейте заздравни, слов не теряйте!
Из рюмок стреляйте!

«*Biją na larmo!*» можно понимать двояко. Буквально «тревога!», в переносном смысле — сигнал к тому, что время пить («*na hasło armata zagrzmiała*» — «в ответ на боевой клич гремят пушки»), что опять-таки имеет двойной смысл, так как в Польше был обычай стрелять во время произнесения тостов. Такой же двоякий (но уже в действительности!) смысл имела стрельба и у Дороженка. Казалось бы, стих «Из рюмок стреляйте!» разрушает изощренный концепт Коховского, его двуплановость. Но на самом деле переводчик создает новый, не менее изысканный «вертолетный концепт» (термин В. Тяпкина), снижая, обытовляя топос воинских повестей «чаша-смерть». Пирующих в лагере вояк он вооружает «оружием пьянства», т. е. «ложным», «смеховым» оружием. Этот образ совпадает с традиционным изображением чужеземного врага-насильника:

⁷³ *Tazbir J. W oczach obcych.* S. 170—196.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 503.

Очи у него как чаши,
а голова у него как пивной котел.⁷⁵

Сюда же относится и рифма «началщик — запивалщик», образованная из неологизмов с явным пейоративным оттенком.

«Из рюмок стреляйте!» — это не просто и не только хитроумная игра слов. В то время в Европе, в том числе и в Польше,⁷⁶ для питья крепких напитков использовалась разнообразная «потешная» посуда, в частности были известны рюмки в виде пистолетов. Аналогичная «потешная» посуда привозилась и в Россию. «В приходе судов зеленого и белого стекла» на царском дворе в 1676 г. значатся между прочим «16 кубков долгих потешных, <...> 24 потешных, <...> одна рюмка в сажень».⁷⁷ Из такой рюмки, действительно, можно было «выстрелить».

Таким образом, переводчик не только тонко понял текст подлинника, но, выступая соревнователем автора, создал другой, сатирический, предназначенный для совершенно отличной литературной культуры. Барочная поэтика не чужда переводчику, наоборот, близка ему и понятна.

Своеобразие как проанализированного, так и других стихотворных переводов, выполненных в Посольском приказе в 1677 г., особенно заметно в сравнении с переводом «Великого Зерцала», который был завершен в том же 1677 г. в том же Посольском приказе. Хотя все эти переводы выполнены, скорее всего, одними и теми же переводчиками,⁷⁸ различия между стихотворным и прозаическим переводом разительны. С одной стороны, это переводческая свобода и раскованность, причем язык стихотворного перевода приближен к делопроизводственному, с другой стороны — тяжелый синтаксис церковнославянского языка. Сопоставление двух переводов, вышедших из одной мастерской, невольно приводит на память известные слова В. А. Жуковского: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник».⁷⁹ Для «Великого Зерцала» уже в XVII в. потребовался второй перевод, а «посмеятельные слова», кажется, и до сих пор не утратили своего поэтического и стилистического своеобразия, новаторства, столь свойственного состязательной культуре. Перевод был выполнен по служебному долгу, но рожден под влиянием свободного творческого импульса. Так еще без всякой теории, но на практике рождалось искусство поэтического перевода.

⁷⁵ Русская демократическая сатира XVII в. С. 117. — Представляется, что топика изображения врага-насильника в русской литературе и фольклоре имеет общенациональный характер; ср. портрет Лукопера в Повести о Бове королевиче («Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 524).

⁷⁶ Kischowicz Z. Obyczaje staropolskie. S. 93.

⁷⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. С. 547 (курсив автора).

⁷⁸ «Великое Зерцало» переводили пять переводчиков, и других переводчиков с польского в те годы в Посольском приказе, кажется, не было.

⁷⁹ Интерпретацию этой фразы см. в кн.: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. С. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из изложенной истории польской поэзии в России за 80 лет явствует, что в переходный период русской литературы еще молодая силлабическая поэзия щедро черпала из польской поэзии эпохи Возрождения и барокко. За это время сформировались и те принципы перевода, которые будут развиты и примут законченную форму в XVIII в.

К польской поэзии обращались сторонники разных культурных ориентаций и обращались с разными целями, всякий раз находя необходимые тексты, темы, мотивы. При этом русская поэзия была не только прилежной ученицей, но становилась постепенно достойным партнером польской музы.

В дальнейшем развитии русской литературы с 1730-х гг. изменилось отношение к польской литературе вообще и к поэзии в частности. Вот как оценил А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» реформу русского стиха: «Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье».¹ Это была общепринятая точка зрения. Пожалуй, только для польско-латинской поэзии было сделано исключение. Сарбевский, как уже отмечалось в первой главе книги, числится в «Камерном каталоге» Библиотеки Академии наук 1742 г., а десять лет спустя его отличил Тредиаковский во второй редакции «Способа». В 1751 г. в предисловии к «Аргениде» Тредиаковский вступился за латиноязычных польских писателей («Коя больше порочится латина, как польская?») и среди других назвал Сарбевского: «Но Сарбиевий в одах — после Горация чтоб мог где другой сыскаться, едва ль есть надежда».² Он же в 1755 г. писал в статье «Ответ на письмо о сафической и горацианской строфах»: «Мог бы я вам (А. П. Сумарокову. — С. Н.) подтвердить состав сафических моих стихов, сверх Горация, и Сарбиевим, польским латинским пиитою, коего никто лучше поныне, по рассуждению искусствых людей, не писал сафических стихов, да и едва ли есть надежда, чтоб и впредь мог кто лучше его в том быть. Но мчю, что он вам не знаком».³ Тредиаковский, несомненно, прав в одном: польская поэзия как на латинском, так и на польском языках становится достоянием немногих «искусственных людей», более того, она превращается в знак принадлежности к определенному типу культуры.

Значит ли это, что польской поэзии во второй половине XVIII в. не знали в России? Разумеется, нет. Ее внимательно читали, изучали и даже переводили в духовных училищах, разбросанных по всей России. Если в XVII—первой трети XVIII в. знатоками

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 352.

² Барклай Д. Аргенида. СПб., 1751. Т. 1. С. СП.

³ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб.. 1873. Т. 2. С. 252.

и ценителями польской поэзии были высшие иерархи церкви и культурная элита, то во второй половине XVIII в. низшее духовенство, еще помнящее киевских учителей полонофильской ориентации — вот основная группа читателей Яна Кохановского и М. К. Сарбевского, постигавшая на их сочинениях азы поэтики. Современных польских поэтов в семинарии не знали.

Но было бы неверно ограничиваться только духовенством. Есть все основания полагать, что по крайней мере одна польская поэма XVII в. заинтересовала Н. И. Новикова. В «Описи имению Новикова», составленной 14 июня 1795 г. среди книг «разного звания» особое место занимали незаконченные новиковские издания, которые переходили «к покупщикам с правом допечатания».⁴ Покупателям предлагалось между прочим описание «важнейшего посольства князя Збаяжского к турецкому султану в 1621 году».⁵ Изздание не сохранилось и, возможно, допечатано не было, однако по названию в нем угадывается перевод поэмы С. Твардовского «Przeważna legacja księcia Krzysztofa Zbaraskiego do sułtana Mustafy w 1621», вышедшей первым изданием в Кракове в 1633 г., а затем перепечатанной в 1639 и 1706 гг. Твардовский вообще был одним из самых читаемых польских поэтов в России, а названная книга была в библиотеке Феофилакта Лопатинского, поэтому неудивительно, что она могла попасть в руки Новикова. Однако с уверенностью можно сказать, что русского книгоиздателя привлекли не поэтические ее достоинства, а содержание — издание перевода было бы одним из многих во второй половине XVIII в., посвященных турецкой тематике (ср. изданную Новиковым «Скифскую историю» А. И. Лызлова). Такое предположение вполне правомерно, так как в это время в печати появился ряд сочинений по этой теме, в том числе и переведенных с польского еще в XVII в. («Повесть об астрологе Мустаэддине»). Напомним, что к поэмам С. Твардовского как к историческому источнику украинские летописцы обращались уже в первой четверти XVIII в.

Этот краткий эпизод из книгоиздательской деятельности Новикова показывает, что и в конце XVIII в. польскую поэзию знали не понаслышке читатели разной культурной ориентации.

К концу XVIII в. изменяется отношение к творениям польской музы и у преподавателей духовных училищ, здесь тоже дают себя знать новые веяния в русской поэзии. В 1799 г. учитель риторики и поэзии в рязанской духовной семинарии Максим Протопопов в сочинении «Опыт поэзии и при нем краткая об оной повесть» почти дословно повторил суждение автора статьи «О стихотворстве» (1762): «Стихотворство польское. Польша хотя и в теплейшем, нежели Дания, лежит климате (перед этим шла речь о датской поэзии. — С. Н.), много имеет умов, которые любят и при-

⁴ Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 151.

⁵ Там же. С. 169.

лежат к наукам, но в стихотворстве польском не видно, кто б себя из оных не (так! — С. Н.) отличил. Может быть, язык сего народа не способен к поэзии».⁶

Этим заканчивается история польской поэтической книги в России в XVIII в. Новое открытие произошло только в начале XIX в., но тогда опыт XVII и XVIII вв. был основательно забыт.

* * *

В первой монографии о польско-русских литературных связях, изданной А. Брюкнером в 1906 г., с присущей автору категоричностью сказано немало нелестных слов в адрес русских переводчиков XVII в., в частности он писал, что «по понятным причинам» среди русских переводов XVII в. мы не найдем имен Шимоновица, Морштынов и других первоклассных поэтов — «их еще не умели ценить».⁷ Суждение это чисто оценочное, поэтому и опровергнуть его невозможно. Между тем оно молчаливо поддерживалось исследователями, часто отказывавшими русским переводчикам в поэтическом чувстве. Кстати говоря, одним из следствий такого отношения является почти полное до недавнего времени невнимание исследователей к рассмотренным в этой книге памятникам. К сожалению, никакие анализы, интерпретации и похвалы в адрес переводов XVII—XVIII вв. не смогут преодолеть заблуждения, которое формулируется следующим образом: «Стихотворный перевод впервые появился в России в XVIII в. Это были стихи в „Езде в остров любви“, за ними можно назвать некоторые переводы А. Кантемира».⁸

Подобные суждения не только стали достоянием общих курсов, но и более специальных работ.⁹ Так эстетическая оценка (речь не может идти о предвзятости) может исказить действительный ход литературного процесса, ведь как бы ни оценивать переводы XVII—начала XVIII в., формально это стихотворения.

Вернемся, однако, к Брюкнеру. Если эстетическая оценка дело субъективное, то он несправедлив кое в чем и фактически. Тех поэтов, которых Брюкнер назвал в приведенном отрывке, частично он сам и вводил в научный оборот, извлекая из рукописей их сочинения. Русские переводчики и не могли знать многих замечательных поэтов XVII в. или отдельных их произведений, так как они были изданы много времени спустя, в XIX и XX вв. Оценивая деятельность русских переводчиков, мы мо-

⁶ БАН, собр. Никольского, № 168, л. 183 об.

⁷ Brückner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów, 1906. S. 53—54.

⁸ Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981. С. 68.

⁹ См.: Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 22—23.

жем исходить только из того репертуара польской поэзии, которым они располагали или могли располагать. Хотя В. Тяпкин познакомился в Варшаве с Яном Анджеем Морштыном, вряд ли он знал, что имеет дело не только с министром финансов, но и с одним из самых замечательных поэтов XVII в. — его стихотворения тогда не были изданы.

Замена одной оценки ее противоположностью будет звучать неубедительно, поэтому прибегнем к сравнению, которое, конечно, доказательством не является, но все же в определенной степени лишено эмоциональности и излишней субъективности.

Практически все рассмотренные переводы соответствуют теориям перевода того времени, а также целям, для которых они выполнялись. Этот факт с трудом поддается оценке. Речь может идти только об индивидуальных способностях того или иного переводчика. В категориях начала XVIII в. перевод мог быть оценен либо как «гораздо плох» (Петр I), либо «преведено добр» (Ф. Поликарпов). Количество соотношение таких переводов в истории литературы — величина переменная, но мы немало найдем «гораздо плохих» переводов и в XIX—XX в., много таких примеров приведено и разобрано в известной книге К. И. Чуковского «Высокое искусство», поэтому «арифметические» историко-литературные параллели желаемых результатов не дадут.

Но у нас есть еще возможность сравнить вкусы и пристрастия читателей и переводчиков XVII в. с современными. Какими переводами располагаем мы сейчас?

До самого недавнего времени старопольская поэзия была почти неизвестна современному читателю. В антологиях 1950—1960-х гг. ей отводилось мало места, а поэзии XVII в. в лучшем случае несколько страниц.¹⁰ Единственным исключением был и есть, конечно, великий польский поэт Ян Кохановский, произведения которого за двадцать лет трижды выходили отдельными изданиями на русском языке.¹¹

В 1970-х гг. в связи с резко возросшим интересом к барокко, вышло несколько сборников отдельных авторов и антологий поэзии европейского барокко. Польской поэзии XVII в. посвящена отдельная книга¹² и небольшой (менее тридцати страниц) раздел соответствующего тома «Библиотеки всемирной литературы».¹³ Составители и переводчики этих антологий выбрали, естественно, наилучшие и лучшие произведения, в их распоряжении были и новейшие издания, созданные на основе кропотливой работы филологов, буквально воскресивших польскую

¹⁰ См.: Поэзия западных и южных славян. Л., 1955; Польская поэзия. М., 1963. Т. 1; Польские фрашки в переводах Н. Лабковского. М., 1964.

¹¹ См.: Кохановский Я. 1) Избр. произведения. М.; Л., 1960; 2) Лирика. М., 1970; 3) Стихотворения. М., 1980. Ср.: Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 390—398.

¹² См.: Польская поэзия XVII века. Л., 1977.

¹³ См.: Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 567—594.

поэзию XVII в.¹⁴ Есть ли совпадения в авторском составе этих антологий с поэтами, переведенными в XVII—начале XVIII в.? Оказывается, есть, и это не единичные случаи: в 1977 г. на русский язык переводятся произведения С. Твардовского, С. Х. Любомирского, Яна Гавиньского, С. Ф. Клёнвица, В. Коховского, В. Потоцкого, М. К. Сарбевского, т. е. тех самых поэтов, которых переводили на русский язык двести-триста лет назад.¹⁵

Но этим совпадения не ограничиваются. Хотя имеющийся материал сравнительно невелик, в указанных сборниках есть несколько произведений, вторично переведенных на русский язык. Это три фразки Я. Кохановского,¹⁶ «Дафна, в лаврово дерево обратившаяся» С. Твардовского,¹⁷ «Победителям в застольных баталиях, панам воякам запивохским» В. Коховского.¹⁸ Совпадения достаточно красноречивые. Кстати говоря, переводам этих произведений, сделанных в XVII и в начале XVIII в., уделено больше всего внимания в настоящей книге.

Беглое сопоставление древнерусских и современных переводов старопольской поэзии только по составу авторов может и должно быть развернуто в широкое историко-сравнительное исследование «Старопольская поэзия в русских переводах XVII—XX вв.», ведь это единственная европейская поэзия, которая существует на русском языке более трех столетий.

Много предстоит сделать и в области песни, которая нами не рассматривалась. В первую очередь надо выявить и издать авторские произведения (сейчас известны только тексты М. Рея, Я. Кохановского и С. Ягодинского), а также идентифицировать насколько возможно польские песни, попавшие в песенники XVII—XVIII вв.

Разумеется, для воссоздания полной картины истории польской поэзии в России необходимо сочетать изучение контактных (генетических) связей с типологическим изучением — генология, тошка, различные типы филиаций и реминисценций, парофразы, подражания и пр.

Для выполнения этих задач необходима большая совместная работа отечественных и польских ученых. Ее результаты могут быть очень плодотворными: начиная с XVII в. отношения между двумя славянскими литературами были оживленными, а с конца XVIII в. и взаимозаинтересованными, потому что из литературы-посредницы польская литература становилась для русской равноправным партнером в литературном общении, освященном для нас именами Пушкина и Мицкевича.

¹⁴ Британишский В. Поэзия, воскрешенная профессорами: Изучение польского барокко в XX в. // Вопросы литературы. 1970. № 5.

¹⁵ Ср.: Николаев С. И. Задачи библиографического изучения польско-русских литературных связей XVI—XVIII вв. // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 215—229.

¹⁶ См.: Кохановский Я. Лирика. С. 44—46.

¹⁷ Европейская поэзия XVII в. С. 570—572.

¹⁸ Польская поэзия XVII в. С. 130—131.

B. Коховский
НЕБЕЗДЕЛЬНОЕ БЕЗДЕЛЬЕ

В книге печатной полской, какову ис Полши вывез подьячей Прокофей Возницын в нынешнем во 185 году февраля 21, на бесчестие государства московского во многих местех напечатано. А имянуется та книга в начале по написанию ея Лирика и епиграммата Веспасияна с Кохова Коховского, се есть гусли или виршн похвалные или хулителные о розных вещех. Выдана и печатана та книга нынешняго Яна Третиего, короля полского, на имя сына его, королевича Якова, в Кракове в типографии и проторми Войтеха Горецкого, славной // академии краковской типографа, в лето 1674, октября в 6 по-новому.

(ЦГАДА, ф. 79, № 177, л. 389 об.—390)

1 об. В песни 20, как полское войско отступило от короля Яна Казимера, а поддались шведом под Краковом в лето 1655-е

2

Великого бесчестья пота не лишимся
 И вечного срама, покамест движимся;
 Никоторой никогда век наш не укроет
 И николи нам мутен Днепр не обмоет
 Греха, которой нас ныне осквернил,
 Что поляк государю своему изменил,
 В людех сих свободных разразненной веры
 Невозможно миру быть никоими меры.
 Сверх того, уж навыкли — в постели б лежало
 Наследие, нежели б в поле воевало:
 На быстрой сести не смеет лошади,
 Скучив в креслах, не скочит с копьем по площади,
 Ни лука не вытянет крепка на побеге. //

Тешится отец, как в домовомnochлаге
 Сыночик молоденек девочку схватает
 Или с нею в полате песни воспевает.
 Пусть смотрят крепко ныне отцов своих дела,
 Сколь чюжих стран рука их к своему задела
 Государству: где были полские рубежи,
 Сколь далече мерены просторны чертежи,
 Предосадные крепко жестоки морозы
 Безтрудно проходили з своими обозы,
 Не задержали Волги мутной воды,
 Не трудны нам болотных озер были броды;
 Не были помешкою до одоления
 Полунощны упором княжения.

(Там же, л. 391 об.—392)

Песнь первая или победа над Шереметем //

Отчизне нашей издавна желаемый
Когда день приидет, когда приглашаемый
Покой возвветет, и трубу, что в сполох
Трубит, в радость велику пременит нам бог?
Пушки, которые смерть издали приносят,
Зыком своим великим те вести нам гласят
Чрез частую стрелбу и огни приправны:
Побежден уже ныне неприятель давный!
Зело щасливая днесь звезда нам восстаet,
Которою огненна стихия весть дает,
Премирный уж покой днесь всем возцветает,
Московские народы явно бог смиряет.

Слава богу, москаль жидоголовый
Тяжкими брязгаet на ногах оковы,
А что недавно Полше путами грозили,
Сами ж себя в неволю тяжку посадили,
Слили кровью своюю чюдновское поле, //
Многие в вечной плачут побранны неволе,
Собирают все вместо воинские наряды,
С воеводцкою булавою лежит лук изрядный
Рознорогой, тут же клали вместо списы,
Тут протазаны и пеших бердыши,
Наряды с кресты и галански^a пушки
Польские взяли храбрых воев руки.
Царские знамена, воевод бунчюки
В части режут мужики-гайдуки.
Шатры, из казны государской даны,
По частицам малым все разпластываны.

А москвитин, с стороны смотря, негодует,
Победитель о казне крепко испытует,
Которую им довольно Золотая баба дала,
Как на войну полскую их посылала.
Чесна кровь польская, своих обид мстива,
Мицение продолжила, долготерпелива.

А ныне знатным уроном побила
Москву, которая зело тяжка была. //
Победа явна и счастье нам было,
Как нехотящих Пси поле окрыло
Людьми на пять верст, только ныне знатны,
Как груба Москва с калмыки сайдачны,
Черемисы дикие, лопане, казанцы
И северных стран крепкие питомцы
С воеводою в руки впали Шереметом,
Которому Чюднов стался счастья матом.
О той победе всяк сказати должен,
Хотя сстичь вероломну Русь, каков поляк нужен
Был и сколь много Полша нудилась,
Неодиново озябла, многажды потилась.
О радосте! Боже войск и сил страшный!
Благодарим тя за чуда, ужасный,
Яко сокрушил еси змию ядовиту,
Смерти и крови людских несыту;
Воздал еси меру, в ню же нам мерили,
Крови своей сыти, которую пролили. //
Которой Полше кайданы грозился,
Сам ныне крепко скован учинился.

л. 392 об.

л. 393

л. 393 об.

л. 394

^a Испр. в ркн. галанки.

Московских огней окуренны в дыму,
Вручаю в любовь то брату Герониму.

(Там же, л. 392—394)

л. 395

В четвертых книгах в песни 11 напечатано.

Гейнал,^б заря! С Украины
Слышать лихие новины:
Беги, пане, с своей дедовщины!
В твоем имены, бутто в своем,
Ходят мужики, аки пчелы роем.
Гейнал, заря! Москва паки,
Оставил свои байраки,
Идет полонить поляки.
Лютится люд ядовитой
В стране Литвы плодовитой,
Смоленск взял недобытой.

(Там же, л. 395)

л. 395 об. В тех же книгах 4-х в песни 20 на похвалу Михаилу королю

Оттуду Жигимонт спопок^в приносит
И славу полску вокруг света голосит.
Турской и москвитин хотя гордо садятся,
Свидетелства^г явятся.
После того часа смута востает,
Когда Казимеру Полша скиптр дает.
Русь, венгрин, Москва, татары и шведы —
Все то соседи.

(Там же, л. 395 об.)

л. 396 об.

При конце тех песней напечатано

Прощайте вы, красные стихи,
Песнотворцов зрачные лики!
Пел есьмь Марса, бил на всполох
С ордою, с Москвою, чтоб бог вспомог.
Даром ничто ж оставил,
Пером, сколко мог, прославил.

(Там же, л. 396 об.)

л. 397

Песнь 15^д о Серке, как в Крым ходил

Не лев на львы емлется в лов,
Не бабром бабр суров
Ят бывает, и ни на дичь
Всегда гончих^е пускается смычь.
Малой червь бес топора в срубе
Подъедает корень в дубе.
Помешка изобретается,
Чем корабль удержается.
Некогда мухи и мыши
Не дали жить царю в тиши,
Что фараон, царь египетский,
Был уж от них к смерти близкий.

^б В ркп. на поле песнь. ^в В ркп. на поле герб прежних королей полских. ^г Испр., в ркп. свидетелство. ^д Испр., в ркп. 25.

^е В ркп. на поле борзых.

Кто ж не причтет и в том деле
Чудных судеб божией силе,
Когда Серко с своим окопом
Страшным тресет Перекопом? //

Знатно будут те времена,
Что Таурик^ж неприязненна
От казака потрясетца —
Матерь з детми в плен введется.
Кто разумя и той штуки
Научил их, что с калмуки
И кривого стрелцы Дону
Бегут в Нагай искать полону?
Часто откуду не чает
Человек помочь принимает.
А помочи кои ждали,
Те надежды всей отстали.
Страшны крымцом те розбои,
Уносят уж житья свои
За ометинские³ броды
И в каменны белогороды.
Весть хотя неподлинна бывает,
Мать свое детище страшает:
«Серко идет и много казаков!» //

Умолчит всяк на страх таков.
Как фириак сочинается,
От различных гад составляется;
Телемеха, что пробила
Стрела, его ж изцелила.
Ничто же есть в конец злое,
Чтоб не годилось во благое.
Сила твоя, крепки боже,
От зла добро творить может.

л. 397 об.

л. 398

(Там же, л. 397—398)

^ж В ркп. на поле Крым.

³ В ркп. на поле за Черное море.

ДУМА,
*творение благодарения господу богу за победу,
 одержанную под Хотинем
 ноября 11-го дня лета господня 1673-го
 от поляков над Усейн пашею.
 Сим напевом поют, как и о князе Корецком.*

Услышите все, яко бог милосердый
 Приведе в великую народ славы
 И воздавайте должную хвалу
 Ему вовеки.

Еже не даде нам до остатка погибнути,
 Наказа, яко отец, и повеле преминути
 Своей ярости: меч, нам уготовленный,
 Возвыси на поганы.

Турок возвышенный, его же ся свет боит,
 Взяв Каменец, под Хотинем стоит,
 Тамо свои введе велбуды и наметы
 В наши окопы.

Славныя гетманы противу их попли //
 Чрез кровавые некогда буковин заасали,
 Где несчастливо за короля Олбрахта
 Погибе шляхта.

Гетман Собеский всего досмотревше,
 Тяжкие переправы бережно прещедше,
 Егда изыде в поле, срете его новина^а
 От волошина,

Что Каплан паша в тридесяти тысячней
 Езды турские или еще и болши
 В помошь идет своим от Дунаю
 К тому же краю.

Упреждая его, велможныя вождове
 Вскоре усоветоваша в общем приговоре
 Приступ и желнерей, как еще стали,
 Пустить на валы.

Егда Усейн паша с тремя иными
 Войну пашами уже знающими
 Сорок счишляше тысячней доброго
 Войска давнаго, //

И тако повеле, чтоб остерегали
 Шанцов, а приступ крепко выдержали
 До прихода его к далной росправе
 О доброй траве,

Разселинныя рвы, обоз укрепили,
 Сугубые валы крепко утвердили,
 Отсюды замок обороныя на горе высокий,
 А оттуду — Днестр глубокий.

Егда же воинство возопиша к богу,
 Суще отъят всяку от них тревогу
 И доста для веры и для любезные отчины
 Последния силы:

Чрез три недели не постояв в буде,^б
 Три дни не ети и кони и люде,
 Часов двадесять и седмь в строе стояли,
 Турков ожидали.

^а В ркп. на поле весть. ^б В ркп. на поле в шелашах.

Но что они шанцов ся держали,
Стравками только наших омедлевали,
Посреди дня приступ дали поляки и литва,
Тамо была битва. //

Со ста пушек и часто стреляют янычены,
В ворота выбегают для помочи паши;
Не умалялось в рыцерстве охоты

л. 447 об.

От урожденные породы.
Великие гетманы з голыми саблями
Пеши шли к приступу пред солдатами,
Под самые валы оне кавалеры
Несли свои збури.

Егда вал пехота с начальниками
Взяли, янычен секли бердышами,
А конница, вбежав, где пробита хотели,
Тыл нам подали.

Понеже гусары, егда копие ломают,
Назад в шанцы с поля их згоняют,
Вбежали за ними, но тамо стояли

И мужественно себя обороняли.
Прежде в пол-обоза, паки в лутчем строе,
Бился тако турок, что уже было суще —
Наш проигрыш; и едва не выбили

И тако нашим помочтвовали. ^в //

Собеский с Пацом, храбрые гетманы,
Вида, что одоление приемлют босурманы,
Паки приведоста храбрью гусарию

л. 448

И тако побивают.

Турки, постерегши, что впрай потеряна
И не может быти битва поправлена,
Бежали скоро против мосту

Х Каменцу.

Тамо их литовские хорунги встречали,
Главы с чалмами от сабель летали,
Гетман Радивил палашем одного —

Взял бунчук его.

Паки Вишневецки гетман з другия страны
Сек их доволи хотимские башни,
Мстился над турком смерти деда своего,
Князя честнаго.

Единых в глубокие рвы нагнали,
Другими путь х Каменцу застилали,
Te, изо рвов падая, бедне утопали,
Днестр наполнили. //

Янычен полегло восм тысещ трупом
В самом окопе, где богатым лупом^г
Наше^д войско от поган себя обогатили,
Бога благодарили.

Набрали зата, сребра и денег,
Не един ныне наполнился нужны,
Прочее оружие и снаряды носили мешками,
И с ефимками.

Коней, велбудов, наметов различных,
Одежд, ковров со златом изрядных,
Снаряд взят запасов доволство великое,

Выгода всякая.

Егда свершися росправа толь велика,
Припадоша все с благодарением до бога,

л. 448 об.

^в Испр., в ркп. помочтвовали.

^г В ркп. на поле добычею.

^д Испр., в ркп. наша.

Посем в намете Усейна мша святая
Богу начатая.
И в то время наших побитых сыскивано
И християнски телеса погребено,
Их же с пять сот побито в потребе,
За сие же суть в небе. //

Ловчей Желецкий есть разсекан,
Бидинский стражник конми растоптан,
Оба корунные урядники давные,
Храбростию славные.

Тамо же убит Ахацы Писарский —
Вождь краковского полку, рыцар дарский,
Ранен Липницкий — желнерь из Литвы старый,
Что был бояры.

Видети там было великих панов мужество,
Видети, как свое охотили рыцерство:
Всем хорунгам прежде шли сами
Уже над шанцами.

Потоцкие братие, два воеводове,
Един в Сиражу, а другой в Киеве,
Мужественно на брань перси своя несли,
С победою пришли.

Там Яблоновски, руски воевода,
Мужественно обстоит тамо, где какова школа;
Синявски, тот час корунный хоружий,
Охотно силный. //

Чернецкой, писарь полной, своего стрыя,
Хоткевич деда славы не минуя,
Кришпине, пусть твоя храбрость словет,
Доколе Днестр течет!

Свидерский так же турскую обирает
Армату и своим полком их выгоняет
Из окопу, а где он мечем намерит,
Не един лежит.

Канслер литовской, хотя сам был болен,
Дает желнера, а они зело поспешни;
Чрез шишакия джиды, чрез твердые калканы
Стреляя поганый.

Видети тамо было с Малты ковалера,
Яко поганых крестом своим прогоняет;
Видети гусарскую Лещинского справу,
Когда шол на славу.

Умолчат ли вас когда полские рымы,
Которые шли есте на яныченские дымы?
Деноф, Сапега, Пац железными трудами
Дань вам воздают. //

Кто ж всех изочтет и вышоет мужество?
Всякой тамо желнерь трудися на победительство;
Како из пушек помешку чинил Конски^е туркам в строе.
И о сем будут кроники.

Вас бусурманы с уроном прогоняли,
Зде пред приступом тыл есте подали,
Там Мотовидло бутто выбрал очи —
Под шанцы скочил.

Великий, Собеский, моршалку, гетмане!
Буди тебе за победу, бессмертный^ж господине,
Буди твоей отчизне ныне опекуном,
На турков перуном.

Люд всенародный усердне радуются

О той победе, а тебе поздравляя;
Молю, дабы имел еси от грабления охранение
И милостивое оборонение.
Наиболшую богу хвалу воздаймо
И с велиим сокрушением к небеси возопиймо,
Дабы поганый, срамотою посрамленный,
Ушол в своя страны. //
Даст бог, к весне вси себе уготовляймо,
Славы народу ленивством не повреждаймо,
Дабы вси воабудились християне,
Услыши, господи!

л. 450 об.

(ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 446—450 об.)

Овидий

МЕТАМОРФОЗЫ

КНИГИ ПЕРВЫЕ МЕТАМОРФОСЕОН,
СЕ ЕСТЬ ПРЕОБРАЖЕНИЙ ИЛИ ПЕРЕМЕН
ПУВЛИЕМ ОВИДИЕМ НАСОНОМ СТИХАМИ ОПИСАННЫХ

л. 66 об. Перечень повести третьей на десять

Дафна, Пенеова дочь, от всех девиц понеже в Фесалии бывших прекрасней почтана была, приходило на то, что красотою своею богов прелъщала. Присмотревся ей, Аполлон зело возлюбил ю, которую егда ни обещанми, ни грозами на соизволение блуда подвигнуть не могл, пытался ей насилие учинить.

Сказание третье на десять

Первая любовь Фебусова¹ была Дафне Пенеовна, а в то его ввел не случай какой приключающыя, но тому вина был жесток гнев²

л. 67 об. обеспеченаго // Купидина.³ Того бо Аполлон Делийский по своей храбрости и новой над змием победе взгордився, а узрев, что в руках держит лук кривый и рог с рогом згибая, потягивает титивы, молвил ему: «Скаредный детина! Какое тебе дело до крепкого ружья?³ То прилично нашему лицу, что частые раны можем давать и дикому зверю и неприятелю, как есмы недавним времянем одутого и многие версты ныне завалившаго своим ядоносным брюхом питона убили и его бесчотным стрел числом поразили. Ты доволстуйся лучом, которым неведомо какую любовь возбуждаеш, а нам всякой нашей славы не пущаеш».

Молвил ему сын Венеры, или Афродиты: «О Фебе! Пусть твой лук всех перестреляет, но мой тебя устреляет. И елико еси бог поистинне над зверми, толико твоя слава менши моей».

Сия рекл без сомнения и взвився на воздух, пернатен, встал вскоре на темном // горы верху парнасском, выхватив же ис колчана две стрелы, ис которых каяжда имела инаку силу: одна бо любовь отгоняла, а другая ее возбуждала; ис которых возбуждающая была золочена и железцом острым блистающая, а отгоняющая конец имела притуплен и тонким оловцом осажен, которую бог в нимфе пенейской водрузил⁴ и мимо костей другою уязвил Аполлина⁵ до внутренностей. И внезапу один любовию розгасился, а другой от имяни его, бутто от густой лесной стени удалился,⁶ увеселяя себя битого зверя одирками, а по чистоте зело ревнуя.⁷ И хотя многие люди ея хотели, но она ими гнушалась, // и мужа не знающи, лучше ей было по непроходимым рощам ходити, а нежели свадебных песней употребити, ни любви, ни супружества искати.

^a В ркп. на поле божок похоти.

Часто отцу молвящу ей: «О дщи!^б Должна ми ^веси зятем, должна^г ми еси дидяtem». Но она, гнушаясь, аки злым делом, разженными мужескими, со смиренным поставом, в стыде румяном, красное свое покрывает лицо и руками отеческую^д шею обнимает, глаголюще: «Отче прелюбезне! Поволь ты мне сего, дабы употребляла вечно девства моего». Исходатайствовала древле была^е у отца себе Дианна,⁸ да и се было то ж поволение.⁹

Но тебе, о Дафно! твоя красота тем быть, чем хочеш, запрещает и от похотей твоих никого не устраниет. Фебус, // однако, любит и жедает сердечно в супружество со Дафною приитти вечно, и того, чего хочет, совершенно чает, но самаго надежда его окрадает, яко же по зжатии колосов легкой костер палят или сухие заборы от пожогу горят, которыи подткнув близко ночью человек подорожный сотворяет или и ко дни оставляет; тако бог, невзачай¹⁰ увязнув в знайном пламени, нудим был пребывать в зелном озлоблении, стражда сам в себе жестоким палением, питает бесплодну любовь суетным чаянием, видя висящие с шеи гладкой волосы нечесаны, а что ж бы молвил, видя приглажены. Видит огнем блистающим и ясным звездам подобные очи. // Выше меры красны видит — а не доволно есть видеть! — и уста ^{л. 68 об.} румяны, но хвалит руки и персты казаны, и плеча, и локти, выше засучены, нежели до половины, а естьли которых составов не могл созерцати, то их в лутчшее нечто дерзает вменяти.

Бежит она скорые ветра легкого, ни слушает сими словесы манливаго: «Нимфо пенейска, постой, удержись ногами, я тебя не гоню неприятелскими стопами! Нимфо, постой! Так пужливые овцы перед волком, так серны пред лвом, так боязливы голуби пред орлом бегут. И то несть новое, что беречься неприятелей своих иным, но вина моего вслед тебе гонения есть самая любовь. Оле! не упади лицем и ног своих не уязви, // а меня болезни ^{л. 69 об.} твоей виною не ими! Не гладким местом бежиш, сама себя держи смиряне, о! смиряне бежи, один я тебя гоню.

Ведай, кому годна еси: я нес житель коей горы, ни над стады какими пастух который. Веръ мне, я здесь не берегу, ни страшным дозирателем каких стад стерегу. Не ведаеш, упрямая девка, от кого то бежиш, не ведаеш, бедная, не ведаеш, и для того не ждеш. Мне Клярос,¹¹ Тенедос¹² и делфийское дедичство¹³ служит и патарейска подданствует украина.¹⁴ Юпитер моим есть^ж отцем, мною все явилось, что было, и что есть, и что впредь будет; мною различные песни своими голосами согласие¹⁵ блюдут приятно слышными струнами. Надежна // наша стрела,¹⁶ но объявилась надежней- ^{л. 70} шая одна, которая язву учинила в моем в покойном сердце. И мою особою головою лекарства обретены,¹⁷ для того зовут меня болезней целителем по всему свету и моему владению все суть подданы травы.

^б Испр., в ркп. дши. ^{в-г} В ркп. приписано на поле. ^д ю приписано другим почерком. ^е Испр., в ркп. было. ^ж Вписано над строкой.

Оле мне, окаянному! что любовь никакими исцелена быть не может травами, и господину своему те вещи ни в чем не угожают, которые всем людем помогают».

Хотел бы в том деле еще говорить болши, но не соизволяя слушать его, скоряе поспешила Пенеовна пужливым бегом и, в полы не скончав словеса, оставила. Ныне же всего лутши ему показалось, когда ветры открытым телом являлись и когда противны надыманья платья поднимали и волос всякой поднятой //

л. 70 об. назад воздухи зганяли. Прибавливалось еще побегом красоты, но не теряя бог молодой ласковых слов, как ему советовала любовь, вскачь гонит вслед ея, будто когда сабака гончая скочит в поле зайца, тот хочет догнать, а другой уйти здраво. Один будто уже хочет подцепить и покорыстоваться чает и протянутым ртом следу касается. А другой, сумняся — не угнан ли? — гонзает, убегая пред лютыми зубы и вырываются из гонящаго губы — так бог з девицею: тот бежит от надежды, а сия от страха, однако же который гонит, охотнее к пути и скорейший есть, любви перьями подправлен не хочет отдыхать, но упрямая бежит, даже по пужливой // спине волос вознесен развивается по шее, собою растрясен.

Толкование

1. «Первая любовь Фебова»³ — тот же, что и Аполлин.

2. «Жесток гнев Кунидина» — Кунидо, по мнению языческому, был сын Ночи и Неба, или сын Марса, се есть Ариса, и Венеры, се есть Афродиты. Бог любви, писывано его отроком нагим крылатым с луком и с сайдаком, в котором двои стрелы имел: одни позолоченные, которыми стреляя сердца человеческие и богов любовию зажигал, иные были оловом оправлены, теми ненависть в сердца вносили. Тот осердился было на Аполлина. //

л. 71 об. 3. «Какое тебе дело, детина, до крепкаго ружья?» — се есть до лука. Теми словами поречение учинено Аполлином против Купидина, которым его раздразнил.

4. «Ту бог в нимфе пенейской водрузил» — се есть стрелы с оловянным железцом. «Бог» — се есть Купидин или похоть. «В нимфе пенейской» — се есть в Дафне, дщере Пенея реки.

5. «Другою Аполлина» — острою и позолоченою стрелою.

6. «Другой от иманий любовника бежит» — Дафне от Аполлина.

л. 72 7. «Ревнуя по чистоте» — се есть Дианне, которую также называли Фебом, // Дианна бо, обещав богом чистоту, всегда ея держалась и не блюла при себе никого кроме девок, а на ловлях весь век свой изжила и для того ее звали богинею не только чистоты, но и ловли. Также и Дафне, ревнуя по всему тому Дианне, хотела также быть вечно девою.

8. «Исходатствовала было прежде Дианна себе у отца». «У отца» — се есть у Зевеса, что ей поволил вечного девства.

9. «Как и той поволено» — се есть Дафне Пеней отец, но красота ея первая упор тем вещем учинила.

10. «Так бог невзначай» — Аполлин.

л. 73 об. 11. «Мне Клярос»ⁱⁱ // — Клярос есть город ликийский близ Колофона, Аполлину в тот век посвящен.

12. «Тенедос» — Тенедос так же город ликийский или, по мнению некоторых, памфилийский, которые отданы были во оборону Аполлину.

³ Испр., в рук. Февова.

и Испр., в рук. сия рос.

13. «Дельфийская украина» — Делфийска земля. Делфы был город Фокидийской страны, недалече Парнаса горы, там язычники поставили^к капище Аполлину, а он был славен и богатствы и гаданми, которые диавол творил во имении Аполлинове, из кумира его говоря людем, которые приходили спрашиваться о мимошедшем и о^л будущее. //

14. «И патарейская подданствует страна» — Патара был город ликийский, где Аполлин давал гадания шесть месяцев морозливых. Звали его так от Патара, сына Лапеонова.

15. «Мною различны песни с своими согласии» — заеже Аполлин есть бог мусикийский.

16. «Надежна наша стрела» — говорил той Аполлин, яко имеющи из лука стрелять зверя и неприятеля, как сам выше сего хвалился пред Купидином.

17. «Моею головою лекарства найдены» — сам Аполлин говорит, что тому пострелу, случившемуся от Купидина ему, не могл // пособить ни^{л. 73 об.} какими лекарствы ии травами.

П е р е ч е н ь п о в е с т и ч е т в е р т о й^м на д е с я т ь

Дафне девица от Аполлина долгим гонением утомлена быв, а от лица его скоро бежав, отца своего, Пенея реки, в помочь призывала, чтоб помогл и девство ея совершенно дал соблюсть, в котором удумала была последовать Дианне. Отец, прошение дщерп своей выслушав, в древо лавровое, се есть бобковое, переменил, на которую перемену смотрел Фебус очими своими.

С к а з а н и е ч е т в е р т о е на д е с я т ь //

Она же от скораго бегу трудом побежденна и силы лишившся, ^{л. 74} побледнела и, смотря на пенейскихя воды,¹ такие испущала слова: «Отче возлюбление! Дай помошь, молю! Реки, естьли имеете при себе божию силу, и ты, земле, понеже я тебе зело показалась, разступися. Или красоту пременив, лиши ея, которой ради имам быти посрамлена».

И едва молбу скончала, и се внезапное припало одеревенение,² которое составы ея овладело. И прежде сего среди тела мягкая внутренняя заключенна творятся тонким лыком поволочена и власы на зеленые ветви изменяются, а плеча в толстые сучья претворяются; ноги, которыми скоро недавно бежала, в ленивые коренья попеременяла, рот высокою вверх // вершиною стал. ^{л. 74 об.} Толко один на свете остался Фебус, однако ж любит, но нечаянным делом ужасся, кой час руку свою правую положил на тот пень, слышит — и се сердце под новою кожею зело еще дрожит от ужаса. Он же, обнимая сучье³ аки составы, целует дерево, tolko того целования дерево не принимает, наиначе его от себя отвергает. К нему же бог так своими словами говорить учал:

«Заеже мою не^н можеш быть женою, то моим конечно будеш деревом,⁴ и тебя совершенно наши волосы, и гусли, и сагайдаки вечно носить будут, о лавре! Ты радосноторвныя воеводы за

^к Испр., в ркп. потавили. ^л Доб., в ркп. нет. ^м Испр., в ркп. девятой. ^н Доб., в ркп. нет.

храбрость украшати будеш,⁵ гласу их веселу воспевающу по-
л. 75 беды,⁶ // чудящимся градовом римским видя корысти свои людны,⁷
ты ж на преградинах святых, яко верный страж у дверей, стоять
будеш⁸ и давать оборону сам вечными временами среднему дубу.
И как моя молодцова голова есть с волосами небритыми, так
и ты вечно на себе красоту зеленого листвия носи⁹ конечно».

А какой час пеан¹⁰ с такими словами отдался, лавр дерево
тотчас поволил одется ветвми⁰ урослыми,¹¹ потому что по его слову
было видеть, как преклонил вершину аки главу.

Толкование

1. «Смотря на ненейские воды» — се есть смотря на воды отца своего
Пенея. //

2. «И се внезапное тяжкое припало одеревенение» — являет стихотво-
рец, что уже Дафне почела переменяться в дерево бобковое.

3. «Обнимая сучья» — се есть дерева того, в которое обратилось^п было
Дафне, а зделал то от великия любви и печали.

4. «Деревом моим совершино будеш» — присвоил себе древо то Фебус
и от того времяни обещал не носить на голове своей венца иного, токмо
витой из ветвей бобковых, такими ж венцы гусли свои и сайдак украшати
хотел.

5. «Ты радостноторных^Р от храбрости воевод украшати будеш» //

л. 76 в то же время Фебус уставил, дабы кесари и воеводы римские по улучен-
ных победах победителств своих и въездов веселых в капитолиум, замок
римской, не действовали без венцов лавровых, се есть бобковых.

6. «Иногда глас их веселый победы пети будет» — егда бо по улучен-
ных боях въезжали гетманы в Рим, пения различныя бывали.

7. «И когда замки римские чудные почюдятся, видя свои здобычи
людны» — тот был у римлян обычай, что по улученных победах на возах
победителственных въезжали в Рим, а вслед их воживали воевод завоеван-
ных и иных розных плеников и корысти розные: кумиры, браные иска-
пищ, и знамена. //

л. 76 об. 8. «У переград святых перед дверми стояти будеш» — отсюду знатно,
что в ту же пору уставил Фебус венцы бобковы вешать перед дверми у пере-
грады двора цесарского и для того тот обычай издавна блюден в Риме, что
те венцы вешивали таким порядком, что меж двемя венцами бобковыми бы-
вал вешан один из листья дубового витой, а иные чают, что дерево дубовое
саживали на дворе замка цесарского, а возле его с обоих сторон два дерева
лавровые или бобковые. С тем чаянием согласуются те слова стихотворцы:
«Ты, лавре, у дверей верный сторож будеш».

9. «И как моя голова с небритыми волосами, так ты красоту зеленого //
л. 77 листья носи» — Аполлин писан бывал з долгими волосами, а без бороды,
и такову красоту кажется вечно имети, понеже и солнце, которое временем
зовут Аполлином, лучи свои вечные имеет и никогда их не лишается. Того
ради во оно время теми словесы Аполлин становил, как он волосов своих
никогда не стригл, чтоб так же и бобковое дерево листье зеленое на себе
имело всегда и зимою б не опадывало.

10. «И как пеан» — пеаном наречен Аполлин же для того, что был изо-
бретатель лекарств.

11. «Поволих лавр на рослые сучья» — се есть Дафне, недавно переме-
л. 77 об. непая в древо, // затресла вершиною своею и казалась, будто призволяет
на слова его.

(БАН, 17.14.21, л. 66 об. — 77 об.)

⁰ Испр., в ркн. ветми. ^п ло вписано над строкой. ^Р Испр., в ркн.
радостноторных.

С. Твардовский

ДАФНА, ПРЕВРАТИВШАЯСЯ В ЛАВР

Перевод-переделка поэмы С. Твардовского сохранился в двух списках первой четверти XVIII в.¹ Анализ всех текстуальных различий позволяет считать, что перед нами две редакции одного перевода. Текст в *B* значительно меньше (почти на 250 стихов), чем в *A*: кроме выпущенных целиком 4 явления и значительных фрагментов из 5 и 8 явлений, «аргумента» ко всей пьесе и списка действующих лиц, в последних явлениях опущен ряд отдельных стихов и целых реплик. Эти сокращения носили целенаправленный характер, редактор явно хотел придать всему тексту более сценический характер и освобождал текст от побочных мотивов и длиннот.

Сокращенная редакция не восходит к первой редакции, представленной в списке *A*: в ней есть «аргументы» (краткое изложение содержания) к каждому явлению, отсутствующие в первой. Они не были сочинены редактором, так как являются переводом или пересказом соответствующих «аргументов» польского оригинала. Таким образом, первая и сокращенная редакция независимо друг от друга восходят к протографу перевода, который лучше отражен в первой редакции, так как в сокращенной чаще, чем в первой, встречаются нарушения изосиллабизма в стихе, а также неверные чтения, в том числе собственных имен (Абсирта *A* — Себеирт *B*; Нинус *A* — Венус *B*; Иолы *A* — Толы *B*). В первой редакции более заметны и следы польского оригинала, ср.: *wygubił* — выгубивши *A* — угасивши *B*; *utknioną* — уткнутая *A* — вонзенная *B*.

Для первой редакции более характерны обновленные грамматические формы, ср.: я *A* — аз *B*; хотел *A* — хотяще *B*; даровал *A* — даровал еси *B*; ушел *A* — уйдох *B*; просил *A* — просих *B*; в то же время: имех *A* — имел *B*.

По спискам *A* и *B* перевод был напечатан Н. С. Тихонравовым,² который издал сводный текст: в *A* были внесены, иногда без оговорок, «недостающие» места из *B*, таким образом, это издание не отражает различий между редакциями. Возможно, что это было оговорено Н. С. Тихонравовым в комментариях,³ однако в известных корректурных оттисках «Примечаний ко 2-му тому» материалов о «Дафнис» нет. Кроме того, в своем издании Тихонравов модернизировал орфографию, не отразил всех перестановок слов и сокращений в *B* и т. п. Всего в издании Н. С. Тихонравова более 150 таких неточностей.

Если реконструкция памятника, предпринятая Н. С. Тихонравовым, не дает представления о редакциях перевода, то неразумно и отдельное издание обеих редакций, потому что несмотря на большие различия в обеих редакциях читается один и тот же перевод. Сверка редакций с польским оригиналом приводит к выводу, что представление о протографе перевода можно составить только на основании обеих редакций, что позволяет привести чте-

¹ ГПБ. Q.XIV.10, л. 136—165 об. (далее — *A*), л. 166—189 об. (далее — *B*). Подробное описание рукописи см. в статье: *Николаев С. И.* Поэма С. Твардовского «Dafnis w drzewo bobkowe przemienieła się» в русском переводе начала XVIII в. // Вестн. Ленингр. ун.-та. 1977. № 8. С. 90—91.

² См.: *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 2. С. 440—484.

³ В одном примечании (с. 468) он даже отметил: «См. примечания».

ния *B* в разночтениях к тексту *A*. При этом необходимо помнить, что это не просто другие чтения другого списка, а чтения другой редакции.

«Дафнис» представляет, как показал М. Л. Гаспаров,⁴ значительный интерес для истории русского стиха первой трети XVIII в., поэтому представляется целесообразным привести все перестановки слов и более мелкие разночтения, полезные для стиховедения, в частности для истории русской рифмы (учтены разночтения типа: велики — великий).

Основной текст: ГПБ, Q.XIV.10, л. 136—165 об. — *A*.
Разночтения: ГПБ, Q.XIV.10, л. 166—189 об. — *B*.

л. 136 1 ДАФ'НИС, ГОНЕНИЕМ ЛЮБОВНАГО АПОЛЪЛОНА
В ДРЕВО ЛЯВРОВОЕ ПРЕВРАЩЕННАЯ ²

л. 136 об.

3 Аргумент

Аполлон, посланный от неба (яко же у поэтов), у Адмета, короля фессалийского, пасяще девять лет овцы в лесах, из которых змия рекомаго Пито, великия пакости в людех деющаго, благополучно уби, отчего между пастьрями славу получивши, выхваляще лук свой и стрельы паче Купидиновых. Им же зараженная Венус возбудила Купиду на отмщение. Того абие уразила Купидо на Дафнис, девицу фессалийский реки, ибо оную отставшую тогда от подружий своих Клоринды и Низиды и заблуждающуюся в лесах, устрели оловяною, Аполлона же златою стрелами. Отнюду же уязвился Аполло, гоняше повсюду за нею и златыми словами скланяше, отнюдь не хотевшую (тогда Купидо на стране посмеваясь стояше). Прибегши наконец утруждденная гонением от Аполлона, просит Дианы, дабы в камень или в древо саму ю превратила, что видя Дианна, едва не достигшую Аполлоном, абие в древо ляэрвое преврати ю, о чём Аполло зело с горким плачем рыдаше. Потщався, желаше кое любо отменство показати, посвяти его, да связуют из листвия онаго древа короны в победу триумфов. //

л. 137 об.

Перъсоны

Ф ос ф о р у с	К л о р и н д а
Г е с п е р у с	Н и з и д а
А п о л л о	Д п а н н а
Д а ф н и д а	Н а п е и ²
В е н у с	С и р е н ы ⁴
М е р к у р и у с	П а с т ъ р и ⁴
К у п и д о	П и т о з в е р й ⁴ //
П е н е у ш	

л. 138

Ф ос ф о р у с⁵

Кто не дивиться пресветлому солнцу,
Егда проводит⁶ день к ношному концу?
Тогда ли видиш очеса угодны?
Не тако, чаю, и свет сей свободный.

⁴ См.: Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Metryka słowiańska. Wrocław, 1971. S. 39—63.

^{1—2} Действие о Аполлоне и прекрасной Дафниде, како Аполло победи лютаго змия Питона, потом же и сам побежден явися от малаго Купиды, изъявляюще. Вкратце преписася в Санкт Питербурхе лета 1715 июня в день *B*. ^{3—4} Нет *B*. ⁵ Пролог *B*. ⁶ преводит *B*.

Како Аполло, сам солнце высоко,⁷
 Не просветил же Дафнидо⁷ око,
 Сам распалися? О любве прекрасна!
 Превосходиши ты над солнца ясна!
 Как победитель побежден преславно,
 На действии сен узрите вся явно.
 Аз есмы краснейша⁸ денница на свете,
 Мною похмурны тени на розсвете
 Вси исчезают. Для красна же виду
 Зрите над солнцем Купиды победу.
 Коль благ свет очам и коль есть приятен!
 Даждь нам, о Фебе, день сей благодатен!
 На златом возе Аполло прекрасный!
 Даждь нам в действии вымысл неопасный,
 Да вси увидят с похвалою дело,
⁹Еже то¹⁰ нами деется всецело. //
 Вы мя изволте к нощи проводити¹¹,
 А теперь дело прилежно смотрити.

л. 138 об.

ЯВЛЕНИЕ I¹²

Пастырь 1

Кая, ¹³друже, радость нам,¹⁴ где овцы пасуще,
 На ¹⁵минуту всякую¹⁶ змия люта ждуще?
¹⁷Уже ходит многажды,¹⁸ всех нас разганиет,
 Овцы стада нашего с людми поядает.¹⁹
²⁰О горе беднейшим нам!²¹ Горе беспомощным!
 Ходит змий сей на зоре и временем нощным.
 Видесте и ²²ныне, как²³ на нас поострился,²⁴
²⁵Чуть я жалом злайшаго, чуть не уловился!²⁶

Пастырь 2

Что ты, друже, ²⁷и я чуть бежал²⁸ без отыху,
 Мало не попался в снедь тому змию лиху.

Пастырь 1

²⁹Я едва во скорости убегши на горы³⁰
 Тотчас на место наше прибежал³¹ змий скорый,³² //
 Вся поял с пожранием, все суды разбивше,
³³Чуть ушел я в немощи, зело в страхе³⁴ бывше.
 Что нам чинить ³⁵друзие, что чинить³⁶ помоши?
 Истинно, и нас поест, пришедши во нощи.

л. 139

Пастырь 3

О проклятый змий на нас! О злая скотина!
 Бежах, бежах, пришла мне горкая причина.

⁷ Дафнидово Б. ⁸ краснейша Б. ⁹⁻¹⁰ которое Б. ¹¹ приводити
 Б. ¹² Доб.: Змий, рекомый Пито, исходит и уготованныя у пастырей
 вещи разбивает, прочих же разганиет. Потом от Йовиша посланный
 Аполло приходит к пастырем пасти с ними овцы Б. ¹³⁻¹⁴ радость,
 друже, нам Б. ¹⁵⁻¹⁶ всякую минуту Б. ¹⁷⁻¹⁸ премногажды приходи-
 щи Б. ¹⁹ пожирает Б. ²⁰⁻²¹ горе весма бедным нам Б. ²²⁻²³ днесъ,
 како Б. ²⁴ поострился Б. ²⁵⁻²⁶ Змия жалом лютаго чуть не уловихся Б.
²⁷⁻²⁸ аз едва избегъ Б. ²⁹⁻³⁰ И аз егда в скорости убежах на горы Б.
³¹ прибеже Б. ³² скоры Б. ³³⁻³⁴ Едва уйдох в немощи и во страсе Б.
³⁵⁻³⁶ откуду снискати Б.

Бегущи и³⁷ вывихнул с зелным болем ногу,
Чуть от страха улучил к вам быть на дорогу.
Я³⁸ не вем, токмо просить бога есть потреба,
Да посlet помощника нам на змия с³⁹ неба.

Пастырь 2

⁴⁰ Я просил⁴¹ о помощи, во сне видех верно,
Еже⁴² Иовищ обеща милость нам безмерно.
Хотел⁴³ Аполлона дать, яко же⁴⁴ достойна,
На умертвие того зверя⁴⁵ недостойна.
О боже! Доколе нам его не явиши?
Егда мало упоздит, всех нас погубиши!
Доколе ⁴⁶ будем терпеть⁴⁷ злую ту скотину?
Доколе нести сию злолюту кручину?

Пастырь 1 //

л. 139 об.

Несть помощи, истинно, кроме богов силных,
Тех будем просити к нам, богов же пресильных.
Обратися, боже, к нам оком милосердым,
Буди нам заступником присно благосердым,⁴⁸
Посли Аполлонову руку, да из добра
Люта змия победит, яко злого вепря.

Пастырь 4

Испужая, змий мене имел устрашити,
Еже я⁴⁹ от страха чють⁵⁰ могу говорити.
Кто сего люта⁵¹ может победити?
Кто против⁵² его ⁵³ дерзок смеет⁵⁴ быти?

Вси

Помилуй, помилуй нас, избавь сея муки
Чрез ⁵⁵ достойнаго того⁵⁶ Аполлона руки.

Пастырь 3

Тотчас⁵⁷ будем видети — Аполло приходит,
Помощь победителну на змия совъводит.⁵⁸
Уже направленный лук полон стрел несущи,
И силы исполнися, яко⁵⁹ воин сущий.

Вси

Помилуй, помилуй нас, избавь сея муки //
Чрез ⁶⁰ достойнаго того⁶¹ Аполлона руки.

Аполло⁶²

Что сила может, что одолевает,
Усердие мne⁶³ в делех преспевает.
Почто измена мене убедила,⁶⁴
Где честь Дианна предъуготовила?
Посланный ныне ⁶⁵ из неба⁶⁶ от Диа,
Око его есть всегда на благия.
Радуйтесь ⁶⁷ вы, пастырие друзья,⁶⁸
Нашего Диа усердныя слузи!

³⁷ же Б. ³⁸ Аз Б. ³⁹ со Б. ⁴⁰⁻⁴¹ Просих аз Б. ⁴² Яко Б. ⁴³ Хотя-
ше Б. ⁴⁴ Нет Б. ⁴⁵ змия Б. ⁴⁶⁻⁴⁷ терпеть будем Б. ⁴⁸ всеусердым Б.
⁴⁹ Нет Б. ⁵⁰ едва Б. ⁵¹ лютаго Б. ⁵² противо Б. ⁵³⁻⁵⁴ дерзен
имать Б. ⁵⁵⁻⁵⁶ того достойнаго Б. ⁵⁷ Вскоре Б. ⁵⁸ приносит Б.
⁵⁹ аки Б. ⁶⁰⁻⁶¹ того достойнаго Б. ⁶² Аполлон Б. ⁶³ длани Б. ⁶⁴ по-
бедила Б. ⁶⁵⁻⁶⁶ с небесе Б. ⁶⁷⁻⁶⁸ днесъ, пастыри и друзья Б.

Я⁶⁹ послан с неба пасти с вами овцы,
Будите вкупе на Питона ловцы.
Луком обыкох на злых воевати,
Добрых же в златых гуслех утешати.
Будите всегда надежды⁷⁰ в пустыни,
Принужден пасти с вами до причины.

ЯВЛЕНИЕ 2⁷¹

П е н е у ш

Едва дождахся тягчайшаго знака,
Соннаго в очах утружденна зрака, //
Сном по вчерашнем пире утруженный,
Егда⁷² в фессалийских реках забавленный
Много в нощь пиях с тритоны своими,
Еще и воды полон жбан носимый.
Зоря краснейша запала на небе,
Радую⁷³ ти ся, златовласный Фебе!
Ты небо в округ колом обегаеш,
Всю тварь на земли дивно оживляеш,
⁷⁴ Златопланенным огнем своим⁷⁵ ясным
⁷⁶ Всяко листвие живиш благоцастным.⁷⁷
И мене всюду, ах, увеселило,
Яко спевати сердце возбудило.
Встаните, дщери, встаните, нашеи!
Разветрите мне похмурны идеи!
Фебус веселый наими⁷⁸ посмевает,
А донеле ветр зефир повеянет,
Утешимся в сей погоде веселой,
Воспойте, дщери, в радости всецелой!

л. 140 об.

Пение

Кто тако славен, яко ты во гласех,
Славный Пене? Живи в⁷⁹ благих часех!
Мы тебе ныне паче⁸⁰ прославляем,
Тебе спеваем.⁸¹
⁸²Хвалитсѧ вами Венус⁸³ златовласна,
Како течеши в реках благогласна.
Мы тебе ныне паче⁸⁴ прославляем,
Тебе спеваем.⁸⁵
Мы веселимся водными разливы,⁸⁶
Видящи славу твою в наши нивы.
Мы тебе ныне паче⁸⁷ прославляем,
Тебе спеваем.⁸⁸

л. 141

Н а п е я 1

Вемы то,⁸⁹ отче, яко век щасливый,
Внегда прежде всех никто бяше живый:
Чрево за хлеба дактилы имяще,
Вместо же воды сок лесный пияше.

⁶⁹ Аз Б. ⁷⁰ надежды Б. ⁷¹ Доб. Пенеуш, река фессалиская, утешаясь зарею, призывает водных богинь напей на увеселение. К нему же приходит и дщерь его Дафнис с Клориндою и Низидою, с своими девами, просящися у отца на ловы. Он же отпускает, на (так!) да не заблудит в лесах, Гермия стражем приставляет Б. ⁷² Едва Б. ⁷³ Радуем Б. ⁷⁴-
⁷⁵ Златопланетным своим огнем Б. ⁷⁶⁻⁷⁷ Всякому всюду живеш благо-
частным Б. ⁷⁸ нам ся Б. ⁷⁹ во Б. ⁸⁰ над всех Б. ⁸¹ воспеваем Б.
⁸²⁻⁸³ Хвалит тя Венус велими Б. ⁸⁴ над всех Б. ⁸⁵ воспеваем Б. ⁸⁶ рат-
ливый Б. ⁸⁷ над всех Б. ⁸⁸ воспеваем Б. ⁸⁹ тя Б.

И тогда мы все заедино жили,
Боги и цари неразделно были.
Потом где Нинус⁹⁰ начен⁹¹ разделяше,
Плодная⁹² Церес жита⁹³ обреташе,
Восташа войны и бой непрестанный.
Что мы узревше век сей зело странный,⁹⁴ //
Разделившеся, яко прежде жили,
Морем, горами, водами покрыли.

л. 141 об.

Н а п е я 2

Что же⁹⁵ славнее велия Европы?
В пустыню бежа,⁹⁶ оstryя Родопы.
Не по велику морю убегала,
Егда на части Абсирта⁹⁷ ссекала.
Не всегда в водах музы и забава,
По всей вселенией буди твоя слава!

П е н е у ш

Напеи любезныя, ⁹⁸токмо ли⁹⁹ утехи?
Донеле значат небесныя беги
¹⁰⁰Благоприятну погоду¹¹, ¹ на небе,
Еще воспети во гласех мя требе.

Пение

Радуйся в² славе, теки благогласно,
Мы же, с тобою чтими неопасно,
Паче Атлянта честно³ величаем,
Тебе спеваем.⁴
Хвалися в чадех, хвалися во дщерех!
Се ты приходит⁵ едина во дверех. //
Мы тя навеки с нею величаем,
Тебе спеваем.⁶

л. 142

Д а ф н и с

Отче, се мя видиши внезапу ходящу,
Ликом тя в радостнейших песнях веселяшу.
Вем, яко уволиши, придох тя просити,
Изволь мене, отче мой, на лов отпустити.
Ты в ликах забавленный,⁷ аз же леса знаю.
На охоту отпусти, да в лесах гуляю.

П е н е у ш

Любезная дщи моя, не могу держати,
Яко ⁸воли я и сам⁹ обыкл пребывати.
Блюдися вепря, блюдися елenia,
Не буди пища, зверями снеденна.

Д а ф н и с

Лук мой силен есть,¹⁰ другини надежны,
Никий¹¹ зверь ¹²от наших рук¹³ не будет избежны.¹⁴
Аще что и получим в дар ти приносити,
Потщуся с радостию даром тя почтити.

⁹⁰ Венус Б. ⁹¹на чем Б. ⁹²Плодное Б. ⁹³жито Б. ⁹⁴страстный Б.
⁹⁵ есть Б. ⁹⁶беже Б. ⁹⁷Себеирт Б. ⁹⁸⁻⁹⁹что имели Б. ^{100-11. 1} благоприятны погоды Б. ² во Б. ³ чисто Б. ⁴ воспеваем Б. ⁵ придох Б. ⁶ воспеваем Б. ⁷ забавленный Б. ⁸⁻⁹ я и сам в воли Б. ¹⁶ Нет Б.
¹¹ Всякий Б. ¹²⁻¹³ от рук наших Б. ¹⁴ избежный Б.

П е н е у ш

¹⁵Убо приставленный¹⁶ мой, в путех скорошествен //
Гермий,¹⁷ иже во свете повсюду известен!
Дианна пресветлая, посли ми Гермия!

л. 142 об.

Д а ф н и с

Не медли, отче, проси¹⁸ скоряе всех¹⁹ Дия.

Г е р м и й

Коль многоделен при небесном Фебе
И многосветлых планетах²⁰ на небе,
Одержим всеми, а²¹ к тебе, Пенею,
Скорыя крила²² на главе имею.
Вся уничтожих, имам к тебе дружбу,
Готов к Дафниде некосен на службу.
Изволь, ²³что тебе леть,²⁴ повелевати,
²⁵Воскоре выну²⁶ готов сотворяти.

П е н е у ш

Вем, благообразнейший,²⁷ тя²⁸ благоразумна.
Храни дщерь мою в путех²⁹ от зверя безумна.
Идет на лов во³⁰ лесах, да не заплутает,³¹
Ты можеш хранити ю, твой разум то³² знает.

Г е р м и й

Едина препона мне — Венеры боюся,
Обаче не запретит, уже я потщуся. //
Егда разгневается малая³³ Купидо,
Храни, о прекрасная! честь свою, а Дафнидо.

л. 143

П е н е у ш

Иди, дщи, последствуй сей дражайшей персоне,
Буди без опасствия³⁴ ниже о драконе.
Аз же веселящися теку в путь свой паки,
Стези мои скорыя суть³⁵ и³⁶ единаки.
Ты, ³⁷Клериндо, с прочими последствуйте дщери,
Пребудите³⁸ в радости ловящия звери.

Пение

О небо ясно, почто изменяеш,³⁹
Скорую горесть Дафне⁴⁰ обещаеш?
Иди, Дафнида любезная, с ними,
С девы своими.

Д а ф н и с

Кто, кто охотный служити Диане,⁴¹
Охотных богинь в ефезийском⁴² стане
Рад слыша⁴³ трубы и псовые гласы,
⁴⁴Идем в путь на лов⁴⁵ со благими часы.

^a Испр. по Б, в ркп. өя.

¹⁵⁻¹⁶ Прииди, пресветлейший Б. ¹⁷ Гермия Б. ¹⁸ просити Б.
¹⁸⁻¹⁹ всех скорее Б. ²⁰планитах Б. ²¹ аз Б. ²² крыла Б. ²³⁻²⁴ тебе
лего что Б. ²⁵⁻²⁶ вскоре, вскоре Б. ²⁷ благообразне Б. ²⁸ Доб.
быть Б. ²⁹ пути Б. ³⁰ в Б. ³¹ заблуждает Б. ³² да Б. ³³ малей-
ший Б. ³⁴ опасствие Б. ³⁵ текут Б. ³⁶ Нет Б. ³⁷ И ты Б. ³⁸ Придите
Б; доб. щасливы Б. ³⁹ раздражаеш Б. ⁴⁰ Дафнис Б. ⁴¹ Диане Б.
⁴² ефезинском Б. ⁴³ слышать Б. ⁴⁴⁻⁴⁵ Идет той на лов в путь Б.

Кто неохотный, не рад ⁴⁶ слыша тая,⁴⁷
Останся в доме, ничто же не зная. //

№ 143 об.

К л о р и н д а

Я ⁴⁸ иду рада ⁴⁹ с тобою повсюду,
Сердце в охоте утеша, пребуду,
И вся моя мысль за зверем ганяти,
Егда увижу елена — стреляти.

Н и з и д а

Что же и во мне — рада бы⁵⁰ гуляла,
Хотя и в поле отнюдь не бывала.
Егда услышу охотники многи,
Там же имею готовыя ноги.
Хотя моя мать⁵¹ того устрегала,
Очи на платнах — мысль в поли гуляла.

Д а ф н и с

Велий дар богов, — мысль моя гадает, —
Кто по природе во охоте знает.
Коль сладки гласы⁵² охотничья крика,
Егда услышу — радость превелика.

К л о р и н д а

Там медведь сильный, там дикия вепри,
А когда внидеш в далекия дебри,
Там с страхом ⁵³ зверь видя тя и якобы⁵⁴ плачет, //
Охотник же в радости без памяти скакет.
Лисы,⁵⁵ зайцы и волки егда наганяют,
С велиим их торжеством весел закалает.

Н и з и д а

Правда, несть охотнику погоды нимало,
Земля ему ложе есть, небо — одеяло,
Запомнивши и жены своей⁵⁶ в доме млады,
Яже ждет тоскливая чрез всю нощь со чады.
Однако и в нуждах сих ⁵⁷ весел есть и здравы,⁵⁸
Приятны ми видятся охотников иравы.

К л о р и н д а

Щасливы девы, яже⁵⁹ при Диане,⁶⁰
Утехи несть вам в ефезийском⁶¹ стане
Кроме за охотою по горам⁶² гуляти,
Дикия лани, елени стреляти.
Просите богов, да нам щастие даруют
И ныне на ловах нам тии⁶³ да пособствуют.

Н и з и д а

Время итти нам,⁶⁴ вечер⁶⁵ приближает.

Д а ф н и с

Идем, и я видела: елень прескаает⁶⁶ //

46—47 слышать тоя Б. 48 Аз Б. 49 радостна Б. 50 Доб. я Б.
51 мати Б. 52 трубы Б. 53—54 звери видя яко Б. 55 Доб. и Б.
56 своя Б. 57—58 весело есть здравый Б. 59 еще Б. 60 Дианне
Б. 61 ефезинском Б. 62 горах Б. 63 те Б. 64 Нет Б. 65 Доб.
себе Б. 66 претекает Б.

Там много волков, в ночи зело выли.

Н и з и д а

Болши елени многия там были.

Д а ф н и с

Тебе, Дианно,⁶⁷ верно посвящаю
Роги елени, аще изымаю.

К л о р и н д а

И я лоб волчий.

Н и з и д а

Я кожу лисицы.

Д а ф н и с

Время есть, идем, любезны девицы!

Я В Л Е Н И Е 3⁶⁸

П а с т ы р ь 1

Ну, другие пастыри, страх наш есть известен,
Однако ж мир сладостьюми⁶⁹ есть зело прелестен,
Хотя мы и⁷⁰ ведаем, что змий часто ходит,
Видимую смерть всегда с собою приводит. //
Едина надежда нам — рука Аполлона,
Может защитити нас от лютя Питона.
Ну, другие пастыри, есть крапля⁷¹ забавы,
Выпьем мало в радости не для нашей славы.

л. 145

П а с т ы р ь 2

Зело усердно хощу, дажь ми пити мало,
Дабы сердце малейшу утеху прияло.

А п о л л о

Блюдитесь, пастыри, зверь идет, боюся.
Бежите, бежите прочь, я с ним остаюся.
Виждь, звере злейший,⁷² помошь мне суть боги,
Уповаю сломити злых твои роги.
Помози, Фебе, златый лук мой наляцати.
Предстани ми, Паллядо, мудре уязвляти.
Се луком моим и стрелами ныне
Умертвих мудро змия наедине.
Приидите, пастыри, страх ваш пораженный,
Аз же, трудности исполны, зело утруженный.

П а с т ы р ь 1

Како сильная рука Аполлона
Лютаго змия убила Питона? //
Кия возмогут уста восхвалити?
Кую трофею леть есть учинити,

л. 145 об.

⁶⁷ Дианна Б. ⁶⁸ Доб. По обычаям пасущим змий исходящим, его же абие Аполлон уби. От сего пастыри, веселящися и пляшущися, выхваляют Аполлона. Потом Аполлон начен хвалящеся, ругающися купидинным стрелам Б. ⁶⁹ сладости Б. ⁷⁰ Нет Б. ⁷¹ крапля Б. ⁷² злейши Б.

Яко избавил тесъалиску⁷³ страну,
Дающи зверю смертельную⁷⁴ рану?
Токмо хвалим тя и блажити будем,
Яко даровал⁷⁵ ты жизнь нам и людем.

П а с т ы р ь 2

Видящи видех: егда змий хождаше,
Аполлон смело его усреташе;
Он зубами скрежета и гласом шумяще
Аполлона в близости, пожрати хотящи.
Но он, наляцай⁷⁶ лук, в сердце уязвляше.
Славно⁶ избавление в веки буди наше!

П а с т ы р ь 3

Кий бог даровал щастие нам тако?
Кто ему ⁷⁷счини орудие⁷⁸ всяко?
Стрелы, мию, стругал Титан златогривый,
Копейцо Вулкан, перуном игривый.
Милость Иовиша, щастие Паллады⁷⁹ —
Избавил змиина яда наши стады.
Радуйтесь, друзья, веселимся ясно, //
Время нам веселию ныне не опасно.
⁸⁰Буди в веки прославлен, славный Аполлине,
Света управителю солнечна едине!⁸¹
Пием вино в радости, друзья, теперь,
Яко видим мертваго Аполлоном зверя.

П а с т ы р ь 2

Славен, Аполлоне наш, пребуди навеки,
Славу твою умножим между человека!

П а с т ы р ь 4

И мною буди, последним, славимый,
Иже великим и Дием хвалимый.

П а с т ы р ь 1

Что мы воздадим тебе, славный Аполлоне,
Иже⁸² слава паче всех твоя в Геликоне?
Нимфы славны и фавны хвалят тя во веки,
Леса шумна веселят, прославляют реки.
Мы же сердцем простейшим будем величати,
Елико по силе нам, станем воспевати.

Пение

Радуйся, Аполло наш, пастырей избавитель.
Воспеваем ты всегда, Аполло наш, радуйся! //
Тра-ли-ри, тра-ли-ри, тра-ли-ри, тра⁸³
Аполло наш, радуйся!

84 П а с т ы р ь 2⁸⁵

Ну, братцы-товарищи, что мы будем делать?
Аполлона нашего ⁸⁶будем еще⁸⁷ тешити!
Тра-ли-ри, 3. ⁸⁸Будем еще⁸⁹ тешити!

⁶ Испр. по Б, в рук. славен.

⁷³ фесалиску Б. ⁷⁴ смертоносну Б. ⁷⁵ Доб. если Б. ⁷⁶ наляцая Б. ⁷⁷⁻⁷⁸ счинил оружие Б. ⁷⁹ Паллады Б. ⁸⁰⁻⁸¹ Нет Б. ⁸² Ибо Б. ⁸³ Нет Б. ⁸⁴⁻⁸⁵ Нет Б. ⁸⁶⁻⁸⁷ еще будем Б. ⁸⁸⁻⁸⁹ Еще будем Б.

⁹⁰Пастырь 3⁹¹

Фляшка наша, радуйся, будеш ты всегда полна,
Мы веселы при тебе, фляшка наша, радуйся!⁹²

⁹³Пастырь 4⁹⁴

Можем уж⁹⁵ мы⁹⁶ пьяни быть ныне на сей радости.
Аполло светлейший наш, зделай⁹⁷ всегда полную!⁹⁸

Вси⁹⁹

Ну, ну, ну, товарищи, попляшем немножечко¹⁰⁰
Веселы на радости, III¹пора нам домой теперь.
Ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну!
Пора нам домой теперь!²

Пастырь 1

Вемы, что не возмогут пастырские лики
Честь дати достоинства, Аполло велики.³
Помяни ты сам свой лук и златые стрелы, //
Мы не можем изяснить ⁴нашими се⁵ делы.
Сам дажь славу ты себе, сам хвалися ныне,
Мы же отходим, солнца пресветлого сыне.

л. 147

Аполло⁶

Кия могут быть наряды так приятны?
Кому подобны дары благодатны?
Увеселихся сердцем попремногу,
Воздам пославшу славу Дио богу.
Злейшаго змия убих благоющасно,
Застрелих разом в сердце его власно.
Юпитер трясе небом на циклоны,
Место дрожаше,⁸ где его суть стопы,
Но силных едав порази стрелами,
Владеет убо ⁹с огнем¹⁰ перунами.
Моя же мала стрела что содея,
А помощника отнюдь не имея.
Ныне ли, пастырь, радостен хвалюся,
Между пастыри¹¹ за бога почтуся.
О дрожайшая стрела скоролетна!
Будеши в¹² веки со мною советна!
Я — мыслию, ты — делом то чиниши, //
В радости сердце, егда ты летиши.
Не то есть дивно в людей налязати,
Яко же отрок обыкъ есть стреляти.
Отнюдь не дивно на зверя домовна,
Еже¹³ Купидо в людех скороловна:
Цель зело явна, може уязвiti
Перси нагия¹⁴ и мрамор открытый.¹⁵
Что Адонидес в своем злом юдоле
Боялся ветру¹⁶ и не иде в поле?

л. 147

^в Испр., в ркп. людех.

⁹⁰⁻⁹¹ Нет Б. ⁹² Доб. Тра-ли-ри, З-жды, фляшка наша, радуйся Б.
⁹³⁻⁹⁴ Нет Б. ⁹⁵ уже Б. ⁹⁶ Нет Б. ⁹⁷ зделал Б. ⁹⁸ Доб. Тра-ли-ри,
З-жды, зделал всегда полную Б. ⁹⁹ Нет Б. ¹⁰⁰ немножечка Б.
III.1-2 попляшем немножечка. Тра-ли-ри, З-жды, попляшем немножечка
Б. ³ великий Б. ⁴⁻⁵ се нашими Б. ⁶ Аполлон Б. ⁷ кикионы Б. ⁸ дра-
жайше Б. ⁹⁻¹⁰ огнем с Б. ¹¹ пастырми Б. ¹² во Б. ¹³ яже Б.
¹⁴ Доб. суть ея Б. ¹⁵ открыты Б. ¹⁶ змия Б.

Что и Геркулес, во силах цветящий,¹⁷
У своей Иолы¹⁸ на лоне лежащий?
Что и Купидо¹⁹ пера готовляет,²⁰
Славу на земли себе получает?
Что, мои силы подобны ли быша?
Питона змия злейшаго²¹ убиша!
Златолетную мою²² и лук выхваляю²³,
Я²⁴ не на восковая сердца соблюдаю.
Чим будеш хвалитися,²⁵ Купидо? Стрелами?
Или²⁶ летая в сердцах с своими²⁷ крылами?
Силою ли²⁸, луком ли²⁹ отнюдь не хвалися,
³⁰Как я змия поразих,³¹ сему подивися. //

. 148

Слава Юпитерови, славу мне подавшу,
Победою³² над змии мене увенчавшу.
Иду³³ убо³⁴ с пастырми³⁵ на поле прекрасно
Отдохнуть,³⁶ а стадо зде уже³⁷ не опасно.

³⁸ ЯВЛЕНИЕ 4

Венус

Не всегда на лвах свирепых ежжаю,
Ниже в колясах по полям гуляю,
Не всегда в Кипре видят мою славу,
Но всюду мою имею державу,
Восток и запад, юг и север знает,
Как моя слава повсюду сияет.
Слушайте и вы, окиянски вены,
А вы спевайте, стыдные сирены.

Пение

Проснися, проснися, Аргусе стоокий,
Дивися, дивися, Фебе, на небе!
Ты, г. солнце, не беги,
Дафнидустереги. //
О Венус прекрасная,
Веселимся при тебе.
Спевайте, спевайте, красныя сирены,
Играйте, играйте, все музы твоя.
А мы тебе поем,
Богинею зовем.
Обрати лицо твое,
Люби наша пения.
Кто ныне, кто ныне видит перси слабыя,
В флорине, в флорине лугу не сидит.
Стрелу Купидину,
Венусову сыну!
Принеси стрелы своя,
Ликуй с нами навеки!

Сирена 1

Тебе Иовиш скрипетр опущает,
Марс и Беллона выну уступает.
Неодоленный при тебе Алцидес,
Смирен бывает и славный Анхизес.

г В ркп. испр. из О.

¹⁷ цветящий Б. ¹⁸ Толы Б. ¹⁹⁻²⁰ стрелы готовляет Б. ²¹ лютаго Б.
²² стрелу Б. ²³ восхваляю Б. ²⁴ Аз Б. ²⁵ хвалится Б. ²⁶⁻²⁷ в сердцах
летая скорыми Б. ²⁸ и Б. ²⁹ Нет Б. ³⁰⁻³¹ Како поразих змия Б.
³² Победой Б. ³³ Идем Б. ³⁴⁻³⁵ стреляти Б. ³⁶ Отходим Б. ³⁷ будет
Б. ³⁸⁻³⁹ Нет Б.

Сирена 2

Скрытая слава твоя в нас сияет, //
 В тиности море волнами играет.
 Львы по зеленых лугах веселятся,
 По лесах звери пляшущие зрятся.
 Елени скачут со своими чады,
 Сатиры пляшут со всеми дриады.

л. 149

Сирена 3

Ты ли на лугах цветущих сидиши,
 То лепотою вси богини тмиши.
 А на Парнассе когда между боги,
 Тебе приносят услуги под ноги.
 На облаzech ли видим с голубями,
 Сметить не можем скорости очами.
 И между нами, то паче дивимся,
 Тебе служити в век не изменимся.

Сирена 1

Воззрим на воды: киты и делфины,
 Нептун веселый со своими сыны
 Дно окиана тебе отворяют,
 Ложе готовят, на пир призывают.

Сирена 4

О прекрасная, веселися с нами, //
 А мы чествуем малыми дарами,
 Волну взмутивши шумом утешаем,
 На земли славу твою величаем.
 Где твои очи, там радости плоды,
 Каменья, древа, кристаллические воды,
 Вечна погода, вечный зефир веет,
 Эолюс глянуть с облаков не смеет.
 Честные миры и нимфы прекрасны,
 Будите в веки богини согласны!

л. 149 об

Венус

Рада на ваши слова вникаю,
 Похвалу вашу всегда возлюбляю.
 Прекрасны дщери моря глубокаго,
 Глас ваш Парнасса паче высокаго.
 Зде веселюся я паче киприйских
 Пределов своих и паче родийских.
 Кто насладится в таковых забавах,
 Не в насыщенных сиреновых славах?
 Един Улиссес был окамененный,
 Имущи воском ушеса заткнены,
 Нагия девы хоть сладко спевали, //
 Перси пред очи ему открывали,
 Но его очи каменные были,
 Яко склонится ни в чем не имели.
 Прекрасный сын, стрелок преизрядный,
 Любезный, а мне ни в чем не досадный!
 Како Аполло прогневал тя ныне,
 Убивши зверя един на пустыне?
 Златым же твоим стрелам посмевался,
 Во своих силах напрасно ругался.
 Что ж, стерпиш ли ему? Или ты несмелый?
 Ли не отплатиш ты своими стрелы?

л. 150

К у п и д о

Давно хотел жалобу тебе, моя мати,
Как обидил он мене, тебе предлагати,
Но понеже славен есть при музах спеватель,
Носит книгу у пояса, всех вещей гадатель,
Что мне препириатся с ним? Уступлю, я чаю,
За славу его я с ним спорить не желаю.

В е н у с

Не бойся, сыне, такой его славы,
Не ужасайся той на нем приправы. //
Малая пчолка лва лиха кусает,
А ржа железо крепкое снедает.
Буде ты легку обиду вменяеш,
От себя милость мою потеряеш.

л. 150 об.

К у п и д о

Аще досада тебе о том мнится,
То мое сердце люте изострится.³⁹

ЯВЛЕНИЕ 5⁴⁰

К у п и д о

Како ныне Аполло мною посмевался,⁴¹
Еже⁴² победителем над тем эмиемстался,⁴³
Не тако Иовиш, Этну выгубивши,⁴⁴
Ниже Ахиллес, Трою получивши.
Се, на златую удуд⁴⁵ уловленный,
Будет бегати что обезумленный.
Отнюдь не терплю поругания быти,
Имам я силу днесъ свою⁴⁶ явити.
Или не знает,⁴⁷ како есмь сердито?⁴⁷
Учиню сердце его⁴⁸ сквоз⁴⁹ пробито! //
Что ему⁵⁰ дело? Почто раздражает,⁵¹
Утробу мою⁵²безмерно терзает?⁵³
О Аполлоне, еще мя не знаеш,
Како гневити⁵⁴ смел мене⁵⁵ дерзаеш.
Прочее, егда⁵⁶ мне не⁵⁷ покоришся,
В язве⁵⁸сей лютой всегда⁵⁹ продолжишися.
Кую надежду мыслил, Аполлоне,
Уподобити мене при Питоне?
Юпитера, мно, надежду имаше,
Он⁶⁰ много лет мне раболепствование.
Марса ты чаял силу тебе дати?
И он мя имел много убегати.
⁶¹Кую надежду мыслил, Аполлоне,
Уподобити мене при Питоне?⁶²
Палляс⁶³ богиню знаю, знаю, знаю!
«Мудростию, — ⁶⁴та рече, — приклоняю».⁶⁵
Что же на сию уповал безъ силне,
Хотя бы мудр был сто раз многокрылне?⁶⁶

д Испр. по Б, в ркп. воду.

⁴⁰ 4 Б; доб. Купидо, гневаяйся за посмение на Аполлона, возжигает сердце его любовию к Дафниде и призывает Гермиа, да оставит Дафниду в лесах заблуждати Б. ⁴¹ посмеялся Б. ⁴² Яко Б. ⁴³ стася Б. ⁴⁴ угасивши Б. ⁴⁵ мою Б. ⁴⁶ знаеш Б. ⁴⁷ сердита Б. ⁴⁸ твое Б. ⁴⁹ скрозвь Б. ⁵⁰ тебе Б. ⁵¹ раздражаш Б. ⁵²⁻⁵³ напрасно терзаш Б. ⁵⁴⁻⁵⁵ смело мя Б. ⁵⁶ Доб. ты Б. ⁵⁷ Нет Б. ⁵⁸⁻⁵⁹ прелютой весма Б. ⁶⁰ И он Б. ⁶¹⁻⁶² Нет Б. ⁶³ Палляса Б. ⁶⁴⁻⁶⁵ так и речми скла-
нию Б. ⁶⁶ многократне Б.

Что не представил Бахуса при Цере?
Почто и даров не принес Венере?
Се восковое сердце тебе будет, //
Горети присно к Дафниде пребудет.

л. 151 об.

Пение

⁶⁷Проснися скоро,⁶⁸ Аполло, проснися!⁶⁹
Строит⁷⁰ Купидо лести,⁷¹ пробудися.
Не слышиш, оле!⁷² отрок⁷³ побеждает,
Сердце палаёт.⁷⁴

К у п и д о

Се сердце его, се будет пылать,
Устрою крыле по ветру летати.
Полети, убо аз повелеваю,
На любовь сердце гореть ^{е,}⁷⁵ уязвляю.
Прошу всех богов скоро даровати
Меркуриуса,⁷⁶ изволте послати.
Богове силны, прииди⁷⁷ же⁷⁸ убо,
Помощь любовни дать⁷⁹ ему сугубо.

М е р к у р и у с⁸⁰

Оставил Дафнис в лесах за⁸¹ зверями,
К тебе⁸² приидох скорыми крылами.⁸³

К у п и д о

Кто тя пристави⁸⁴ Дафнис устрегати?

М е р к у р и у с⁸⁵ //

Воля всех богов ⁸⁶ от неба⁸⁷ послати
Изволила,⁸⁸ паче Пенея воднаго,
Стрегу бо⁸⁹ Дафнис⁹⁰ от пути труднаго.

л. 152

К у п и д о

Остави в дебре,⁹¹ аз повелеваю.

М е р к у р и у с⁹²

Аз же⁹³ тя, мала, отнюдь не⁹⁴ внимаш.

К у п и д о

Ты ли со мною хощеш препирати?

М е р к у р и у с⁹⁵

Ты ли хощеш⁹⁶ мне повелевати?

К у п и д о

Смею я,⁹⁷ смею тебе запретити!

^еИспр., в ркн. горе.

⁶⁷⁻⁶⁸ Простися вскоре Б. ⁶⁹ простися Б. ⁷⁰ стоит Б. ⁷¹ лестит Б.

⁷² Нет Б. ⁷³ Доб. тебе Б. ⁷⁴ распальяет Б. ⁷⁵ весма Б. ⁷⁶ Меркуриуша Б. ⁷⁷ приидите Б. ⁷⁸ Нет Б. ⁷⁹ дам Б. ⁸⁰ Гермий Б. ⁸¹ со Б. ⁸² Доб. же Б. ⁸³ ногами Б. ⁸⁴ постави Б. ⁸⁵ Гермий Б. ⁸⁶⁻⁸⁷ изволи Б. ⁸⁸ от небесе Б. ⁸⁹ убо Б. ⁹⁰ Дафниса Б. ⁹¹ дебрех Б. ⁹² Гермий Б. ⁹³⁻⁹⁴ нимало тебе днесь Б. ⁹⁵ Гермий Б. ⁹⁶ хощеши Б. ⁹⁷ аз Б.

М е р к у р и у с⁹⁸

Кто тебе смелость имел^{жк} поручити?
Воля всех богов — стражем приставленны,
Ростопчу тебе, отроче безделный!

К у п и д о

Стой, убо мало скажу мою смелость,
Славы моей явлю тебе целость.
Иду к матери моей⁹⁹ жалобу явити. //

М е р к у р и у с¹⁰⁰

Отнюдь не будеш^{IV, 1} мене устрашити!
Вем, откуду сей вымысл учинися:
Некто Купиде посмешник явися.²
Иду к Дафниде, чтоб не заблудила,
Хотя по лесам мене утрудила.

В е н у с

В море пространном хотя я гуляла,
Велию в мысах отраду прияла.
Ныне по лугам гуляти желаю,
Где отдохнути, где сести — не знаю.

К у п и д о

Мати драгая, сказати не смею,
Какову печаль я ныне имею.

В е н у с

Кто тя прогневал?

К у п и д о

Страж, что при Дафниде,
Пришедши ко мне в жесточайшем виде.
Изволила ты когда приказати
Мне Аполлону возмездие дати, //
Я сердце его с пламем учинивши,
Спящему в перси Аполлу вложивши.
И с смехом хотел ему отплатити,
Стражка Дафниды имел пригласити.
Стал воспрещати оставить едину,
Дабы,вшедшая едина в пустыню,
Путь потеряла, а потом блудяща
Устретила бы Аполла стояща
И от него бы всегда убегала,
С оловом стрела то бы учиняла.
Он же чють меня, чють не ростопташе,
Зол мне явися, хотя мя любляше.

В е н у с

О час бещастный! Везде мне помеха,
Нигде не придет мне в сердце утеша!
Лжеш ты на него, мне он не противен.

^{жк} Испр. по Б., в А. имех.

⁹⁸ Гермий Б.
²⁻³ Нет Б.

⁹⁹ Нет Б.

¹⁰⁰ Гермий Б.

IV, 1 имаши Б.

К у п и д о

Не лгу, о мати!

В е н у с

В том ответ мне дивен.

Н и м ф а //

Не дивно и то, красная богини,
Что Меркуриус прогневался ныне:
Тихое море волнами играет,
Фебус веселый пасмурный бывает.
Он при девице в полях утруженный
От Купидина сего прогневленный.
Даждь какой-нибудь знак, когда он придет,
Тогда с честию к Парнассу отидет.

л. 153 об.

В е н у с

Изряден совет! Прими убо тое,
Прекрасный сыне, яблоко златое;
Покажи сие, он тому поверит,
Жестокость свою к склонности пременит.
Аз же иду в Кипр с славою сидети,
И ты имей вскоре там же прилетети.

К у п и д о

Теперь мне желание, теперь исполнися,
Яко милость матери ко мне изъявиша:
Вручила сие на знак ради совершенства,
Против Меркуриуса мне сопротивленства.
Приди во скорости, ныне призываю, //
Знак моей матере тебе предявляю.

л. 154

М е р к у р и у с

Что мене во скорости паки призываеш?
Что за знак от матери твоей предлагаеш?³

К у п и д о⁴

Се знак Венеры, ⁵матери мне⁶, сущий,
⁷Можеш ли сему быть веру имущий?⁸
Мне приказала тебе запретити,
Отнюдь не изволь к тому при ней быти,
Остави в лесах едину блудящу,
⁹Я с¹⁰ Аполлоном во времяя усрящу.

М е р к у р и у с¹¹

Отхожду, убо Дафнис оставляю,
Тебе ¹²по сему¹³ не сопротивляю.

К у п и д о

Се уязвленное сердце ныне мною!
¹⁴Палати в сердце¹⁵ Аполла устрою.
Гори любовным огнем на Дафниду,
¹⁶Донеле паки с¹⁷ стрелами прииду.

⁴ Доб. Что ты еще? Буду ль я так ждущий? Б. ⁵⁻⁶ матки моей Б.
⁷⁻⁸ Вериш ли сему? Та волею Феба Послала знак сей найдскою со неба Б.
⁹⁻¹⁰ Аз со Б. ¹¹ Гермий Б. ¹²⁻¹³ уже по сем ся Б. ¹⁴⁻¹⁵ Пылати сердцем Б. ¹⁶⁻¹⁷ Доколе к тебе з Б.

Приими, силнейший¹⁸ богатырю, убо
Еще ти придаш пламени сугубо. //
Ныне зарею на дневном розсвете
С Дафнидо сей не будет¹⁹ в совете.
Напущу стрелу, оловом счиненну,
И Аполлону быть непокоренну,
Его же раню златою стрелою,
Да исполнится любовию злою —
Будет бегати, по лесам ганяти,
Кровь же от сердца напрасно лияти.

20 А П О Л Л О

Место мне прекрасное сон наведе сладкий,
Егда очи видели зрак богини гладкий.
Многое видение сон мне имел дати,
А подробности того не помню сказать.
Только сердце, не знаю, чего мне желает,
Венеру прекрасную в память представляет.
Я тоя видением иду насыщуся,
Потом к пастырем моим паки возвращуся.²¹ //

ЯВЛЕНИЕ 6²²

Д а ф н и с

Кое нещастие устретило ныне,
Мне за зверями единой в пустыне?
Бех со другини, елени сретоша
И вси за ними ловить побегоша,
Аз же остался единая, бедна,
Вижду — пустыня, оком неизследна.
Камо бежати? Никто не отзася.
Гей, Клориндо! Гей, Низидо! — Несть гласа.
Чаю, и вы мя, в лесе заблуждениы,
Ищете всюду, мои возлюбленны.
О, злое щастье²³ и страх мне приходит,
Кто мя в дорогу правую выводит?
Зверь мене может напрасно пожрати,
Куды мне, бедной, куды убежати?
Ах, как²⁴ в пропасти и в ночи так темной
Заблудих, бедна, во глубине земной.
Посли ми, боже, помощника вскоре,
Да мя проводит²⁵ стезями на поле. //
Пойду далее, обрящу тропину,
Пойду на страну всегда на едину.
Может быть,²⁶ весь где близко лежаша,
или²⁷ пастыря на поля ходяща.

А П О Л Л О

Едва²⁸ по ноши день имел настati,
Чим буду с фавны себе забавляти?
Стружу труцины и стрелы готову
Зде не без страха на бестию злую.
Однако страх мне ныне отдаленный,²⁹
Егда змий лютый мною застреленный.³⁰

¹⁸ силнейши Б. ¹⁹ будеш Б. ²⁰⁻²¹ Нет Б. ²² 5 Б; доб. Дафнис, заблуждься в лесах, обретает Аполлона и молит его, да изведет. Аполло же, любовию к ней возгоревшися, преклоняет ю к себе. Его же усретши, Купидо посмеивается Б. ²³ щастие Б. ²⁴ так Б. ²⁵ проводит Б. ²⁶ быти Б. ²⁷ Доб. взышу Б. ²⁸ Егда Б. ²⁹ удаленный Б. ³⁰ побежденный Б.

Д а ф н и с

Хожу³¹ по лесам, но³² токмо кружкаю,
Никого еще жива не видаю.

А п о л л о

Откуду, прекрасная девица,³³ ходиши
Так в глухом³⁴ лесе? ³⁵Ни ли³⁶ ты блудиши?

Д а ф н и с

Я за еленем семо забежала
И от подружий моих так отстала.
И тако мой путь куды — позабыла, //
Ноць же темная в том предуспешила.³⁷
Заблудих тако. Аще ти есть мощно,³⁸
Изведи на путь, молю ти ся тощно.³⁹

л. 156

А п о л л о

Рад, о госпоже, тебе послужити,
⁴⁰Воскоре могу⁴¹ на свет выводити.
Кая богиня тако искушает?
Паче Дианы⁴² красота⁴³ сияет.
Во правду, хотя тако утруждenna,
В красоте же ⁴⁴та отнюдь неизменна.⁴⁵
Мое сердце, ⁴⁶зря на ню,⁴⁷ зело распалися.
Како ти, честнейшая,⁴⁸ быти зде случися?

Д а ф н и с

Уже вам⁴⁹ поведала, что мя испытуеш?
Молю токмо — бедной мне путь да показауеш.

А п о л л о

Молю, госпоже, молю благощасно:
Приближися зде ко мне неопасно,
Даждь ми твоє светлое лицо соглядати,⁵⁰
Любезнаго твоего имене познати,
На мягкой⁵¹со мною зде траве⁵² отдохнути, //
Благонаставно потом изведу тя в пути.

л. 156 о⁶.

Д а ф н и с

Вижду, яко листиши ми,⁵³ юноше любезный,⁵⁴
Слыши⁵⁵ глаголы твои зело неполезны.
Отиди прочь или зде останся в пустыни,
Верно, отложилася я ⁵⁶жити во⁵⁷ благостины.
Иду еще далее, ⁵⁸ты мене⁵⁹ не нуди,
Отиди прочь или зде в пустыни пребуди.

А п о л л о

О! безщастие мое в сердце даде рану!
Иду, ей последую,⁶⁰ в веки не отстану!

³¹ Хожду *Б.* ³² не *Б.* ³³ девица *Б.* ³⁴ глубоком *Б.* ³⁵⁻³⁶ или *Б.*
³⁷ преуспешила *Б.* ³⁸ мощно *Б.* ³⁹ тощно *Б.* ⁴⁰⁻⁴¹ вскоре возмогу *Б.*
⁴² Дианы *Б.* ⁴³ красотой *Б.* ⁴⁴⁻⁴⁵ nimало отмenna *Б.* ⁴⁶⁻⁴⁷ нань зря *Б.*
⁴⁸ чистейшая *Б.* ⁴⁹ аз *Б.* ⁵⁰ оглядати *Б.* ⁵¹⁻⁵² зде траве изволь *Б.*
⁵³ мя *Б.* ⁵⁴ любезны *Б.* ⁵⁵ Слышу *Б.* ⁵⁶⁻⁵⁷ жити во *Б.* ⁵⁸⁻⁵⁹ мене
ты *Б.* ⁶⁰ последствуяй *Б.*

К у п и д о

Сей есть теперь⁶¹ богатырь превыше⁶² Арктуры,
Началнейший⁶³ небесных всех⁶⁴ бегов и натуры.
Сей, стреляй,⁶⁵ прежде ⁶⁶в сердцу⁶⁷ о мне посмевался,⁶⁸
Узрите⁶⁹ ныне, каков Аполлон сейстался:⁷⁰
Не нужна и цитра есть, книг недосуг зрести,
Едину Дафнис всегда радостен смотрети.
Смотрите, как силны суть стрелы моя выну,
Кую Аполлон себе дарует измену.
Может ли прекрасныя страж быть Ариадны, //
Иже³ устрегаяй чрез лябиринт⁷¹ изрядный,⁷¹
Естьли и в Колхах⁷² приступ до волны златыя,
Но⁷³ Язона быть удобъ может склонна выя.
Да придут вси в храбрости этерния⁷⁴ силы,
Против моих твердейших что бы учинили?
И вы, в гневе марсовом кующия млатом,
Трудно кровавым всегда люющися⁷⁵ потом,
Можете⁷⁶ всю нужду вси⁷⁷ на свете сносити,
Моей же любви⁷⁸ никто может⁷⁹ одолети.
Я⁸⁰ стреляю во сердца — язва неотятна,
Язва всегда горкая — моя же приятна.
Стрелу с⁸¹ сладостным огнем ⁸²златую имею,
Аполлону пламени еще я развею.⁸³

ЯВЛЕНИЕ 7⁸⁴

А полло

Не могу аз памяти в себе утвердити,
Яко имех ⁸⁵вид мой⁸⁶ весь в горесть пременити.
Како то? Что видящи в пучинах⁸⁷ глубоких,
Света ныне не вижду в лесах не широких? //

Пустынею окружен, в большую же вниду,
Донеле прекрасную обрящу Дафниду.
Пойду, ищащи ее,⁸⁸ хотя б в Каледоны,
В частейший лес атческий,⁸⁹ острыя⁹⁰ Эдоны.
Хотя и герцынских мне дебрей доходити,
Где зима, снег никогда не имать сходити,
Пойду, чужестранными ветрами носимый,
Дафниды любовию несытно гонимый.
О горе! Откуду ⁹¹огнь во мне⁹² сей⁹³ бывает?
Паче сицилийских⁹³ всех коминов налаает!
Твоими утехами, девице благая,
Во мне учинилася рана сия злая.
Полно мене мучити, вынь стрелу из бока,
Еже мне уткненная⁹⁴ над змия широка.
Сипридо,⁹⁵ силнейшая в тигриской Мореи,
Дымом благовония курятся⁹⁶ в Сабеи,

³ Испр. по Б., в А Или. ⁷¹Испр. по Б., в А лябиринт.

⁶¹ ныне Б. ⁶² превышище Б. ⁶³ Началнейших Б. ⁶⁴ Нет Б.
⁶⁵ стреляя Б. ^{66—67} Нет Б. ⁶⁸ посмеялся Б. ⁶⁹ Видите Б. ⁷⁰ стася Б.
⁷¹ изрядны Б. ⁷² Колах Б. ⁷³ На Б. ⁷⁴ сотренная Б. ⁷⁵ люющия Б.
⁷⁶ Может Б. ⁷⁷ Нет Б. ⁷⁸ любве Б. ^{78—79} может никто Б. ⁸⁰ Аз Б.
⁸¹ имам Б. ^{82—83} перевиту, Склонных, аки ма иглу к камени магниту Б.
⁸⁴ б Б; доб. Аполло печалиящися прохождает по лесам и, обретши Дафниду, паки к себе приглашает, яже от него вскоре избегает Б. ^{85—86} мой вид Б.
⁸⁷ пустынях Б. ⁸⁸ ея Б. ⁸⁹ аттически Б. ⁹⁰ в острые Б. ^{91—92} сей огнь во мне Б. ⁹³ сицилийских Б. ⁹⁴ вонзенная Б. ⁹⁵ Циприда Б.
⁹⁶ курится Б.

Горкодобровонныя⁹⁷ миры, ливан, наяды,
Ты злыя укрошаеш^к звери леопарды.
Выпусти пламень живый в сердце девы тверды!
⁹⁸О вы, с фавнами, молю⁹⁹ дриады усерды,
Если вам¹⁰⁰могущий огнь^v, ¹ сию распалити, //
Естьли милосердие в любовь мноe склонити,
Дабы на мягчайшей могл траве утружденну²
Получити мне в³ любовь мною возлюбленну⁴.
Где обрящу оную? Кто мне возвещает?
Уже⁵с жалости едва⁶ дух во мне бывает.
Только ли,⁷ что эхо зде⁸ и ветр веяй сильный,⁹
Мне в том соответствует со жalem умилный.¹⁰
Дафнидо любезная, где ныне гуляеш?
Что горячести любви¹¹ моей не признаеш?
Вижду след, хоть давний¹² есть, пойду оным следом.
Буду ли, где Дафнис есть, буду ли я сведом?
Се река прекрасная, мысль моя зде чает...
Ах! и любезнейшая моя почивает.
О! чтобы достоил¹³ я ей белое лице
Держать¹⁴ на лоне моем, почившую сице,
Очи пресветлейшая непрестанно зреши,
Руку драгоценную подержавше смети.
¹⁵Что мыслиши, бедное сердце мое, ныне?
Почто не поймаеш бегца наедине?
Сия Дафнис, для ней же всегда умираеш,
С горестию день и нощ зле препровождаеш. //
Се имаш в руках твоих, аще ю урониш,
Уже потом с Пегазом быстрым не догониш.¹⁶
Что я¹⁷ убо соторю? Жалко взбудити,
Егда¹⁸ уйдет, то лишен света буду зреши.
Вижду же однако:¹⁹ та главу подъимает,
Ясны свои кристалы от сна протирает,
Уже²⁰ воста²¹ и власы в чепец убирая.
Смей, Аполлоне, приди!²² Смей, не откладая!

л. 158

л. 158 об.

Д а ф н и с

Кто приходит близ мене ²³в лес²⁴ уединенной?
Ким быти чаю на путь провожденной?
Кто умилосердися — уби мя воскоре,
Ниже пребуду стражда во злайшем сем горе.

А п о л л о

Удобее речная стремления станут,
Неже²⁵ твоей светлости вразие предстанут,
Непотребная рука кая бы хотела
Взмах особы твоего дерзнути имела?
Ты едини ходиши в дебрех зло безмерно,
Аз тя изведу на путь, положися верно.
Со мною обрящещи, девице честнейша,
И товарищев²⁶ твоих, мною любезнейша. //

^к Испр., по Б, в А укрощает.

⁹⁷ И горкодобровонные Б. ^{98–99} Будите, молю вас Б. ^{100–v, 1} огнь
могущ Б. ² утружденный Б. ³ Нет Б. ⁴ возлюбленны Б. ^{5–6} едва
от жалости Б. ⁷ ми Б. ^{8–9} ветром веяй сильным Б. ¹⁰ умилным Б.
¹¹ любве Б. ¹² давний Б. ¹³ достоин Б. ¹⁴ держал Б. ^{15–16} Нет Б.
¹⁷ аз Б. ¹⁸ Доб. же Б. ¹⁹ однако Б. ²⁰ Доб. бо Б. ²¹ воставши Б.
²² приити Б. ^{23–24} зде Б. ²⁵ ниже Б. ²⁶ товарищей Б.

Д а ф н и с

Ты ли пастырь той, иже и прежде прелещаше,
Хотячи вон вывести, в дебрь же заводаше?
Не медли напрасно зде, знай свою дорогу,
Боги мене выведут²⁷ отсюду, убогу.
Надежнее, видя я²⁸ зверя, пребываю,
Ниже человеческим лестем уповаю.

А п о л л о

О! аще бы я²⁹ до сердца моего
Кришталы ясны зрения твоего
Возмогл впустити, чтобы ты узрела,
Какая³⁰ мне ревность в персех возгорела!

Д а ф н и с

Далеко неба³¹ видиш отстояща?
Далее моя мысль не согласяща.
Се токмо вижду: древа, горы, нивы,
Быстрошумящих³² водные разливы.
Уби мя, древо, горы, придавите!
Водные волны, молю, потопите!
³³О леса, вы мя ныне пощадите,
Лва или волка на мя испустите. //
Унене буду сими умерщвленна,
Нежели воли сего подклоненна.³⁴
Аще и греха злого невиновна,
Обаче винна, яко злу подобна.

А п о л л о

О немилосердая! доколе томиши?
Почто милости своей склонной не явиши?
³⁵Твоих очей яснейших и лепоты вина,
Ты уже смерти моей будеши причина.³⁶
Не убегай прочее, ко мне умилися,
На един малейший час, молю,³⁷ приближися.

Д а ф н и с

Не уповай, не могу склонна тебе быти.
Доколе мя³⁸ будеши, бедную, гонити?³⁹
Иду еще далее. Что ты помышляеш?
Уловити мя к себе отнюдь да не часеш.
Сердце мое не к тебе, на мене не лстися,
Пропу не стужати ми, в путь свой возвратися.

А п о л л о

О немилосердая, твердости несклонна,
Подавлена тернием роза⁴⁰ благовонна! //
⁴¹Не отстану я отнюдь⁴² на земли, на море,
Дойду милости ея и любви воскоре.
⁴³Аще бы чрез огнь, чрез меч имела бежати,
Уловлен любовию, не могу отстати.⁴⁴
Хотя бы⁴⁵ и в землю скрьет Прозерпина,⁴⁶
Нигде не уйдет Дафнис Аполлина!

²⁷ изведут Б. ²⁸ аз Б. ²⁹ аз Б. ³⁰ Кая Б. ³¹ небеса Б.
³² Быстрошумящая Б. ³³⁻³⁴ Нет Б. ³⁵⁻³⁶ Нет Б. ³⁷ ко мне Б.
³⁸⁻³⁹ бедную, будеши томити Б. ⁴⁰ лоза Б. ⁴¹⁻⁴² Отнюдь не отстану я Б.
⁴³⁻⁴⁴ Нет Б. ⁴⁵ Нет Б. ⁴⁶ Прозерпина Б.

ЯВЛЕНИЕ 8⁴⁷

Д а ф н и с

Ах, как долго бегала по темной пустыне,
Едва достигла тебе, драгий отче, ныне.
Ухожду я, нужная, с душою чуть жива,
Буди рука отческа в помошь милостива.

П е н е у ш

Хоть я и вижду лицо моей дщери,
Печален, видя смутную без меры.
Что за причина?

Д а ф н и с

Не знаю сказати,
Пастырь ли сатир не может отстати. //
Гонит мя, гонит, повсюду гоняет,
Едва богиня живу сохраняет.

л. 160 об.

П е н е у ш

Или погубить хощет тя гонивый?

Д а ф н и с

Не погубити, отче милостивый,
Но сохраняти живот мой желает,
Не к честной воли он меня склоняет.
Лутче между Сиртами желаю пропасти,
Нежели в безчинныя в руце его власти.

П е н е у ш

Восхваляю честь твою и умысл правдивый,
Утеха прекрасная, и стан твой стыдливый.
Однако размышляю: кто тя постигает?
Не Аполло ли славный, что всех превышает?
Он есть старовечного сына Гиперикона,
Той разом сильнейшаго застрелил Питона,
А я слышал про него зде на земли суща
И овцы адметовы на поле пасуща.

Д а ф н и с

Так, любезный отче, есть, котораго силы
По славной Фессалии все превозносили. //
И по виду я сама его признавала,
Яко в очесах его та слава сияла.
Только бог ли, человек или храбр муж буди,
На свою лесть он мене в веки не принудит.

л. 161

П е н е у ш

Неспешно, дщери, происноси слово,
Во многих служить такову есть сердце готово,

⁴⁷ 7 Б; доб. Дафнис, утруждынася, плачется о гонении аполлоновом, юже паки Аполло изобретает и к себе привращает, но Дафнис, не склонившася к Аполлону, призывает Дианну на помощь, юже Дианна пришедши в древо претворяет Б. ⁴⁷⁻⁴⁸ Нет Б.

В таковое племя всяк рад бы был входити,
Не токмо свойственником, но рабом служити.
Помысли в небо, коль многия были
И в славу божескую потом доступили?
Как честну Плеиаду небо учинило,
Атлянтиду с дщерьями седми возвысило,
Только Иовиш из них едину любяще,
Чином в небе всех себе при ней поставляше.
Так же и ты, дщерь моя, возлюбившу богу,
Удержи от беганья пред ним свою ногу.
Он, приявши за жену, имать тя почтити,
Дом и пришлых у тебе в веки посвятити.
Что бо в людех тебе есть, что же и пустыня,
Егда так пресилная будеша богиня? //

л. 161 об.

Д а ф н и с

Ах, и ты, о отче мой, жестокость являешь,
Егда о таковых же советах вещаеш.
Лучше мне нужда моя, пустыня, дорога,
Нежели честь такова безстыдного бога!

П е н е у ш

Ужасно противности о богах вещати.

Д а ф н и с

Не изволь мя, отче мой, болше принуждати,
Уже бо обыкла я в чистоте пожити,
Тем победительница могу над ним быти.
Любит он мене, вижду, и будет любити,
Только немощна я своего сердца наклонити.
Аще сердце самое любви не познает,
Кто может склонить его и кто застrelяет?
Ах, отче любезнейший! Слыши, яко идет,
Сохрани мя, дщерь свою, донеле не придет.

П е н е у ш

Хранися сама, его когда презираеш,
Вижду, что совет ты мой весма откидаеш.⁴⁸ //

л. 162

Д а ф н и с

Ах, едва жива, зело утруддения,
Пастырем злостным всюду погоненна.
Аустрийская ветры, прохладдайте
Перси открыты, в лице⁴⁹ повевайтє.
О пастырю злобный, зело нестыдливый,
Доколе будут очи завистливы?⁵⁰
Уж⁵¹ я кленуся вам всеми богами,
Празден мяtek твой⁵² твоими глазами.

А п о л л о

Что о мне мыслиш, девице благая?
Доволно будеш, мене познавая.
Я⁵² — воин первый между⁵³ боги в небе,
Приди, dragая, познати мя требе.

⁴⁸ В рукп. написано дважды.

⁴⁹ лицо Б. ⁵⁰ завистливы Б. ⁵¹ Уже Б. ⁵² Аз Б. ⁵³ Доб. всеми Б.

Егда ⁶⁵⁴ ты мя видела на солнечном возе,
Рада бы тогда была, видя⁶⁵ мои нозе.
Я — Аполло славнейший, прекрасныя церы,
Я — планета солнечна, имеша⁶⁶ ли веры?

67Д а ф н и с

Отнюдь не вопрошаю того благородства;
Ты ли к богом, пастырю, имеещи сходства? //

Пастырь по всему еси, но хотя бы богом,
Удалися от мене по споре сем многом.

л. 162 об.

А п о л л о

Не дивись, прекрасная, богам то не ново,
Посылают на службу за едино слово.
Иовишу самому Рею хотевшу имети,
Волнистым морем тогда занесен до Креты.
Что и Бахус принужден от убийцев снити
И в тигрийских местех с нуждею служити.
Так и мне воля богов же предстала,
Еже на дела на землю послала.
Я, послушливый, принужден сходить
И ядовита змия погубити.
Хощеши всегда ты едина быти,
Почто за друга мене не имети?
Вериш ли зверя — медведя ли, вепря, —
Иже пожрата может тя от дебря?

Д а ф н и с

Что⁶⁸ ветром ты⁶⁹ слова лиеши напрасно?
Унее жити с зверми ежечасно.
В тяжкости сердца ибо⁷⁰ вздохашо,
Доколе сея злости пострадаю? //

Отверзи землю, в милости безмерный,⁷²
И⁷³ погуби мя адскими Аверны!

л. 163

А п о л л о

Любезнейшая, буди без боязни,
Я⁷⁴ твоей прошу верныя приязни.

Д а ф н и с

Удобее сухости предадутся реки,
Нежели⁷⁵ моя приязнь не будет во⁷⁶ веки.

А п о л л о

Вижду, еже⁷⁷ не могу мягкими словами
Приклонити тя к себе всякими дарами,
То уже иным путем пойду я с тобою
И склоненна будешি конечно ты мною.

Д а ф н и с

Аще ты тако нагло наступаеш,
То имети мя отнюдь да не чаеш.

⁵⁴ бы *Б.* ⁵⁵ видеть *Б.* ⁵⁶ имаши *Б.* ⁵⁷⁻⁵⁸ *Нет* *Б.* ⁵⁹ Почто *Б.*
⁶⁰ *Нет* *Б.* ⁶¹ ныне *Б.* ⁶² безмерны *Б.* ⁶³ *Нет* *Б.* ⁶⁴ Аз *Б.*
⁶⁵⁻⁶⁶ приязнь моя будет в *Б.* ⁶⁷ яко *Б.*

А п о л л о

Склоню неволно под мои тя руки,
Да не буду так страдать сея муки.

Д и а н а⁶⁸

Стой, Аполлоне, недвижим пребуди, //
На моих лестно и нагло не буди.

Д а ф н и с

О богини скорая, яже еси в⁶⁹ небе,
С горчайшим сердцем взываю к⁷⁰ тебе!
Услыши ныне в эфезинских долех,
Яже слышала Азия на полех.
Ты Актеона от псов неизбежна
Содеяла и⁷¹ многим всегда ты надежна.
Утеши мене, к тебе прибегаю,
Диано, к⁷² тебе веру полагаю.
Тебе от чрева обещася быти,
С тобою въкупе умрети и жити,
Покры мя камнем⁷⁴ и листвием твоим,
Приими к себе под покровом своим.

Д и а н а⁷⁵

Вем тя, мне преданную а⁷⁶ еще от чрева,
Сохраню⁷⁷ обиды тя,⁷⁸ пречестная дева.
Буди чувствующий⁷⁹ теперь, славный⁸⁰ Аполлоне.
Видиш ли, кто теперь⁸¹ деве в обороне?
Прощайте, нимфи, воспойте, дриады,
Иди, Аполло, вспять на свои стады. //
Почто тако нагло ты наступил к Дафниде
Ради дружелюбия во прелестном виде?
Буди древо, абие в древо превратися!⁸²
Се, Аполлоне,⁸³ видя, ныне веселися.

А п о л л о

Ах, немилосердая, ах, злая богини!
Ныне привела мене⁸⁴ до ⁸⁵горкия стени.⁸⁶
Или бы не могл тебе ⁸⁷я то заслужити,⁸⁸
Что так восхотела⁸⁹ мя, бедна,⁹⁰ погубити?
О благий Юпитеру, носимый орлами,
Своими ⁹¹мене убий⁹² ныне перунами,
Звери люты напусти, да мя разтерзают,
Да не тако очеса со сердцем страдают.
О бедный Аполлоне, то ли ти утеша,
Которая привела⁹³ напраснаго греха?
О любезная моя Дафнида прекрасна,
Почто учинила мя на земли злочасна?
О сердце беднейшее, до чего страдало,
Радости малейшия⁹⁴ отнюдь не видало?⁹⁵
О любовь сладчайшая, чим ты наградила,

⁶⁸ Дианна Б. ⁶⁹ Нет Б. ⁷⁰ ко Б. ⁷¹ Нет Б. ⁷² Дианна Б.
⁷³ в Б. ⁷⁴ каменем Б. ⁷⁵ Дианна Б. ⁷⁶ и Б. ⁷⁷ Доб. от Б.
⁷⁸ Нет Б. ⁷⁹⁻⁸⁰ ныне славны Б. ⁸¹ ныне Б. ⁸² претворися Б.
⁸³ Аполло Б. ⁸⁴ мя Б. ⁸⁵⁻⁸⁶ горкой причины Б. ⁸⁷⁻⁸⁸ за то услу-
жити Б. ⁸⁹ захотела Б. ⁹⁰ бедно Б. ⁹¹⁻⁹² уби мя Б. ⁹³ довела до
Б. ⁹⁴ нималая Б. ⁹⁵ прияло Б.

Остатния⁹⁶ радости, о горе! лишила. //
Видяши лицо токмо, был бы я доволен,
Очи непрестанно зря, не был доволен.
Ныне лишен радости, о горе мне, бедну!
Ничто мя увеселит, быти безсоветну.
О палма честнейшая, слышиши ли, бедна?
Услыши ныне моя словеса последия.
Хотя⁹⁷ изменилася ты в⁹⁸ древо безгласно,
Радостно любити тя буду ежечасно.
О ляву, достойнейший хвалы превысокой,
Будут⁹⁹ почитати тя в радости глубокой,¹⁰⁰
Тобою да VI.¹ будут в честь победы венчаны
Главы победителем укоронованы.
Радостен смею таков венец соплетати,
Да буду любезную в век напоминати.
Недостоин² на главу его положити,
Буду же до времени на сердце носити.

л. 164 об.

Г е с п е р у с³

О, как в свете велия измена бывает,
Коим на свете даром прелесть наделяет. //
Видесте смятение Аполлона ныне,
Какостался уловлен в любовной причине.
О благопотребная любви неизменна,
Ты⁴ в днешния времена⁵ во свете⁶ пременна.
Несмелый Аполлоне,⁷ полно в том тужити,
Где нещастием своим не могл склонити
Дафниду, ты любиши⁸ — она убегает,
Возможно, в свое время любовь привлекает.
Ныне с миром отходи, жди у Геликона,
Оживленная⁹ тужить будет Аполлона.
Позлати стрелу твою, поднеси Купиде,
Узриши Дафнис тогда в любезнейшем виде.
Пречестнейши зрители, все еже смотрили,
Мы в нашей возможности кратко изъявили.
Кратко ли¹⁰ вам видится тое¹¹ наше дело,
Аполлону в жалости зело продолжило.¹²
Аще же вам длительно казался быти,
То Аполлон бы еще рад продолжити.
Однако же случаи в доме и на полях
Чинят предложение не по нашей воли.
Елико в сем времени изволили зрети, //
Мы дерзаем за сие вас благодарити,
Тако сие действие будем окончати,
Покорно благодарим, пора почивати.¹³

л. 165

л. 165 об.

⁹⁶ Остаточной Б. ^{97—98} ты изменилася во Б. ⁹⁹ Буду Б. ¹⁰⁰ премен-
ного Б. ^{VI.1} Нет Б. ² Не достоин Б. ³ Эпилог Б. ⁴ Нет Б.
^{5—6} бываеш Б. ⁷ Аполлине Б. ⁸ любиши Б. ⁹ Оживлена Б.
¹⁰ коли Б. ¹¹ сие Б. ¹² продолжало Б. ^{12—13} Елико же в сем из-
волили времени смотрити, Мы дерзаем за сие вам благодарити; В чем же
погрешихом, умом исправляйте, Нас же, скудоумных, в том не осуждайте.
Конец Б.

Б. Папроцкий

НАСТАВЛЕНИЯ РАЗНЫХ ФИЛОСОФОВ О СУПРУЖЕСТВЕ

Основной текст: ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 107—124 об.

НАУКА РАЗНЫХ ФИЛОСОФОВ О ОБИРАНИИ ЖЕНЫ,
А. 107
КАКО МЛАДЫМ ЕДИНИ ПРИСУЖДАЮТ,
ДРУЗИИ ЖЕНИТИСЯ ОТСУЖДАЮТ РАДИ РАЗНЫХ ПРИЧИН

Радостно к тому преклоняйся, что тебе натура^a повелевает, ибо тем погоржая, верь сему, яко то ти повредит. Отдаждь, еже на туре долженствуши, и не похотей вредити ей; родился еси из нея на свет, такожде и иных родити имashi.

О обирании жены философи вкратце поучают.

П и т т а к у с ф и л о с о ф

Оный философ встрети некоего юношу, вопросил: «Ужели совокупился // если законным браком?» Рече юноша: «Рад бы я, А. 107 об но мне то вредит, вижду, что та напасть еще держится мира. И естьли пойму изрядную, то по мысли мне будет, естьли же не благообразна при моем боку сядет, тогда непрестанною печалию сердце болезновать будет, отчего ни очес возвести мне на свой дом возможно будет».

О том же

«Когда же пришел я до того дела, скажи мне, какову, господине, поняти добро жену?» Отвеща философ: «Когда о том хощеш ведати, с какою бы в покое в дому сидети женою, пойми себе равну человечеством, богатеством и с такою будеш в любви истинной. Естьли же богату поймеш, будет ропотлива, и нижайшим ея будеш, и будет тобою владети».

Х и л о н

Той знати юноши даде, когда его // спрашивал, дабы оный приданого не имал, чтоб вместо жены госпожи в дом себе не привел и вечной печали себе не получил, дал бы потом и два вена за первую свободу. Но о том краткими слова я определю: зело то великое вено, когда имеет разум и человечество, никто сего болши ценити может преизрядства.

К л е о б у л ю с

Тот такъже учил юношу, когда пришел до него, дабы жены не поимал из дома богатаго: «Ибо ты восходеш приятелей по ней улучити себе, а они похотят быть господами тебе; но ты когда

^a В ркн. на поле природа.

отдохнути себе восхотел бы, тогда сколко десятим господам имееми служити, приехав в дом, увидиш. И се жена госпожа в такой же чести, аки бы ея братъя, восхощет быть и она».

А н т и с т х е н е с

Научал такъже юношу той философ изрядный, дабы некогда^б жены искал, // но в том был разсудителный. «Естьли б богатую ^{л. 108 об.} поял еси, будет тобою гнушатися, и естьли бы изряднаго была тела, и то бы не находка. Присуждаю же: ищи таковой, с кото-рою бы время жизни твоей было здраво, и для своего богатства тобою б не гнушалася и своею красотою гостей не привлекала».

Д е м о к р и т у с

Идый путем юноша прииде к нему; видя его быти человека зело ученаго, узре же и се: жена мала возраста идет к нему. Оный юноша нача зело удивлятися тому и вопрошаєт мужа оного, толь дороднаго: «Для чего ты товарыща поял еси толь малаго?» Отвеща на те словеса философ ему тако: «Я изволил есмь и взял то, что между злым наименшего увидел».

А в р е л и у с

Того когда спрашивался юноша некий, как повелит — взяти ли жену богату или убогу, хотя без перины — теми // словами отвещал философ премудрый: «Дабы от мене совет желательный уже уведал еси, пойми в богатстве убогу, в добродетелех же богату. Узриш, что не будет то никогда с твоим уроном, ибо всегда добродетель стоит многих богатств, а с богатою когда не по мысли, будеш скоро в нужде».

Л и к у р г у с^в

Того когда вопрошаху, вскую сего возбраняше, дабы никто девице вена не давал, рече: «Воеже бы добродетель и разум нищеты ради не пренебрегома была, и убогая бы с богатою во единой цене была, ибо зело той богатится (уже тому верь всякой), когда разумну жену имеет в своем дому. Всегда такожде и тебе советую, покамест то имееш в воле, смотри постоянно, остави ту, которая спесиво ходит».

П е р и к л и с

К сему когда приехав некий человек богатый, просил у него дщери в жену // и хотел быти зятем. Другой того ж дня приехал ^{л. 109 об.} и был человек ученый, желал, дабы и он дочь его имел себе в жену. Тотчас оную, хотя был и незрачен, даде ученому, глаголя: «Лучше мне всегда ученый богатаго, когда оный, что ныне не имеет, наживет всего, а нежели тот, что ныне богат, помалу всего избудет».

^б В ркп. испр. из никогда.

^в Испр., в ркп. Лукургус.

Фемистоклес

Той когда с супостатом своим в беседе сидел, таков ему совет подавал, дабы то о нем ведал: «Едину токмо дщерь имею, которой богатому, под обещанием сие глаголю, отнюдь не дам; но хотя б убогий, но разумом богатый был моей дщери приятелем и моим зятем. Изволяю я сего, которого богатство снискивает, нежели того, от которого насилиственно бежит».

Олимпиас

Взяв с собою юношу до дому своего, восхоте, дабы во всем совет его // со тщанием соблюл, объявляя ему, что всякий малоумно в том начинает, кто себе жену очима токмо избирает, и рече: «Ты, брате, послушай, какова есть слава о ней, а не сицевой, чтобы имел вено дати отец по ней. Но естьли честно от юности своей поживе, лутши многих богатств будет тебе любима».

До жениха

Присмотрися же зде, брате мой, мудрых людей совету; познаеши, яко то по сем не погубиши, какову имаши жену избрать в чин супружеский святый, паче же когда имеши учение от бога самаго, дабы жил еси в том законе, а не по своей воле и не прохладжался бы яко зубр или лось. Створи же сие по воли, хощеш ли дабы он был с тобою во всяком твоем деле и подавал бы тебе совет во всем всегда. //

л. 110 об. Наука или совет философов юношам, дабы женилися

Менедемус

Сего когда некий вопроси, достойно ли мудрому жену пояти, он отвеща ему: «Веждь, мудрому достоит пояти себе жену, когда умеет владети ею на вся страны, но оному токмо зело шкодит жена, которого по своей воле как точию хощет, так и водит».

Епаминундас

л. 111 Сей хотя был человек разума высокаго, однако ж долго безженствовал, за что от некоего друга, именем Пелопида, от оного короля фиванского наказуем бываше, глаголя: «Почто ни о чем же помышляеши и попечения не имеши, дабы полезен отечеству был еси? Чесо не женишися и дабы сынове были, // которые бы от неприятелей мужественно и верно отечество защитили?»

Метеллий Нумидикус

Сей тако глаголати обычє: «Дабы есмы сие получили и безженно на свете жили, не имели бы есмы вси печали великия, но понеже сего желает похость плоти нашей, которую бог разсудив, повеле всякому, дабы всегда в законе и ему послужен был, сего ради подобает слушати вышняго бога и во всем исполнять повеления его».

К а т о с д р е в н и й

Сей изрядный и ученый человек жизни своея великою славою прославляше такова мужа, который бы мудре, благоразумне умел дом свой правити тако, яко ни в малом чем не погрешил, глаголаше: «Такова всегда быти славнейшаго, нежели бы думнаго господина сенату римского».

К читателю

Видиш, мой любимый брате, те люди // ученые, которые во л. 111 об. всяких добродетелех знаемые уже были, подавали ту науку, воеже бы поял еси жену, но дабы тако ходила на которую хощет сторону не попущай ей Гверха имети никогда над собою^д, за что и бог над тобою будет мстить своей обиды всегда, а та есть воля святая и повеление его, кто оную исполнит, будет в милости у него.

Наука или совет философов младым, дабы не женилися.

Во-первых, Фалес Милесийский

Сей знатный философ и зело ученый, аще бо и многие лета жил, обеща не взяти жены. Внегда же мати моляще его, дабы законным браком совокупился и дабы упрямое свое намерение пременил, отречеся в том матери, во-первых юности ради, а посем, когда уже к поре и постоянству приближился, // прииде л. 112 об. мати к нему и молящи глаголаше, дабы окженился, отвеша ей: «Яко уже несть мне до ней дела, понеже мя старость постигла».

Сократ

Некий юноша вопроси Сократа тезоименитаго, добре ли взяти жену, хотя уведати от него. Отвеша ему оный мудрец: «Сотвори, яко же хощеш и чаеш, а ныне добре без нея глаголати умееш. По сем, когда жену поимеш, воздолженствуеш сам пременитися и вся нравы пременити понудишися, и когда случится о детях и о жене советовать, не единожды думы и помышления твоя будут с тобою братися и ссариватися».

Той же

Сократ обыче глаголати: «Яко три у меня вещи, яже сам добре зрю, в прилежном суть попечении: грамматика, нищета или скудость, лишше же сего злая и лукавая жена, яже всегда в дому имяще творити печаль. И се уже двою лишихся, // тре- л. 112 об. тия же держится мене. И весма всем супружеский чин отрицаает, отсеает или запрещает, ибо когда моя Ксантиппа негодовати начнет, понуждаются мертвая телеса в земли уступити ей».

Той же

Когда два юноши вопрошаху его, хотящия себе браком совокупити, рече к ним философ тако: «О юноши! Слышите, когда

Г-д В ркп. испр. из верха никогда над собою имети.

убо с сетию внидут в воду рыболовы, тогда малыя рыбки, пред сетию плавающе, во оную желают внити, а во мрежи сущыя свободы из нея имети желают, такожде и вы. Советую вам, присно памятствуйте сие: ныне есте свободни, блюдитесь быти в пленении и заключении».

Платон

Когда некий юноша вопроси сего философа, коль скорое время супружеска полагает чина, отвеща, яко юному и младому еще не подобает, древнему ничто же в ней, когда // находится или удоволствуется. Но видя велие желание в юноше к сему супружескому чину, яко зело прилежно уведати от него времени хощет, рече: «Обаче Аристотель о сем написа тако, дабы 35 или менши 18 зыбляще всегда».

Протагор

Егда некий друг прииде к нему ради собеседования, притом помале и втайне вопросы его, глаголя: «Друже, скажи мне истинными словесы, почто свою отроковицу даде супостату?», отвеша: «Веру ими ми, друже мой, яко иначе не возможох ему препятси и гораздо досадити, и за злые и неистовыя дела чем горшим воздати. Предах ему свою отроковицу, жена бо есть мужеску полу пагуба, сие тебе воистинну глаголю».

Поликсен

Сей ветий вопрошен бысть о сем от некоего: почто зело уничижены от него суть жены и чего ради Софокл не соизволяет сего, но яко наилучши // может восхваляет онъя? Отвеща, что «Софокл сице глаголет о них и похваляет, дабы нечто достойнааго уведал по них. Но аз всю повем правду, веждь, что о них пишу — во всех едино мясо, тако от мудрых слышу».

Солон

Когда Солон знатного посети Фалеса, хотя подлинно уведети сия от него причины: почто гнушается женою и чадорождением? Тогда его Фалес молчанием избы и настави странника, аки бы из Афин пришедша, тем же и уготова Солону ответ и сим же ответом зело скоро возгнуша ему брачную радость, и не беседова с ним много о жене и о отроищах.

О тех же, сиречь женах

Внегда Солон увиде странника и, востав к нему, вопроси, аще ли бы что во Афинех слышал новаго, рече странствующий, яко умре тамо сын некоего господина, иже в велицей чести бысть у всего синклита. // Вопроси Солон, какова чина бяше и каково он прозвание имея. Отвеща, яко «забых, аще ми о сем возвещау, однакожде отеческой ради великой породы, иже уже не бысть, весь град ко гробу провождаше тело его».

О тех же

Моляше Солон некоего странствующаго, дабы воспомянул себе имя умершаго некоего человека. Рече сам: «Едва не юный Солон имяновашеся?» Тем же оный пришелец ничто же уже рече, а по сем зело начат плакати Солон, сия когда от Фалеса услыша новыя вести: «Того ради возбраняет мне Солон воеже бы не женился есмь, дабы великих бед и хлопот многих не восприял на себе».

Ф о р о н е й закононосец и законодавец

На смертном одре или постели тако глагола к брату: «Мой любимый брате, ведай, уже мя сие к великой приводит жалости, когда точию зрю жену или сына своего, преставитися лехко не могу, // ибо крушится сердце, яко вечно уже разлучается плоть ^{л. 114 об.} с плотию, и егда бы не имел жены, не помышлял бы о сем, что сам возможеш на себе узрети сие по сем».

М а р и а н З осин

От некоего господина вопрошен бысть, вскую бы оставил велико списание, отвеща ему: «Ибо жену поях уже, мой господине, сего же ради разума толь великаго не станет мне». Он паки рече: «Почто Сократ, аще и браком сочетася, во учении же и мудрости никако пременися?» Глагола паки: «Яко всякая бранлива Ксантипа,^е но моя добра убо и дородна».

Е п а м и н у н

С тем такожде некий вступи в речь и прилежно его моли, дабы ему неложно намерение свое объявил: каково бы утешение имел муж безженый? В чесом скорый и истинный даде ответ ему человек ученый: «Тако чаю, мой брате, от мужа такова, иже не склонен есть // к сему супружескому чину, яко никако же ^{л. 115} смотрят на временные вещи, токмо славу вечную в прилежном хощет имети попечении».

Ц ы ц е р о н

От Гирцыуса прилежно прошен бысть, дабы вскоре по разлучении поял сестру его, сказуя зело изрядныя в ней нравы и обещавая с нею великия ему дати богатства. Абие на то оный ему отвеща философ: «Веждь, мой любимый брате, яко не радуюся о сем, дабы имел женою и учением упражнятися, на нем же, сиречь учении, намерих сице свой совершити живот».

К читателю

Не удивляйся, мой брате, яко вяпши их зде, но тем скорее свой исправиши разум. Лише сего умолиши бога, когда толиким множеством не прелстишися, веруеши же его всемогуществу.

^е Испр., в ркн. Антитипа.

л. 115 об. Лутче всегда едино святое слово его, нежели // пространное учение из тех мудрецов всякаго. Никако же соблазняет тя сие мое писание, такожде и сих мудрецов, еже слышиши, советование.

Описание естества, сиречь природы,
великаго непостоянства и женска непостоянства
против супружником или сожителем

Во-первых же, Сократ философ

Когда его зело долго злословила жена, изшед на улицу, седе пред враты, и тамо узре его, зело поносила ему, еще же похитив кадь воды, обли его. За что ему соседи зело ругахуся, но абие вместо гнева смех ему уготоваша. Грядет в дом и, отряхиваясь, рече: «Чаях, яко по толь великому громе таков и дождь имать быти».

Той же //

л. 116 Когда некий безмерно уничижаше о сем, вопроси: еда бы и он не имел кокошь или куриц, которые токмо квокчут, овогда и гдачут в дому? «Такожде подобне творит и сия моя жена». Отвеша: «Имею кокоши, но яйца мне несут, лише* же того младыя птенцы стадами водят». Сократ рече: «Ксантиппа такожде детей рождает мне, откуду и аз имею утешение, когда с ними приходит ко мне».

Той же Сократ

Евтидима воззва к себе ясти хлеба, тамо по случаю возбуди жену свою на гнев злословящу досадными словесы. Абие от стола воста, чаши, стаканы с вином и брашна под стол поверже. А оный гость зело усумнеся, Сократ же смеяшся и моля, дабы он весел был, и разговаривая гостя: «Помниши ли, что и твоя кокош сотвори подобие, такову ж тщету содела?»

Анонимий //

л. 116 об. Сей услыша некогда двух беседующих между собою, различные прилучай сказоваста друг другу. Един рече, яко в домашнем саду имеет смоковничное древо, на нем же повесися жена. Вторый же рече: «Молю тя, дажь от дерева того неколико ветвей и мне, дабы от них и мне в моем саду развести. Еда бы и тии ветви толь счастливы были, воеже бы сицево погребение и моей сотворили».³

Диоген

Сей мудрец, шествуя путем, взирал на небо, хотя о нем нечто людем написати в ползу. Воззрев же в скважню, увиде изрядное дерево и хотя уведати, како нарицаemo есть, приближися к нему. Увиде две жены на масличном дереве бездушны висящыя, очесы

*^ж ше написано над строкой.

³ Испр., в ркп. сотворил.

к себе, и рече: «Даждь боже, дабы вся у нас сицева расла дре-
веса, воеже бы таков на себе имели плод».

Аристипп

Некогда проходящеся по случаю, увиде мала возраста жену ходящую, ей же // он прилежно присматриваясь, глагола к клеврету: «Тако глаголю тебе, яко се видиши благообразную и малую жену, но сие истинными аз огражду словесы: занеже в сем малом телеси толь много есть злобы, посреде лвов и змиев уравняемыя несть ея любви».

Поликсен

Вопрошу жены его, вскую сей имяше нрав, яко златых и шелковых не ношаще на себе одежд: «Понеже сего желает мир, яко видиши сам, почто и ты такожде ныне в том не согласуешся с нами?». Отвеща им на то сия честная словеса оная языческая госпожа и честная^н жена: «Изрядную имеет одежду жена, когда довольно сему творит, яко совершенно соблюдает веру сожителю своему».

Арий

Пакувий, советно живя со Арием, возвести ему, яко таково в саду своем имеет древо, на нем же три уже повесиша жены. Ведяше же о сем // Арий, яко бранливы были, и рече: «Како на ^{л. 117 об.} оныя зretи очеса твоя могут? Не даждь расти ему в саду твоем, ибо то в своей имеещи власти. Прилежно молю тя, пресади оныя в мой сад, дабы возприял таков же плод в дому моем».

Альфонс арагонский кроль

Увидев Людовика в жалобной ходяща одежде и зело печальное лице имуща, помышляя в себе, не жена ли у него умре, тако глагола к нему: «Лутши веселу быти и радоватися тем, понеже ведал ю упрямую и великую злобу имущую». Глаголаше сие ему пред людми: «В великом еси ты благополучии, ибо тебе зело во всем угождают бози: что тя зде вредити хощет, они от тебе изметают».

Той же Альфонс

Когда ему о некоем думном его возвестиша, яко 300 червонных златых украдоша у него, кроль ведя, что зело бранливу имел он жену, сими словесы тоя его болезнозваше тщеты: // «О! дабы сей погибл мерзкий и не брал златниц, но лучши б жену его взял!» Той ведал о нраве ея, яко гневлива и вящше еще ему творит печали, нежели украденное золото.

Сулпитий

Сей жену свою того ради оставил, занеже изпестрив, сиречь изнizав жемчугом и камением и различных цветов листами главу,

^н В ркп. на поле доб. есть.

внide во храм, глаголя: «Яко довлеет ти, когда ты моему лицу и моим очесем приятна являешся, а не иным. Тако закон завещавает ти, ибо самому мне точию счастье тя подаде, тебе же ко иным уже скланятия запрети. Обаче вижду, яко сего ради ты нарядилася еси, дабы иного разве мене привлекла еси к себе».

А л ф о н с к р о л ь а р а г о н с к и й

Сей убо тако рад глаголати: «Аще бы кто в тишине и совете хотел жити с женою и никогда с нею не бранитися, да будет же она слепа, а сам глух, воеже бы о ней никакия // никогда доходили слухи. Ибо сей лакомый есть народ, а сверх того желательный, дабы любими весма всякому были. Тем же от супружников своих зело ненавидимы были, когда желание и похоть в них ко иным кроме себя видят».

К читателю

Так, мой брате, чаю, яко довольно нам сии философи возвещают, о чем зде беседуют. Не услышши их похваляющих никакой жены, и аз такожде хощу с ними согласоватися. Глаголю краткими словесы, не буду на то никакова снискивати довода и подтверждения, точию да снидем хотя к домашнему законоположению: отец едину имеет девицу, даст ти несколко тысяч и прибавит нарочитую цепочку, воеже бы оную яко наискорее из дому жениху отдать.

О вдовцах, вторицею брачящихся,
и о вдовах, вторицею посягающих //

С и н у с

Тако глагола на Нептуна, морского бога, иже ^к всегда жалобу предлагал на человека сего, который по единократном на мори злом приключении, дерзну вторицею на глубокой быти воде. Такожде и сего такова ж повествуют быти дерзновения, иже бы вторицею дерзну обрачитися: «Ибо от чего тя, брате, свободи щастие, никогда забывай, советую ти, сего страха».

Д и о н и с и й

Тако глагола матери своей, когда вторицею посягнути хотела, он же, то уведав, рече: «Но, о мати, нарушиш устав преславнаго стыда, насильства же естеству своей старости не сотвориши, по-неже то ведаю, яко ты весма детей родити не будеш и уже со истинной любве при муже не сядеш. Сицева токмо в похоти всегда жена бывает, естьли детей не рождает, млада и дородна».

А н и а

Благонарочитая госпожа, когда во вдовстве, // таковы наговоры от друзей весма слышала, ^х воеже бы вторицею посягнути

^к Испр., в ркн. и. ^л В ркн. испр. из слышит.

имела: «Понеже младыя лета имееши, и благообразное лице, и с мужем велий совет имети, и детей ему раждати будеши». ^м Она же отвещавает: «Жалею, когда у мене умре мой любезный, ибо добраго имела, аще ли же мне по доброму приключится злый, кто мне от вас такову скорбь и печаль отимет?»

П о р т и а

Когда некую жену пред Портиею прославляху, яко оную в великому счастии за вторым мужем познаваху, она же отвеща: «Яко ни едина счастлива у мене зовома будет, ниже честна, яже бы за втораго мужа спешит, наипаче же когда оную велия к тому не понудит нужда. Аще ли сие точию похоти ради сотворила, недостойна посреде счастливых писатися».

В а л е р и а

Сия когда от друзей всем искушаема // бяше, чесо ради о втором паки не помышляет муже, она же обращаясь дерзновенно ко всем, рече: «О сем не помышляю, ниже хощу его вечно, ибо хотя на Сергия моего скажают, яко жива его никогда в мире не видают, но сердце мое непрестанно зрит его, истинно любящи его, гну-^{л. 120}щается всеми».

М а р т и а

Сия егда младою вдовою по муже остася, вопрошаху ея, аще ли бы за иного хотела посягнуть, отвеща: «Невозможно такова улучити. иже бы восхоте мене пояти, разве яко хощет живота и богатства моего. Какова б прохлада в том чину употребила, когда б верная и усердная не будет любовь? Егда бы ради пенязей точию пояхомся, тогда б аки блудник со блудницею подобне жихом».

Совет сих философов тому читавшему приличен,
учение божественного писания
и объявление // откуду раждаются жены

^{л. 120 от}

Какову, брате, чаеш, такову избирай себе, ибо аз зде ни советую, ни отбиваю тебе. но повем ти разныя их во всем нравы. Те пороки сам познаеши, яко во многих обретаются, иначо от разных вещей раждаются, узриши такожде, же различие в делах своих с людми обходятся и поступают.

Ведай же, яко, во-первых, душа от свинии начася, такия подобне мерзости, какова матери приятна. Не увидиш тамо в дому никогда ничего изряднаго, туне же имееши смотрети чего чиновнаго. Скора точию вся исполнены будут углы, сама же аки свиния сапит, сия из нея имееши корысти. Учернився мерзско, точию яст и пиет, и тако аки безсловесный скот в хлеву тыет.

Вторая же душа от лукавыя произиде лисицы, ибо достижею всем госпожа лукавством. Сия уже хощет // все ведати, что содевается, со треснованием и воплем хотя у печи^н дома сама седети

^м Испр., в ркп. будет. ^н Испр., в ркп. течи.

будет, однако ж от ея лукавства никто скрытъся. Уже аще ли добре или зле на свете зде жителствует, обаче иногда будет добра, иногда бесу равна.

Такожде третия от злобнаго пса, а сия уже не умеет рещи и доброго слова: браны всегда довольно будет, хотя и без вины, такожде аки пес иногда лает и без всякой причины. Аще бы ей и каменем избил зубы, однако ж она не сожмет абиа своей губы, токмо аки пес непрестанно на тебе лаяти будет, хотя и драгий гость приидет и возле ея сядет.

Четвертую нам паки от земли изведоша бози, чем зело род человеческий в велию тщету приведоша, ибо такова ничто же доброго творити умеет, ниже такожде к лукавому делу пригодитися может. Егда же паки зима с крепким мразом приидет, и пяди с двора (веруй мне!) она не изыйдет, точию у пещи лядвии будет

а. 121 об. согревати // и не радеет о многою пищи, токмо б хлеб имела.

Пятую паки такожде созда бог особно из моря, сия нравом морю такъже подобна бывает, яко бо оное иногда тихо на едином месте стоит, иногда же ветры востанут, тогда удивительныя вещи творит. Такожде же и сия иногда весела явится, яко несть лутши ея, овогда же гордостна покажется и яко вихрь силный востанет, тако она треснование творит и аки гром бьет. Уклоняйся, господине!

Шестая такожде от осла и от пепела зачася. Такова ленива бывает, разве бы ю ослопом возбудити и подъяти гараздо по спине, тогда соизволит и будет вся по воли мужней совершати. Когда же чьему дорвется, тогда не точию днем, но и ноцю беззазорно пожирает, аще бы тая и в огне была, однако ж и сие бы возимела и всяких бы брашен и питей, радуяся, вкусила. //

а. 122 Таже паки седьмую ласица роди, паче ея не вем, естьли бы что мерзостнее бяше. Вся сицевой мерзска и ни во что беседы, аще бы и преблагообразнейший был, ей является злообразный, и ложу не приближается, ибо тем гнушается. Сицева при себе мужа нерадостно видит, обаче руце ея скоро услышат соседа, аще бы и каю прят, веруй мне, радуяся восхитит.

Осмую такожде конь роди, высокоглаву и долгошею, сицевою срамно бывает орати. О горшке же ни помышляет, аще бы и гладом умрети. Не постоит в поварне, понеже пестрин нарядных желая хранит и почернитися опасается. На сицеву убо всякому благоприятно взирати, однако ж господину мужу всегда досадно бывает, ибо те ея наряды (веруй!) немало принесут убытка, хотя бы ему и от велика быти избытка.

Девятая паки первенство свое от правила и уложенъя имяше. *а. 122 об.* Такова // всегда рада тягатися, токмо б кого судом от имения истеснити или б ему нечто межою отъяти земли. Аще ли она не имеет такова соседа, однако ж долженствует его обрести, хотя чрез третияго: «Плачь ты, яко хощеш, не смотрю я, соседе, когда уже деревенька твоя в руках моих будет».

Наивящи же изо всех сия вредит, яже от мерзской и скверной родится обезяны. Сия с безобразным лицем везде ходити бу-

дет камо же возможно, людей раздражати, ведати такова будет и тайныя советы и то, что куды варят на какия беседы. Такова никому никогда не учинит добра, но скорее когда по тому имеет время, порадеет о худом.

Тамо счаствие на онаго благоприятно воззре, ему же от пчелы рожденная вручися жена, всякое бо уже у сей дело аки // цвет процветает и ничто же кто тамо обрящет, еже бы безмерно охулити имел. Рада тая весь свой дом исполнити всем и с любезным мужем всегда в совете жити, любезных ему детей аки пчела приносити, откуду ему велий прохлад и радость умножатся. Таковая уже во всем разсмотрителне поступает, всякое постоянство всегда в себе показует, не зрит тамо, аможе худо, и где скверныя беседы не дерзает рукою ниже словесы, постоянство паче всего возлюбит себе, ничто же о сем речет, аще ей от мужа и неприятно. Такову жену сам точию бог подает с небес, и кто сицеву восходит имети, подобает его молити. Той сам всяческими, яко же хотет, правит и владеет, кого хотет жестоко наказати, тому лютую присудит.

л. 123

Неудобно ныне, веруй мне, обрести жену. Повем ти сие сокращение, не задерживая тя беседою: едва из тысячи едини обрящется сицева // в мире, яже бы верно с мужем, а не лукаво пожила,^о ибо когда б тебе несколко на десять свободно зде имети, а наименши хотя б уже 12, дабы возмог злую на добрую абие пременити, тогда ти советую: дерзновенно можеш законно совокупитися.

л. 123 об.

И егда уже так недобре воспоминают везде вси учении людие сих жен преступления, паче же явственно глаголют: счастливый сей человек, иже жены не познает во весь свой век, сего ради аз уже намерен не беседовать с ними, и естьли бы возможно, погребл бы ся в земли, дабы никогда не слышал, ниже бы о них ведел. Веруй, веруй мне, в жалобе не ходил бы ради их. Вем, яко не достоит ми богв винити, ибо от сего нам всякия происходят благия вещи. Не зело бо к человеку тогда милостив бысть,^п когда устави имети под сими уставы, дабы никогда возмог кроме жены родитися и яко травам // и кринам изрядным от земли происходить. И егда ему даде жену, приложи много зла, а чаю, всех наигоршее, дерзновенно могу рещи, ибо таковых ни огнь, ни излишество вод не возмогут никогда вящших зде учинити тщет, когда сия нарицаемыя звери и животныя, си есть жены, многия имети в дому — от тех горе над главою.

л. 124

Когда убо ти, брате, какова ни приключится жена, печаль твоя и скорбь вечная всегда, мой любезнейший господине. Вся ти в дому зело мерзка и неприятна, победствуши не единожды и речеши: «О! дабы прежде смерти предан был, нежели бы аз сие злообразное страшилище в дом привел». Мало узриши радости, всегда доволно шума.

Со благообразною, не вем, каково ти утешение будет, ибо зело ю радостно везде видети желают, но аз ти споручник, что мно-

^о В ркп. на поле приклад.

^п В ркп. на поле Бредил сей творец, бог

всегда к человеку милостив.

л. 124 об. гажды тя от того печаль встречати будет. // И невозможно убо
устеречь того, на что мнози совещаваются, а инии и здравие ради
того полагают. Удобно тя в том сосед и друг обольстит, и слуга
тож учинить не замедлит. Сия болшая потеха два дни с женою,
яко искуснии глаголют: первый день, егда ю введеши в дом, вто-
рый, егда ю погребеши. Ибо ни едина, верь мне, толь жестока
есть скорбь, ея же бы врачеве не возмогли исцелити. а против
лютой жены не обрящеши врача, хотя б с аптекою проглотил и
аптекаря. Лучши всех лекарств несть на злую, верь ми всякий,
токмо кий, или палка, когда ю всегда муж окропляет.

А понеже выразумел еси разное жен рождение и дела их и есте-
ственную природу, предаю ти на волю, дабы избирал еси и вы-
сматривал. Хотя сам того сотворити не возможеш, призываи в по-
мощь бога, который сам точию добрую подает // . . .^Р

Р Здесь текст обрывается, следующий лист утрачен.

С. Х. Любомирский

ПРИТЧИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ О ДОБРОДЕТЕЛИ И ФОРТУНЕ

В настоящее время известно 13 списков перевода «Притч нравоучительных о добродетели и фортуне», которые можно разделить на две редакции: основную и распространенную.

Основная редакция:

1. ГПБ, Q.XIV.24 (далее — П). Середина XVIII в., 4°, 79+VI+5 буквенных листов (1а, 2а, 20а, 25а, 30а), скоропись, переплет картонный с кожаным корешком, на верхней внутренней крышке переплета экслибрис библиотеки гр. Ф. А. Толстого. Филиграны: Pro Patria, буквы KS & Zoonen (Клепиков, Филиграны и штемпели, № 1128 — 1762 г.), для переплета использована бумага с гербом г. Ярославля, буквы ЯФЗ (Клепиков, Филиграны и штемпели, с. 20, 23, № 3 — 1748—1751 гг.). Иллюстрации выполнены кистью и чернилами: л. 1а, 2а об., 7 об., 11 об., 15 об., 20а об., 25а об., 30а об., 35 об., 42 об., 47 об., 51 об., 56 об., 60 об., 64 об., 70 об.

2. ГПБ, собр. Михайловского, Q.229 (далее — М). Середина XVIII в., 4°, 70 л., скоропись, переплет — картон в коже, на верхней крышке переплета тиснение «Мировулия Тассалина». Филигрань: герб г. Ярославля, буквы ЯФЗ (Клепиков, Филиграны и штемпели, с. 20, № 2, с. 22, № 2 — 1734—1748 гг.). Листы без текста: 1—3, 6, 10, 20, 24, 28, 32, 37, 49. Перед каждой притчей оставлено место для иллюстраций, на верхнем обрезе листов колонтитул «притча» с буквенным обозначением ее номера.

3. ГПБ, собр. Вяземского, Q.XXX (далее — В). Середина XVIII в., 4°, 61+IV л., скоропись, переплет — картон в коже, на верхней крышке переплета наклейка «Мировулия Тассалина притчи нравоучительные <о> добродетели и фартуне, с латинского языка на славянский переведены в 1730 году». Филигрань: Pro Patria, буквы GR под короной (Клепиков, Филиграны и штемпели, № 1044 — 1762 г.). Перед каждой притчей (кроме 10) оставлено место для иллюстраций, на л. 1 об. неумелый рисунок «Мировулия и Гедеон»; на верхнем обрезе листов колонтитул «притча» с буквенным обозначением ее номера; на л. IV запись типа оглавления в столбец. На л. 61 приписка позднейшим почерком: «Эри предисловие книги сея и внимай разумно. Рече авва Иероним: аще твориши книгу, но украптай ю, страсть бо ти есть, хотяй кто уведати сущая в книзе сей и той да прежде поищет чесого, превращаща листы и числа вотще таковии».¹

4. ГПБ, собр. Соловецкое, № 31/1490 (далее — С). Третья четверть XVIII в., 4°, 48 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком; на л. 1 экслибрис библиотеки Соловецкого монастыря и запись: «Из Соловецкого монастыря № 31», на л. 2 экслибрис библиотеки Казанской духовной академии. Филигрань: буквы ВФ в картушке и СТ в картушке (Клепиков, Филиграны и штемпели, № 151 — 1765—1776 гг.).

5. ГПБ, собр. С.-Петербургской духовной академии, № 160 (далее — А). Сборная рукопись середины XVIII в., 4°, 317 л., переплет бумажный. Содержание: сочинения Гавриила Домецкого, слово Феофана Прокоповича на

¹ Ср.: Синайский патерик. М., 1967. С. 398.

погребение Петра I, повесть о смерти Петра I и др.² «Притчи» на л. 302—315, скоропись, филигрань: *Pro Patria*, буквы HS (*Клепиков С. А., Кукушкина М. В.*. Филигрань *«Pro Patria»* на бумаге русского и иностранного происхождения // Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Л., 1965. № 387 — 1751 г.). Список неполный — текст обрывается на середине восьмой притчи.

6. Научная библиотека им. Н. Лобачевского Казанского университета, Отдел редких книг и рукописей, № 4511 (далее — Каз). Середина XVIII в., 4°, 74 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком и научольниками. Филигрань: герб г. Ярославля, буквы ЯМЗ и ЯМАЗ (*Клепиков, Филиграни и штемпели*, с. 20 — 1748—1751, 1751—1756 гг.). Иллюстрации: л. 3 об., 7 об., 11 об., 16 об., 20 об., 25 об., 30 об., 35 об., 41 об., 45 об., 49 об., 53 об., 57 об., 61 об., 66 об. На л. 73 запись: «Сия книга преписася Иоанном Хоржевским 1755, декабр. 16 в С. П. бурге».³

7. ГБЛ, собр. Румянцева, № 280 (далее — Р). Середина XVIII в., 4°, 57+II л., скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. Филигрань: КОМЕРЦЪ/КОЛЕГИИ (*Клепиков, Филиграни и штемпели*, № 309 — 1738—1746 гг.).

8. ГИМ, собр. Уварова, № 703/607 (далее — У). Середина XVIII в., 4°, 48+I л., скоропись переплет картонный с кожаным корешком. Филигрань: *Pro Patria*, буквы GR (тип близкий к Черчилль № 136 — 1754 г.).

9. ГИМ, собр. Щукина, № 1166 (далее — Щ). Середина XVIII в., 4°, 58 л., полуустав, переплет бумажный без корешка. Филигрань: буквы РФ в картуше и IA в прямоугольнике — аналогичного в альбомах не обнаружено. На л. 1—4, 56 об.—57 об. владельческие записи 1780—1813 гг. и копии писем разным лицам Тихона Васильева, «петрозаводского жителя». Рукопись дефектная — отсутствуют отдельные листы, края листов обветшали.

10. ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 189п/148 (далее — К1). Середина XVIII в., 4°, 66+IX л., скоропись, переплет пергаменный с трапичным корешком. Филиграни: тип *«Allemode papier»* (аналогичного в альбомах не обнаружено); буквы РФ в картуше — близкий к Участкина, № 559 — 1744 г. На л. 66 оглавление: «Главы, обретающиеся в книзе сей».

11. ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 190п/149 (далее — К2). XVIII в., вторая четверть; 4°, 52+X л., скоропись и полуустав, переплет — картон в коже с золотым тиснением. Филиграни: два листа с филигранью *«Allemode papier»* (Лауцявичюс, № 34 — 1730 г.); W под короной — тип близкий к Лауцявичюс, № 3340 — 1724 г.

12. ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 191п/150 (далее — К3). Середина XVIII в., 4°, II+62 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком. Филиграни: 1) *«Allemode papier»* — тип близкий к Лауцявичюс, № 3555 — 1746 г.; 2) *«Allemode papier»* с надписью *«Iegeepndorf»* — аналогичного в альбомах не обнаружено.

В собрании Киево-Печерской лавры (ныне в ЦНБ АН УССР) хранился

² Подробное описание рукописи см. в кн.: *Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1894. С. 186—189.

³ Очевидно, это певец Петропавловского собора, умерший в 1766 г. в возрасте 72 лет, см.: Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 426.

еще один список XVIII в., местонахождение которого в настоящее время неизвестно.⁴

Распространенная редакция:

1. Библиотека Барнаульского краеведческого музея, инв. № 2744. Сборная рукопись 1730-х гг., 4°, 32 л., скоропись. Филигрины: 1) герб г. Амстердама, буквы ВЕАУВАИС (*Клепиков С. А.* Бумага с филигранью «герб города Амстердама» // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. № 29 — 1712—1726); 2) герб г. Ярославля, буквы ЯФЗ (типа Участкина, № 19 — 1741 г.). Содержание: л. 1—16 — «Притчи»; л. 16 об.—32 — «Слово похвальное на праздник Казанской Богородицы». На л. 32 запись: «Читал священник Маркел Хрисанов в церкви Рождества пречистой Богородицы 1741 году». В списке только 10 притч.⁵

В основной редакции лучшим списком является П, в котором читается самый полный текст и имеются все 16 тщательно выполненных иллюстраций (они есть только в П, Щ и Каз), полностью соответствующих латинскому оригиналу. Однако между П и протографом перевода было промежуточное звено. Анализ разночтений всех списков и сличение с оригиналом позволило выявить несколько незначительных разночтений, на основании которых можно выделить группу списков П и Р. Эти различия следующие:

П <нет>	лат. SED хощет твою душу местъ	Р НО хощеш душу твою место
	vis ap̄it̄o tuo locum	

К первой группе относятся списки П, М, В, А, ко второй — Р, С, У, Каз, Щ, К1, К2, К3.

За исключением этих случаев список П самый предпочтительный, хотя и имеет несколько индивидуальных чтений. В М полный текст, но в нем нет иллюстраций, а также значительное число искаженных чтений, у В целый ряд неверных чтений, общих с Каз. В А текст в сплошную строку (*in continuo*), он обрывается на середине восьмой притчи.

В Р, хотя он имеет еще несколько верных чтений, восходящих к протографу перевода, нет иллюстраций, есть пропуски и описки. Непосредственно к Р восходит С, в котором много пропусков и следы незначительной стилистической правки (иногда «фортуна» заменяется «благополучием»). Наибольший интерес в этой группе представляет Каз (датирован 1755 г.), но не сам его текст, имеющий пропуски, искажения и индивидуальные чтения, а иллюстрации.

⁴ Рукопись описана в кн.: *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1896. Вып. 2. С. 61.

⁵ Рукопись описана в статье: *Гузнер И. А., Ситников Л. А.* Библиотека Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 37. — Отметим, что «пресвитер Маркел Хрисанфов» в 1747 г. переписал переведенный с польского еще в XVII в. «Тропник» папы Иннокентия III (см.: ЧОИДР. 1895. Кн. 3. Отд. 2. С. 17—18).

Их на одну меньше, чем в П — отсутствует иллюстрация с форзаца, выполнены они менее тщательно, но зато есть переводы всех надписей-девизов⁶ на гравюрах оригинала. В К2 и К3 оставлено место для иллюстраций; в К2 есть перевод девиза к 11 притче, а в К3 — к 10-й. В списке списков К1, К2, К3 (К1 и К3 написаны украинской скорописью) заметно влияние украинского произношения.

В целом в списках основной редакции немного смысловых разнотечений, включая и перестановки отдельных слов. В определенной степени история текста отражается в графической структуре «Притч», выполняющей и жанрообразующие функции. Лишь в нескольких списках (П, Р, М, В) графическое расположение текста соответствует латинскому оригиналу и, следовательно, протографу перевода. В позднейших списках оно нарушается, а в А уже весь текст записан в сплошную строку. Особенностями сложной графической структуры оригинала объясняются и многочисленные механические пропуски в разных списках.

Распространенная редакция, известная в одном списке Б, возникла уже на раннем этапе бытования перевода в России (читательская запись в рукописи датирована 1741 г.). Она восходит к группе списков Р (наибольшее число общих чтений с Р и Каз.).

Распространение достигалось двумя путями: добавлением отдельных слов и интерполяцией больших отрывков. Приведем примеры первого типа распространения (в цитатах из Б дополнения выделены курсивом).

- П
1) От бога бо есть
что-либо есть.
Еже

живевши, имаши, радуешися,
болезнуеши, утешаешися,
от бога есть.
(л. 13)

- 2) Начало же всех
бог есть.
(л. 14 об.)

- 3) Она бо есть
щит и защищение жизни,
она
храм и святилище добродетелей
(л. 16—16 об.)

- 4) Тако и ты,
между человеки
аще истинен еси, солнце еси.
Прочии тма суть,
сень суть.
(л. 18)

- Б
От бога бо суть что-либо есть
вся.
Еже

живевши, имаши, радуешися, здравствуеши,
болезнуеши, веселиши, утешаешися,
яси, пиеши, одеваешися, ходиши, седиши,
спиши, и востаеши, и делаеши, и глаголеши,
и мыслиши, и молчиши —
от бога бо есть.
(л. 6)

Начало же всех благ бог есть един.
(л. 6 об.)

Она бо есть
щит и защищение жизни, и столп крепости
противу врагов,
она
храм и святилище правых истины добро-
детелей.
(л. 7)

Тако и ты буди между человеки.
И аще истинен, то яко солнце еси.
и аще праведен, то яко свет будеши,
прочии же, аще не имут сих, тма
суть, сень суть и прочая суть.
(л. 7 об.)

⁶ Структура каждой притчи полностью соответствует структуре эмблематического произведения: изображение — надпись (девиз) — подпись.

- 5) Ты же крепок и тверд буди,
крепок буди.
Добродетель и правду,
единое жизни твоего утешение,
единое бедности человеческой
украшение, единый божества
залог како душею защищай.
(л. 22)
- Ты же крепок и тверд буди,
неподвижим, яко столп или яко адамант,
цел пребуди. Добродетель и правду
содеяя, стой. В вере, надежде и любви
христианской добре живи.
Единое жизни твоего утешение господь,
единое бедности человеческой украшение
бог, единый божества залог како душею
защищай.
(л. 8 об.)
- 6) Царица сия,
оная рабыня есть.
Светило сия,
оная слепота.
(л. 44)
- Царица сия (милосердие, глаголю), оная же
рабыня есть. Светило сия (щедроты, реку),
оная бо суть слепота.
(л. 14 об.)

Отдельные вставки различны по объему: от нескольких слов до больших фрагментов. Например, в четвертой притче после слов «Безчестно бо законоположнику собственным законом опорочену быти» (П, л. 18 об.) в Б идет следующий текст: «Сам бо спаситель наш ко учеником своим рече: образ бо дах вам и яко же аз сотворих, тако и вы творите, сие любве есть дело, сия добродетель совершена со исполнением» (Б, л. 7 об.).

В П притча девятая оканчивается словами: «Никогда бо богу тако любим еси, яко аще прощаши» (П, л. 46 об.). В Б читается следующее продолжение: «Кому в чем-либо должником, зане писано есть: отпустите, отпустится и вам, дайте, и вам дастся; что сотворите кому, то сотворено будет и самим вам без опущения, что в любви лицемерной, что в милости притворной, что во благе бесплодном, что слово добро без дела блага, что и дело благо без доброхотного начинания» (Б, л. 15).

В седьмой притче после слов: «Егда, напоследок, зависть тя палит, стяжи мужество» (П, л. 34), в Б следует вставка: «Им же утолиши всяку ненависть. Егда похоть к чему привлекает тя, избери целомудрие и воздержание, да теми одолеши вся пожелания. Не буди раб греха, но господин, не буди пленник тому, но свободь, не побеждайся, но победоносец того буди, не дерися с врагом, но борися со грехом, со враги бо мир имей, а со грехом брань дей. В добродетели всякому благотворению паче, нежели а никакому злодеянию подобает быть» (л. 12—12 об.).

Примеры добавлений и вставок легко умножить, но и из приведенных отчетливо видны намерения редактора. Вставленные им отдельные слова и выражения поясняют смысл текста, делают его более понятным. Действительно, аттический стиль Любомирского мог вызвать затруднения в понимании смысла, переводчики первой трети XVIII в. обычно характеризовали такой стиль как «вельми темный и стропотный».⁷ Добавление поясняющих слов, союзов и частиц делало одновременно текст более нарративным, чему способствовало и значительное упрощение графической структуры.

Дополнения редактора выполняли и еще одну важную функцию, кроме

⁷ См. подробнее: Николаев С. И. 1) Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 218—229; 2) О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи. (К постановке вопроса) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой: XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 109—122.

чисто стилистической. Благодаря им общефилософские размышления Любомирского приближались к форме и стилистике поучительной проповеди. Этим и объясняются ссылки на евангельские тексты, добавление слов «Бог», «Господь» и т. д., которые вообще отсутствуют в оригинале.

Но работа редактора не сводилась только к этим двум видам правки, иногда он не пояснял Любомирского, а шел вслед за ним. Чаще всего в «Притчах» Любомирский пользуется амплификацией, иногда даже злоупотребляя этой фигурой. Составитель распространенной редакции почувствовал это и неоднократно дополнял длинные синонимические ряды Любомирского. Примечательно, что стилистика этих дополнений ничем не отличается от стилистики перевода. Возможно, переводчик и неизвестный редактор принадлежали к одному литературному поколению, были приверженцами одной литературной школы. В распространенной редакции есть одно любопытное разночтение, прямо указывающее на эту школу. Среди определений мудрости встречается и «ключ добродетелей» (П, л. 41 об.), который в распространенной редакции переделан на «ключ разумения» (Б, л. 14 об.). Совпадение, конечно, случайное, но «Ключ разумения» — название популярного в XVII в. наставления по красноречию Иоанникия Галятовского (1659).

Можно полагать, что переводчик и составитель распространенной редакции были либо выпускниками Киево-Могилянской академии, либо учились в одном из духовных училищ России, в котором преподавали выходцы из Киева. Второе более вероятно, о чем свидетельствует язык перевода, свободный от украинизмов. Этому предположению не противоречат и наблюдения над сферой бытования перевода: оба известных читателя принадлежат к духовному сословию, списки хранились в библиотеках монастырей и духовных академий, а в библиотеке Киевской духовной семинарии имелся и список с латинского оригинала.⁸

Не располагая возможностью дать в настоящей книге научное издание перевода «Притч нравоучительных» с разночтениями по всем спискам, мы публикуем перевод двух притч и предисловия по списку П с отдельными исправлениями по спискам Р и М.

Мировулия Тассалина
Притчи нравоучительны о добродетели
и фортуне
С латинского языка на славенский переведены
1730-го году //

Предисловие к читателю

Добродетели и фортуны подвиг в притчах нравоучительных сих, аки в некоем путеводители, тебе, благоохотный читателю, пред очима есть. Которая от них победу имеет, искусством восприими совет предложенный общему добру. Муж от природы князь, честию

⁸ См.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1891. Вып. 1. С. 274—275. — Это список с издания 1702 г., в котором раскрыт псевдоним автора, в нем нет иллюстраций, поэтому этот список не мог быть источником перевода.

великий сенатор кролевства польского, яко же они нарицают «патер фамилия», который аще светло труду своему собственное имя приложил бы к сему, его же ныне имать, новому от своего достоинства приложил бы света. Но гаданием изволи скрыти развращенному веку гадания добродетели, сиречь собрания и расточения фортуны имущему глаголати. Ты же, изрядный читателю, творца пронеси во свете имя, аще сия притчи нравоучительны нравом твоим влиеш, без них же зле украшенно и неблагополучно течение жизни твоей имаш препроводити. Здравствуй и усердствуй! //

Притча первая

л. 3

К или КО

Начало,

состояние человеческое

и его слабость изъясняет

и учит,

яко человек родится точию ко добруму житию.

К вам глаголю,

о смертны!

Иже к познанию состояния человеческаго,

аки пременитися имущии

при источнике наркисове,

или паче

созерцатели^а собственной худости,

ко зерцалу многотрудной бедности

душею приступаете. //

Се

л. 3 об.

первый к житию приступ

доволный к смерти^б степень

есть.

Не первее к свету,

яко к риданию,

не ко зрению,

яко к сетованию

очи отверзаем.

И, неблагополучныи,

ко всему злу родихомся.

Волнами слез

к морю бедствий

веземся,

к фортуны лестныя повиновению

совершеннейшии возраст нас приводит,

к ея же //

ласкающая злобе^в привлекаем, надменны.

Абие

л. 4

^a В рук. испр. из созерцати. ^б Испр., в рук. смертии.

^в Испр. по Р., в П злобы.

к сверепеющим обуреваниям отвыкаем,
устрашены.

Белый!

Ибо ко всему падежу родихомся.

Белншии!

Ибо ко злодействию склонны.

Белнейшии!

Ибо всегда к смерти странствуем

О коликое же в нас

бездны и худости нашей

есть желание!

К получению здравия,	коликое тщание!
К приобретению красоты,	коликой труд!
К одеянию тела,	коликое иждивение! //
К препитанию плоти,	коликое попечение!
К насыщению чрева,	коликая жажда!
К снисканию богатств,	коликое желание!
К тщеславию,	коликое хотение!
К всему такожде.	коликая суeta!

Обаче вся сия.

К ним же родихомся, — скепа суть

К ним же для наставления грядем медленна.

К ним же для наставления придем медленно.

К ним же почести ради прекланяемся предестна.

К ним же посты ради преклонимся прелестна.
К ним же надежду обращаем непостоянна.

Едина сия.

пределены ес-

Известна нам

скорая и неизменна суть, //
известно нам есть рождения начало,
известна бедность, известна слабость,
известна немощ, известна болезнь,
известен конец, известно тление

H₂O⁺

неизвестна жизнь, неизвестна фортуна,
неизвестно здравие, неизвестно богатство,
неизвестна слава, неизвестно стяжание,
неизвестны друзья, неизвестна последняя —
неизвестен смерти час.

И аже остается —

И еще остается —
неизвестно, погребение

Единым словом

Единым словом,
к изъявлению всяя бе-

к извлечению всей седности,
суеты и горести.

сущности и горести изображением довольно

изображением довереного человека на речи

Что убо есть человек?

4. 5 06.

Г Лоб по Р в П нет

Животное
бедное неблагополучное,
беспокойное,
сметище естества, узник греха,
орудие злобы, цель фортуны,
корабль,
известен разбиения,
и смерти корысть
известнейшая.

Что же есть жизнь?

Пища бедности человеческая,
Губа неблагополучия и беззаконий,
пламень возжделения,
дым, воздух, ветр,
прах, сень //
и ничто же.

К чесому
убо родихомся?

Поистине
не к злодеянию,
ниже к пирожанию,
ниже
к птичию,
ниже
к играм,
ниже
к роскошам,
ниже
к веселию,
ниже
к плясанию, //
ниже
к музыке,
ниже
к светлому украшению,
ниже
к собранию богатств,
ниже
к насыщению последних,
ниже
к снабжению неблагодарных,
ниже
к победам суэтным,
ниже
к времянной славе,
ниже
к прочтим тщетным
и скоропреходящим. //

Но

л. 6

л. 6 об

л. 7

к чесому убо?
Ко
доброму житию.

л. 36

Притча осмая.
М Е Ж Д У
Что есть мудрость
и в чом состоит,
учит.
Между человека-
жительствующу ти,
смертному, странному,
несведомый и обоятный предлежит
путь.

Бедному путешественнику,
земному гостю,
сомнительну, неискусну,
неблагополучну и слепому,
толь мрачный и претыкальный //
кто покажет тракт?

Между
пространством и теснотою
ходити подобает тебе.

Кто споручник?

Яко
между
толь безчисленными и различными стезями
поидеши безнавестен
или от невежества не заблудиш?

Между тмою
и мрачным жития смешением
нужда ти шествовати.

Между тернием
и остроконечием,
между камением
и огнем, //

между стреминными
и стропотными,
между темными
и пропастными,
между неищетными
души твоя наветы
бедствие имаши преходити.

Срящут тебе стропотная,
яже от славного и добродетельного пути
отвлекут,
приосенят ненависти дубравы
и сенотворны развращенного совета ветви,
ими же тебе добродетельные стези заградятся.

л. 37

Привлекут угодная роскошам
луговая увеселения, //
яже к морю злодеяний
удобный и радостный путь покажут.
Приманит хрусталовидныя суеты лед,
иже гладкаго, но слизкаго шествия
предъявит образ.

Л. 37 об.

Прельсят высокия кичения горы,
громобиению и падежу собственныя,
иже вознесут, низвергут и потрясут.

Во всяком же

толь сумнительного и бедственного пути хождений
многая приключатся, яже угодна будут,
множайшая, яже устрашат,
неиштетна, яже погубят.

Но увы!

Коль мало
и едва некая, //
яже на истинный и совершенный
к славной добродетели путь
научат и наставят!

Л. 38

Между сими убо
толь мрачными и сомнительными,
толь лестными и ползскими,
толь скрытыми и неизвестными
да не погрешиш неведением
или
да не погибнеш неискусством.

Буди тебе место светила
мудрость.

Она же
блаженна и чиста,
всякия хитрости и коварства
свободна и отчужденна. //

Л. 38 об.

Она едина
добродетелей служителница,
лидийский камень,
добра и зла начальница
и учителница жития человеческаго,
без которая,
аки без светила,
не можем что познати,
ни избирати, ни разсуждати, ни разрешати,
ни блюстися.

Сия тебе во всем
вождь, сопутник, страж и защищение
будет.

Паче же
хранительница и наставница

добродетель, //
яже тебе в толь лестном и сомнительном
пути и жизни течении
истинную и неложную
добродетели и славы стезю
и правило покажет.

Она же
совершенная и чистая мудрость есть,
яже бывает (яко же речеся)
между
познанием и избирианием,
разсуждением и разрешением
и хранением.

Вначале убо
познай

собственное состояние, тайную скудость,
случай к деланию добродетели //
и всякия вещи время:
пример прешедшаго,
возможность настоящаго,
нужду будущаго,
чуждую истинну
и свою слабость.

Избери
добродетель первое всего,
полезное после всего,
милость без тщеславия,
любов без притвора,
честь без кичения,
фортуна без бедствия.

Разсуди
между добродетелию и злодеянием,
между истинною и лестию,
между суетою и славою, //
между любовию и лицемерием,
между обидою и небрежением,
между злобностию и немогуществом,
между благодеянием и требованием.

Разреши,
еже есть правильно,
еже есть истинно, еже есть похвально,
еже есть благим обычайно,
еже есть добре уразуменно,
еже правильнейше советует,
еже мнение не оболщает,
еже упрямство насилию не изгонит,
еже время позволяет,
еже может быти
и еже иначе быти не может.

Блюдися напоследок
от случая ко злодеянию, от суда безумнаго, //
от вожделения необузданного,
от всякаго лицемерия,
от похвалы собственных устен,
от содружества развращенных,
от кичения пагубнаго,
от празности тщетной,
от прощения безвремянного,
от средствий непристойных,
от подозрения неразумнаго,
от избытной фартуны.

л. 40 об

В сих убо
наиначе состоит истинна
и неприворна мудрость,
яже учит единым словом
избирати между благим
и злым, //
познавати между собою
и прочими,
разсуждати между истинною
и пронырством,
разрешати между опасностию
и бедствием,
блюстися между наветами
и фортуною.

л. 41

В сих всех
ко познанию, избранию, разсуждению,
разрешению добродетели
и устраниению злодеяния
прилежно поучайся
сицевым образом: //

л. 41 об.

да
что-либо нами творимо есть,
мудрость наричется.

Сия бо едина
свет есть души,
ключ добродетелей,
мост безопасен над злодеянии,
учительница и правительница
жития человеческаго.

Да

яко же между злодеяниии слепое юродство
есть мрачная некая бездна,
тако между добродетельми
преславное и несравненное
светило
мудрость.

(ГПБ, Q.XIV.24, л. 1 об.—7, 36—41 об.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
Клепиков.	
Филиграницы и штемпели	— Клепиков С. А. Филиграницы и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX в. М., 1959
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР
ЦНБ АН УССР	— Центральная научная библиотека АН УССР
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
Churchill	— Churchill W. Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.
Estr.	— Estricher K. Bibliografia polska. Kraków, 1882—1951. T. 8—34.
PAN	— Polska Akademia Nauk

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Титульный лист книги В. Коховского «Небездельное безделье» (Краков, 1674). Фронтиспис.
2. Страница из книги В. Коховского «Небездельное безделье» (Краков, 1674). С. 120.
3. Страница из книги В. Коховского «Небездельное безделье» (Краков, 1674). С. 121.

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ УПОМИНАЕМЫХ РУКОПИСЕЙ

Киев

- ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 189п/148 190
ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 190п/149 190
ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 191п/150 190
ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 334п/225 71
ЦНБ АН УССР, собр. Киевского церковно-археологического музея № 573 58

Ленинград

- Архив АН СССР, ф. 158, оп. 1,
№ 212 31
БАН, Архангельское собр., С. 136
114
БАН, Архангельское собр., С. 228
66
БАН, собр. Никольского, № 168
133
БАН, собр. Текущих поступлений,
№ 12 61
БАН, собр. Текущих поступлений,
№ 744 71
БАН, 16.16.3 76
БАН, 17.6.18 99
БАН, 17.7.16 66, 67
БАН, 17.14.21 71, 72, 148
БАН, 32.4.27 64, 65
БАН, 32.6.15 75
БАН, F.355 77
ГПБ, собр. Вяземского, Q.XXX
189
ГПБ, собр. Михайловского, Q.229
189
ГПБ, собр. ОЛДП, Q.751 80
ГПБ, собр. Погодина, № 1494 114
ГПБ, собр. Погодина, № 1700 66
ГПБ, собр. Погодина, № 1974 42
ГПБ, собр. Соловецкое, № 31/1490
189
ГПБ, собр. Соловецкое, № 927/1037
52
- ГПБ, собр. Тиханова, № 485 75
ГПБ, собр. С.-Петербургской духов-
ной академии, № 160 189
ГПБ, F.IV.106 63
ГПБ, F.IV.130 63, 64, 115
ГПБ, F.IV.131 63, 114
ГПБ, F.IV.180 63, 64, 115
ГПБ, F.VI.19 82
ГПБ, Q.I.244 65, 99
ГПБ, Q.I.1466 108
ГПБ, Q.IV.56 63
ГПБ, Q.IV.65 58
ГПБ, Q.IV.73 73
ГПБ, Q.IV.111 75
ГПБ, Q.IV.126 64, 65
ГПБ, Q.XIV.10 85, 149, 150
ГПБ, Q.XIV.24 189, 201
ГПБ, Q.XV.9 75
ГПБ, Q.XV.29 56
ГПБ, Q.XVII.28 63
ГПБ, Q.XVIII.4 71
ГПБ, Q.XVIII.79 23
ГПБ, НСРК. 1983 20.F 82
ИРЛИ, колл. Величко, № 26 82
ИРЛИ, колл. Перетца, № 376 80
ИРЛИ, собр. Керженское, № 96 82
ИРЛИ, собр. Усть-Цилемское, № 67
82
ИРЛИ, собр. Усть-Цилемское, № 70
82
ИРЛИ, собр. Усть-Цилемское, № 91
82
ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 1217 17

ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576	18, 31	ГИМ, собр. Синодальное, № 287
ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 583	17	23
ЦГИА, ф. 796, оп. 61, № 3	22	ГИМ, собр. Синодальное, № 731
		28
Москва		ГИМ, собр. Синодальное, № 809
		71
ГБЛ, собр. Пискарева, № 193	80	ГИМ, собр. Уварова, № 703/607
ГБЛ, собр. Румянцева, № 280	190	190
ГБЛ, собр. Румянцева, № 457	64	ГИМ, собр. Уварова, № 1940
ГБЛ, собр. Ундовского, № 484	67	60
ГБЛ, собр. Ундовского, № 925	75	ГИМ, собр. Щукина, № 1166
ГБЛ, собр. Ундовского, № 1079	81	190
ГБЛ, собр. Ундовского, № 1288	31	ЦГАДА, ф. 79, 1670, № 6
ГБЛ, ф. 64, к. 80, № 10	66	36
ГИМ, собр. Барсова, № 1531	70,	ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8
101, 176		37
ГИМ, собр. Вахрамеева, № 445	81	ЦГАДА, ф. 79, кн. 173
ГИМ, собр. Синодальное, № 191	58	128
		ЦГАДА, ф. 79, кн. 177
		37—41,
		46, 52, 118, 129, 137, 143
		ЦГАДА, ф. 79, кн. 178
		36
		ЦГАДА, ф. 79, кн. 181
		46
		ЦГАДА, ф. 181, № 671
		71
		ЦГАДА, ф. 381, № 1791
		30
		ЦГАДА, ф. 381, № 1800
		28

Единичные рукописи

- Научная библиотека им. Н. Лобачевского Казанского университета,
№ 4511 190
- Барнаульский краеведческий музей, инв. № 2744 191
- Государственный архив Тюменской обл. в г. Тобольске, № 1 81
- Благовещенский монастырь в Вязниках, без № 57

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарне А. А. 81
Аввакум, протопоп 110
Адарюков В. Я. 35
Адодуров В. Е. 69
Адриан, патриарх 23
Адрианова-Перетц В. П. 75, 123
Акундинов Т. 50
Александренко В. Н. 20
Алексеев А. А. 133
Алексеев М. П. 55, 59, 61
Алексей Алексеевич, царевич 52
Алексей Михайлович, царь 43, 52,
124—126
Алексей Петрович, царевич 77
Анджеевский Я. 60
Анна Иоанновна, императрица 107
Анушкин А. И. 62
Ариосто Л. 20
Архангельский А. С. 80
- Багрий А. В. 97
Байкулов К. 96
Байрон Дж. Н. Г. 117
Бальде Я. 19
Барклай Д. 19—21, 131
Бауман, полковник 127
Бахтин М. М. 119, 120, 128
Белецкий А. И. 25
Белобоцкий А. 8, 29, 55, 67, 69
Белокуров С. А. 20, 24, 32, 33, 35, 51
Берков П. Н. 6, 9, 15, 16, 21, 27, 90,
96, 98—101, 113
Берниви Д. 86
Бетюн, маркиз де 45
Бешенковский Е. Б. 21
Богословский М. М. 53
Богоявленский С. К. 127
Болест П. 53
Болотов А. Т. 84
Бончальский С. 76
Борис Годунов, царь 32
Британишский В. 135
Брюкнер А. 5, 6, 37, 61, 81, 133
- Бугославский С. А. 68
Будный Б. 62, 104
Буслаев П. 108
Буслаев Ф. И. 99
Буторин В. 67
Буханан Д. 19
Буш В. В. 59—61
Быкова Т. А. 75
- Варений Б. 54
Варшевицкий К. 64
Васютинский И. 51
Васильев Т. 190
Вежбовский Т. 80
Векерлин Г. Р. 122
Величко С. 100
Вергилий 14, 33, 58, 85
Верховский П. В. 18
Веселовский С. Б. 37
Виланова А. де 80
Винцус А. А. 31
Вишневецкий Д. 45, 46
Владислав IV, король 20, 33—35, 44
Возницын П. 47
- Гавинский Я. 76, 77, 135
Гавриил Домецкий 189
Гадзаловский С. 51
Гальстер И. 57, 58
Гаспаров М. Л. 4, 9, 90, 150
Гваньини А. 61—64, 66, 113—115
Гедеон Вишневский 107
Гете И. В. 117
Гивнер Ю. 51
Гильтебрандт П. А. 58
Гинзбург Л. 122
Глокке Н. 26
Гозвинский Ф. 24
Голицын Б. А. 125
Голицын В. В. 39, 40
Голицын Д. М. 19, 47, 66, 76, 77,
105, 107
Голосов Л. Т. 51

- Голубев И. Ф. 57
 Гомер 58
 Гораций 13, 131
 Гордон П. 127
 Горохова Р. М. 98
 Горский А. В. 23
 Горфункель А. Х. 8, 29, 67
 Готфрид Бульонский 100
 Грабовецкий С. 82
 Градова Б. А. 77
 Григорий Богослов 116
 Гrimmельсгаузен Г. Я. К. 121
 Грасс Л. 51
 Гроховский С. 82
 Груздев В. Ф. 80
 Грузинский А. С. 71
 Гуго Г. 3
 Гуданский И. 51
 Гузнер И. А. 191
 Гуковский Г. А. 43, 123
 Гуревич М. М. 75
 Гурский К. М. 42

 Демин А. С. 7, 81, 84
 Демкова Н. С. 58
 Дергачева-Скоп Е. И. 81
 Державина О. А. 61, 62, 99, 104
 Дерюгин А. А. 3, 133
 Джама Л. М. 77
 Димитрий Ростовский 5, 25, 52, 71, 110
 Добрянский Ф. 65
 Долабелло Т. 35
 Долгово П. 51
 Долgorukiy Г. 125
 Долгорукий Ю. И. 49, 118
 Долгорукий Я. 125
 Дорофеев Г. 51
 Дорошенко П. 128, 129
 Дружинин В. Г. 29

 Евгений Булгарис 15
 Евфимий Чудовский 22, 23, 26
 Екатерина I, императрица 89
 Елеонская А. С. 98
 Епифаний Славинецкий 58, 61
 Еремин И. П. 14, 22, 24, 94
 Ефремов П. А. 21

 Жабчиц Я. 5, 18, 51, 52, 72
 Жак де Витри 82
 Живов В. М. 54
 Жирмунский В. М. 117
 Жуковский В. А. 130
 Журовский Ф. 99, 101

 Забелин И. Е. 96, 102, 125, 126, 130
 Залесский И. 33
 Захара М. 42
- Иван Иванович, папа 17
 Иван IV, Грозный, царь 63
 Иванов Л. 36
 Илларион Рогалевский 31
 Ильинский Д. 86, 89
 Иннокентий III, папа римский 191
 Иоанн Максимович 25
 Иоанн Хоржевский 190
 Иоанникий Галятовский 65, 99, 194
 Иоанникий Лиход 108
 Иосиф Туробойский 72

 Каган М. Д. 53
 Калайдович К. Ф. 8, 75
 Калачева С. В. 89
 Каллаш В. Е. 8
 Каминьска А. 68, 69
 Кантемир А. Д. 3, 20, 21, 25, 31, 110, 133
 Кантемир Д. К. 107
 Карамышев А. 99
 Карион Истомин 22, 29, 53
 Карл V, император 74
 Карл XII, король 74, 89
 Катулл 70
 Кафенгауз Б. Б. 124
 Кебет 70
 Кирилл Белозерский 109
 Киселев Н. П. 30
 Клешников С. А. 189, 190, 191
 Клосс Б. М. 77
 Клёновиц С. Ф. 59, 60, 135
 Кобежицкий С. 31
 Ковалевская Е. Г. 84, 90, 98
 Коллинс С. 125
 Колосова В. П. 29
 Консерт Т. 15
 Константин Философ 116
 Корецкий В. И. 77
 Коровин Г. М. 21
 Котошихин Г. К. 126
 Кохановский А. 16
 Кохановский М. 16
 Кохановский П. 5, 13, 16, 18, 86, 98, 100, 101
 Кохановский Я. 6, 13, 16, 17, 19, 21, 22, 26, 27, 31, 69, 70, 85, 101, 119, 132, 134—135
 Коховский В. 19, 23, 34, 40, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 116—119, 121, 122, 127—129, 135, 136
 Красицкий И. 119
 Крекотень В. И. 29
 Крижанич Ю. 124
 Кропоткин М. 66
 Круазе ван дер Коп А. 5
 Кудрявцев И. М. 50
 Кузьмина В. Д. 95, 96, 98, 123
 Кукушкина М. В. 190
 Кульчицкий Г. 51
 Кулябко Е. С. 21

- Кунаков Г. 20, 34, 36
 Куракин Б. И. 125
 Куракин Ф. А. 125
 Курбский А. М. 63
 Кшижановский Ю. 86
 Лабковский Н. 134
 Лабынцев Ю. А. 6, 16, 31
 Лаврентий Горка 13, 18, 31
 Лаврецкий С. Ф. 38, 51, 66
 Лазарь Баранович 27
 Лапчинский А. Х. 106
 Лебедев А. 58
 Левин П. 7, 12—14, 24, 25, 98, 101
 Левин Ю. Д. 117, 130
 Либицкий Я. 29
 Лилейко Е. 35
 Липатов А. В. 6
 Лихачев Д. С. 6, 53, 83, 90, 96, 97,
 109, 123
 Ломоносов М. В. 4, 21, 24, 31, 57, 131
 Лопарев Х. 66
 Лужный Р. 6, 7, 12—14, 18, 23,
 26—28, 85, 98
 Лушпов С. П. 15, 17, 47
 Лызлов А. И. 63—66, 114, 115, 132
 Любомирский С. Х. 33, 37, 38, 40,
 54, 106, 107, 109, 113, 135, 189,
 193, 194
 Людвика Мария, королева 44
 Людовик XIV, король 45, 74
 Макарий, патриарх 127
 Максимов И. 33
 Малэк Э. 57, 58, 62, 104
 Мардарий Хоников (Ханыков) 29, 70
 Марино Д. 20
 Мария Казимира д'Аркье, коро-
 лева 44, 45
 Маркел Хрисанов 191
 Мартынов И. Ф. 76, 132
 Мартынов Л. 70
 Маслов С. И. 15, 18
 Матвеев А. А. 17, 19, 31, 47
 Матвеев А. С. 37, 44, 128
 Матхазерова С. 23, 29, 112, 113
 Мейерберг А. 34, 126
 Михаил Вишневецкий, король 36, 45
 Михайлов А. В. 121
 Михайлов В. 33
 Мицкевич А. 136
 Модзялевский Л. Е. 97
 Моисеева Г. Н. 7
 Монс В. 84
 Морозов А. А. 121
 Морозов Б. Н. 50
 Морозов П. О. 8, 97
 Морштэн З. 5, 33, 41, 133
 Морштэн Я. А. 5, 11, 12, 33, 119,
 133, 134
 Мочалова В. В. 102, 122, 123
 Мрочек К. 42
 Мурет М. 19
 Муркос Г. 127
 Мусин-Пушкин И. А. 54, 72
 Мымер Ф. 80
 Мюллер В. 127
 Мясковский К. 17, 19
 Н. М. 34
 Невилль де ла 125
 Невоструев К. И. 23
 Николаев Н. И. 53
 Николаев С. И. 16, 18, 19, 21, 27,
 31, 40, 42, 53, 56, 62, 63, 67, 70—
 72, 85, 101, 106, 107, 113, 115,
 135, 149, 193
 Ниссе И. 29
 Новак-Длужевский Ю. 42, 43
 Новиков Н. И. 64, 114, 132
 Новицкий Г. А. 6
 Овен Д. 19
 Овидий 14, 17, 22, 58, 59, 61, 63,
 71, 72, 113, 115, 144
 Ольделанд Г. 127
 Ольгиевский А. 49
 Оконь Я. 86
 Онуфрий, архимандрит 81
 Ордин-Нащокин А. Л. 126
 Орлов А. С. 83, 96
 Отвиновский В. 17, 22, 71
 Охрименко П. П. 6
 Павел, митрополит 16
 Павел Алеппский, архиепископ 126,
 127
 Панисий Хилендарский 100
 Панченко А. М. 3, 4, 14, 28, 30,
 50, 53, 54, 67—69, 84, 104, 105,
 107, 110, 118
 Папроцкий Б. 3, 5, 8, 18, 56, 66,
 102—105, 176
 Парин А. 113
 Пасек Я. 11, 124
 Пац М. 37
 Печарский П. П. 8, 71, 72, 86, 97,
 131
 Пергамен Н. 56
 Перетц В. Н. 4—6, 8, 9, 23, 71, 80,
 81, 84, 97—100, 122, 123
 Петр Амьенский 100
 Петр I, император 8, 27, 40, 54,
 71, 72, 75, 83, 84, 89, 90, 99, 105,
 122, 134, 190
 Петрицы Я. 20
 Петров К. 31
 Петров Н. И. 12, 191, 194
 Петров С. 23
 Пискатор Н. 3, 29
 Платонов С. Ф. 29
 Позднеев А. В. 9, 42, 53, 84, 90

- Поликарпов Ф. 17, 54, 72, 134
 Понтано Я. 12
 Понырко Н. В. 25
 Попов А. 37, 39
 Посошков И. Т. 124
 Потоцкий В. 11, 20, 31, 33, 34, 37—
 40, 54, 135
 Протопопов В. В. 57
 Протопопов М. 132
 Прохоров Г. М. 109
 Прыжов И. Г. 124
 Пумпянский Л. В. 21
 Пушкин А. С. 123, 135
 Пушкин Г. Г. 20, 33, 34, 40
- Рабле Ф. 120, 123
 Радер М. 29
 Радзивилл Н. 58
 Радищевский Р. П. 7
 Радищев А. Н. 131
 Рей М. 119, 135
 Рейсер С. А. 75
 Рейтенфельс Я. 125
 Робинсон А. Н. 84, 100
 Ровинский Д. А. 35, 70, 82
 Рогов А. И. 8, 15, 62
 Роде А. 127
 Родионов В. 16
 Родосский А. 190
 Родостамов М. И. 70, 101
 Розов Н. Н. 75
 Романчуков А. 50
 Ромодановская Е. К. 81
 Рязановский Ф. А. 81
- Саблина Н. П. 80
 Савва В. И. 29
 Салмина М. А. 62
 Сапега Л. 32
 Сарбевский М. К. 13, 20, 21, 24, 31,
 131, 132, 135
 Свидерский П. 32
 Сенкевич Г. 124
 Сервантес М. 123
 Сергеев Ф. П. 24
 Сергей Радонежский 108
 Серко И. 48
 Сигизмунд, король 33
 Сидорова Л. П. 98
 Сильвестр Медведев 16, 19, 22, 56
 Симеон Полоцкий 4, 8, 16, 22, 23,
 25—31, 47, 54, 56, 57, 67, 94, 116
 Ситников Л. А. 191
 Скалигер Ю. 12
 Смирнов Н. 26
 Соболевский А. И. 3, 5, 6, 56, 58,
 60, 62, 63, 66, 67, 72, 80, 81, 85,
 106
 Соколов М. 29
 Соловьев С. М. 32, 33, 35, 51, 126,
 127
- Софроний Лихуд 108
 Софронова Л. А. 84
 Софья Алексеевна, царевна 107
 Сиафарий Н. 51, 116
 Сперанский М. Н. 79
 Стефан Яворский 8, 14—16, 18, 23,
 27, 30, 82, 110
 Столетов Е. 84
 Строганова М. Я. 108
 Строве П. М. 8, 75
 Стрыйковский М. 8, 61—63, 66, 67,
 113—115
 Сумароков А. П. 131
 Сэмп-Шажиньский М. 82
- Тальман П. 110
 Тарковский Р. Б. 24, 112
 Тассо Т. 5, 13, 16, 18, 20, 86, 98,
 100, 101
 Твардовский С. 8, 13, 18—21, 33,
 34, 85—89, 96—98, 113, 132, 135,
 149
- Теренций 97
 Терлецкий П. 53
 Тимофеев В. 37, 38
 Титова Л. В. 102, 103
 Тихонравов Н. С. 8, 84, 97, 149
 Толстой П. А. 71
 Толстой Ф. А. 8, 75, 77, 189
 Томашевский Б. В. 4
 Томпсон С. 81
 Тредиаковский В. К. 3, 4, 20, 21,
 27, 31, 97, 109, 110, 131, 134
 Тувим Ю. 102
 Тшибицкий А. 44
 Тяжкогорский И. 51
 Тяпкин В. М. 32, 35—39, 42, 44, 46,
 51, 52, 128, 129, 134
- Уланов В. Я. 8
 Уо Д. К. 63, 64, 77
 Устрялов Н. Г. 40
- Федор Алексеевич, царь 36, 124
 Феодосий, архимандрит 22
 Феолог, справщик 31
 Феофан Прокопович 8, 13, 14, 18,
 20, 23, 24, 27, 52, 87, 98, 189
 Феофилакт Кветницкий 13, 24, 87
 Феофилакт Лопатинский 17, 18, 20,
 132
 Филарет Гумилевский 14
 Филипп V, король 74
 Филофей Красногорский 25
 Финицкий М. 101
 Флеминг П. 55
 Форбен Жансон 45
 Франциск Эмилиан 127
 Фрыч Моджевский А. 58
 Фустов И. Т. 33

- Харлампович К. В. 12
 Хворостинин И. А. 29, 55
 Хёйзинга Й. 123
 Хмельницкий Б. 39, 122
 Холшевников В. Е. 4
 Хшановский И. 86
 Хэрнас Ч. 86
 Цывьян Л. М. 117
 Чарнецкий С. 48
 Челищев И. И. 56, 57
 Чернобаев В. Г. 43
 Чернов И. А. 29
 Чижинский С. Ф. 51, 52
 Численко Н. Д. 59, 106
 Чистякова Е. В. 64
 Чуковский К. И. 134
 Чумиков А. А. 74
 Шеин М. 34
 Шекспир У. 20
 Шереметев В. Б. 48
 Шилов В. В. 17
 Шимонович Ш. 5, 17, 66, 133
 Шляпкин И. А. 5
 Шуйский В. И. 35
 Шульц Ю. Ф. 80
 Щеглова С. А. 96
 Щерба Л. В. 117
 Эразм Роттердамский 59
 Эстрейхер К. 11, 42
 Яблоновский С. 46
 Ягодинский С. 135
 Якобсон Р. О. 116
 Ян Казимир, король 33, 36, 39, 125
 Ян Собеский, король 11, 37, 39, 42,
 43, 45–47, 51, 52
 Яницкий К. 63
 Angyal A. 68, 106
 Backvis C. 87
 Badecki K. 102
 Bączalski S. см. Бончальский С.
 Białobocki J. A. см. Белобоцкий А.
 Białostocki J. 120
 Bolesławiusz K. 31
 Borowy W. 28
 Bratkowski D. 31
 Brückner A. см. Брюкнер А.
 Buchwald-Pelcowa P. 74, 106
 Budny B. см. Будный Б.
 Budzyk K. 35
 Budzykowa H. 35
 Buslaev P. см. Буслаев П.
 Chrzanowski I. 86
 Croiset van der Kop A. 5
 Curtius E. R. 123
 Czapliński W. 124
 Czechowski H. 34
 Cyzevskiy D. 106
 Darowski A. 35, 37
 Dębski J. 6, 68
 Dziama L. M. см. Джама Л. М.
 Estreicher K. см. Эстрайхер К.
 Fiszman S. 7
 Galster I. см. Гальстер И.
 Gawiński J. см. Гавиньский Я.
 Głowiński M. 117
 Górska K. M. 42
 Gwagnin A. (Guagnini A.) см. Гваньини А.
 Hernas C. 23, 74, 82, 86, 106
 Hippisley A. 30
 Ivan IV см. Иван IV, Грозный
 Jan Sobieski см. Ян Собеский
 Janów J. 7
 Jakóbiec M. 6
 Kaleta R. 74
 Kapeļuš H. 77
 Keenan E. L. 63
 Klonowic F. S. см. Клонович Ф. С.
 Kochanowski J. см. Кохановский Я.
 Kochanowski P. см. Кохановский П.
 Korotaj W. 19
 Korotajowa K. 19
 Kott J. 74
 Korzon T. 43
 Krejci K. 103, 104
 Kroll W. 106
 Krugovoj G. 123
 Krzyżanowski J. 86
 Kubala L. 34
 Kuchowicz Z. 125, 126, 130
 Kurbskii A. M. см. Курбский А. М.
 Lachmann R. 108
 Lewański J. 35
 Lewin P. см. Левин П.
 Łabyncew J. см. Лабынцев Ю. А.
 Łoziński W. 124
 Łužny R. см. Лужный Р.
 Małek E. см. Малэк Э.
 Mathauserová S. см. Матхаузерова С.
 Meyer P. 81
 Mikulski T. 113

- Morsztyn J. A. 119
Morsztyn Z. 41
- Nowak-Dłużeński J. см. Новак-Длужевский Ю.
- Ocieczek R. 24
Okoń J. 85, 86, 89
Otwinowska B. 24, 106
Otwinowski W. см. Отвіновський В.
- Pasek J. см. Пасек Я.
Pelc J. 27, 41, 70, 106, 107
Pieglar A. 86
Pirożyński J. 37
Pollak R. 85, 100
Pozdneev A. V. см. Позднеев А. В.
Ptakówna W. 59
- Radziszewska J. 62
Roszkowska W. 106
- Saski S. 85
Sarbiewski M. K. (Sarbievius M. C.)
см. Сарбевский М. К.
Schmücker-Breloer M. 99
Smith G. S. 9
Sokołowska J. 62
Sparrow J. 109
- Stefan Jaworski см. Стефан Яворский
Stryjkowski M. см. Стрыйковский М.
Suchanek L. 68, 107
Symeon Połocki (Simeon Polotsky),
см. Симеон Полоцкий
Ślęk L. 119
Śliwiński J. 43
- Tasso T. см. Tacco T.
Tazbir J. 124, 129
Temberski S. 36
Teofan Prokopowicz см. Феофан Прокопович
Toporov V. N. 108
Trembecki J. T. 37
Tubach F. C. 81
Turowski K. J. 46, 122
Turowski S. 47
Tuwim J. 102, 119
Twardowski S. см. Твардовский С.
- Walczak B. 61
Waliszewski K. 44
Waugh D. C. см. Уо Д. К.
Weintraub W. 7
Wichowa M. 71
Wierzbowski T. 80
Woliński J. 45
Wójcik Z. 35

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Пути проникновения польской поэзии в Россию	11
Польская поэзия в духовных училищах XVII—XVIII вв.	12
Польская поэзия в русских библиотеках и книжных собраниях XVII—первой трети XVIII в.	14
Поэт и перевод	22
Глава 2. Поэзия и дипломатия	32
Глава 3. Переводная поэзия на рубеже веков	55
Глава 4. Жанровые метаморфозы первой трети XVIII в.	83
Глава 5. Искусство перевода	112
Техника перевода	112
Поэтика перевода	116
Заключение	131
 Т Е К С Т Ы	
В. Коховский. Небездельное безделье	137
«Дума» на победу под Хотином	140
Овидий. Метаморфозы	144
С. Твардовский. Дафна, превратившаяся в лавр	149
Б. Папроцкий. Наставления разных философов о супружестве	176
С. Х. Любомирский. Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне	189
Список сокращений	202
Список иллюстраций	202
Указатель щифров упоминаемых рукописей	203
Указатель имен	205

Научное издание

Сергей Иванович Николаев

**ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII века**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

*Редактор издательства Е. А. Смирнова
Художник Е. В. Кудина
Технический редактор Е. М. Черножукова
Корректоры Н. И. Журавлева, Л. Б. Наместникова
и Г. В. Семерикова*

ИБ № 44014

Сдано в набор 07.12.88. Подписано к печати 31.08.89.
М-31747. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13.5. Усл. кр.-от. 13.75. Уч.-изд. л. 15.25.
Тираж 1000. Тип. зак. № 1082. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

«Наука»
Ленинградское отделение

Zasiedli pierwotni
Czadny (powsiad) moj rzad je
Sędziem spać czekało / d

O Szlachcicu Po

*G*łeben pan wiścimy nie dawno
W polsce Szlachcie iżkoby
Zo kro iedno przysiedzie / eo z Róż
I żoną pościel zwłocze nie

Epitaph : dzieciu

*C*zaje/ nadmimo plakić nie po
Miod nietwornie tworzy
Bodaj taki wiele dobrze przyczyni
Je mnie fruga śmierć nie we

Na młodość

*J*akoby taki rok bez większy nie
Koczu dwoje żeby mimoži,

Na starość.

*B*jedna starości / wifyscy če /
Z hedy przypiszczy / eo żdżem

Na śmierć.

*O*gludny światko / kłoc / s cewi
Dofidem poecu / tuż wiec

Na frasownie.

*P*iąt iednym frasociu dwie frasjki Drog dalej :
Głupi nie zdziśi / wiec fortunie kate.
Bogini co doberze / eo na wierteib wykłada/
Z co nie binyoli / eo pełnie przysiąda.

Na fortunę.

В книге впервые прослеживается история становления русского стихотворного перевода с середины XVII в. до 1730 г. на примерах польской поэзии эпохи Возрождения и барокко: от эпиграмм Яна Кохановского и моралистических басен Бартоса Папроцкого до буколической поэмы Самуэля Твардовского „Дафна, превратившаяся в лавр”, философских медитаций Станислава Хераклиуша Любомирского и сатирических стихотворений Веспазиана Коховского и анонимных поэтов XVII в. Издание сопровождается научной публикацией переводов.